

Г. Б. Джукьян

УРАРТСКИЙ
И
ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ
ЯЗЫКИ

Ереван
1969

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՐ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԳԵՄԻԱ
ԼԵԶՎԻԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Գ. Բ. ԶԱՀՈՒԿՅԱՆ

ՈՒՐԱՐՏԵՐԵՆՐ
ԵՎ
ՀՆԴԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ԼԵԶՈՒՆԵՐԸ

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА

Г. Б. Джаукян

УРАРТСКИЙ
И
ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1963

Автор работы, подвергая детальному сравнительно-историческому анализу фонетический и грамматический строй и лексический состав урартского языка, приводя многочисленные лексико-грамматические параллели, приходит к выводу, что урартский язык находится в родственных связях с индоевропейскими.

Работа предназначена для урартоведов, компаративистов, работающих в области изучения индоевропейских языков, историков и языковедов, занимающихся вопросами древнейшего периода истории армянского народа и его языка, специалистов по вопросам истории древнего мира.

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Урартский язык известен по клинописным памятникам IX—VI вв. до н. э. Кроме клинописи, урартийцы имели и иероглифическое письмо, возникшее, по-видимому, на местной почве¹. Однако последнее еще не расшифровано и по своему значению не может быть поставлено в один ряд с клинописным. Урартские цари сообщали о своих походах и важных мероприятиях клинописью, заимствованной у ассирийцев. Иероглифическим же письмом урартийцы пользовались в узкопрактических целях — для обозначения содержимого сосудов, принадлежности бронзовых изделий и т. п. Начиная с IX в. роль иероглифического письма становится весьма второстепенной.

§ 2. Хотя изучение языка урартских клинообразных надписей в настоящее время значительно продвинулось вперед, однако еще имеются разногласия во многих кардинальных вопросах. В частности, еще много пробелов в области изучения лексики. Тем не менее, и в этой области можно опираться на достигнутые результаты для разрешения вопроса генетических связей урартского народа и его языка. Дело изучения урартского языка особенно облегчилось после опубликования Г. А. Меликишвили свода урартских клинообразных надписей, содержащего транскрипцию и перевод: 449 надписей с приложением грамматического очерка².

§ 3. В последнее время в науке господствует мнение о том, что урартский язык находится в близких родствен-

¹ Б. Б. Piotrovskiy, Визское царство, М., 1939, стр. 28.

² Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960.

ных отношениях с хурритским и образует с ним обособленную группу³. Эту группу обычно называют хурро-урартской или „алародийской“ (И. М. Дьяконов). К сожалению, сравнения, проводимые исследователями⁴, в большинстве случаев не носят систематического характера. Обычно приводятся лексические параллели, а сравнения в области грамматического строя этих языков не имеют под собой прочной сравнительно-исторической базы, не сопровождаются убедительным структурно-хронологическим анализом. Лексические параллели при всей своей убедительности не всегда охватывают ядро основного лексического фонда. До сих пор не установлено более или менее убедительных звуковых закономерностей; к тому же состав согласных в обоих языках выявляет заметные различия.

§ 4 Вместе с указанием на наличие общих элементов между урартским и хурритским языками ученые приводили и данные, свидетельствующие о наличии общих элементов между урартским и индоевропейскими языками, в частности урартским и армянским, урартским и хеттским. Однако и здесь мы не имеем достоверных результатов, основанных на прочной сравнительно-исторической базе. Ученые, проводившие подобные параллели, либо исходили из ошибочных концепций, изжитых языковедческой наукой, либо довольствовались общими указаниями на характер этих совпадений.

³ См. об этом: Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., стр. 89—92; И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, „Эпиграфика Востока“, IV, 1951, стр. 113, прим. 8, а также VI, стр. 110, прим. 4; его же: О языках древней Передней Азии, „Вопросы языкознания“, 1954, № 5, стр. 52—57; I. M. Diakonoff, A Comparative Survey of the Hurrian and Urartean Languages, „Paper for the XXIV International Congress of Orientalists“, Moscow, 1957.

⁴ Ср. работы, указанные в прим. 1 на стр. 3, а также Г. А. Каланцян, Общие элементы между урартским и хеттским языками, Ереван, 1936; его же, История Урарту, Ереван, 1940, стр. 33—34 (на арм. яз.); A. Goetze, „Revue hittite et asianique“, 24, 1936; его же „Language“, 16, 1940, № 2; J. Friedrich, Kleine Beiträge zur hurritischen Grammatik, 1939; F. Bork, Mitantbrief und seine Sprache, 1939; E. A. Speiser, Introduction to Hurrian, 1941.

§ 5. Некоторые исследователи, указывая на урартско-армянские параллели, исходили из ошибочной концепции, согласно которой урартский язык является архаичной формой армянского. Впервые эту концепцию выдвинул Мордтман еще в период, когда не имелось научной базы для чтения урартских надписей¹. Попытка Мордтмана была подвергнута основательной критике Гюбшманом и Сэйсом⁶. В дальнейшем эту концепцию возродил И. Санталджян, который, исходя из результатов, достигнутых в области изучения урартского языка в XIX в., пытался голковать урартские надписи на основании данных армянского языка⁷. Эта попытка также не имела под собой серьезной научной почвы и была отвергнута учеными. В частности, Р. Ачарян показал, что Санталджян не опирается на звуковые закономерности и не считается с данными сравнительной грамматики армянского языка⁸. Нельзя считать серьезной также попытку возрождения этой ошибочной концепции А. Сафрастяном⁹.

§ 6. Другого мнения придерживался Г. Капанцян, приводивший в своих работах данные о лексико-грамматических совпадениях между урартским и хеттским, армянским и другими индоевропейскими языками¹⁰. Исходя из устаревшего понятия „азианических“ языков, он относил сюда языки совершенно различного происхождения, в том числе такие явно индоевропейские языки, как хеттский и армянский. Однако, не сумев объяснить факт наличия в этих языках многочисленных индоевропейских „элементов“, Г. Капанцян

¹ A. Mor dt m a n n, Entzifferung und Erklärung der armenischen Keilschriften. ZDMG, 26, 1872, стр. 465 и сл.

⁶ H. Hübschmann, KZ, 23, 1877, стр. 46—48. A. Sayce, KZ, 23, 1877, стр. 407—409.

⁷ J. Sandaljian, Les inscriptions cuneiformes urartiques, Venise, 1900.

⁸ Р. Ачарян. История армянского языка, ч. I. 1940, стр. 165—172 (на арм. яз.).

⁹ A. Safrastian, Inusruas—Anúshaván, London, 1935.

¹⁰ Г. Капанцян. Общие элементы между урартским и хеттским языками, Ереван, 1936; его же История Урарту, Ереван, 1940 (на арм. яз.); его же К происхождению армянского языка. Ереван, 1946; его же Хайаса—колыбель армян. Ереван, 1947 и др.

был вынужден обратиться к концепции двуприродности армянского, а также хеттского и урартского языков, и наличие общих элементов объяснял как результат их скрещения. Концепция Г. Капанцяна неоднократно подвергалась справедливой критике¹¹. В частности, можно указать на следующие недостатки его концепции.

1. Капанцяна не придерживается принципов сравнительно-исторического языкознания, не устанавливает точных звуковых закономерностей. Так, в своей „Истории Урарту“ (стр. 28—30), приводя индоевропейские параллели для семи урартских слов (ag- „уводить, проводить“, rag- „уводить“, -ki/-ke--неопред. местоименный суффикс, uli-se „другой“, -uki „мой“, at- „есть, пожирать“, raie „до“), Г. Капанцяна оставляет без объяснения различие в отражении одних и тех же гласных и согласных в разных словах урартского языка (ср., например, указание на -uki < *eg'ō наряду со сравнением урарт. iese „я“ с арм. es < *eg'ō; возведение ag- к и.-е. *ag- и одновременное указание на переход *eg'ō > uki, *ed- > at- и т. д.).

2. Он сравнивает урартские слова с армянскими и хеттскими без указания на индоевропейское происхождение многих из приведенных слов и без соответствующих выводов из этого (ср. проводимые параллели урарт. ul- „идти“ и арм. uli „путь, дорога“, урарт. агтизи „поколение“ и арм. агт-ат „корень“, z-агт „поколение“ и др. или урарт. аш- „посадить, поселить“¹² и хетт. аш- „сидеть“, урарт. каи „перед“ и хетт. ка „здесь, вот“ и т. д.).

3. Он не дифференцирует слова, генетически связанные, от заимствованных, не учитывает удельного веса сравниваемых слов в лексике того или другого языка, рассматривает грамматический строй языка как совокупность гене-

¹¹ Ср. запись нашего выступления в „Известиях АН АрмССР“, 1951, № 7, стр. 65—66, статьи А. А. Асмангуляна „Против гипотезы о „двуприродности“ армянского языка“, ВЯ, 1953, № 6 и Б. В. Горнунга „О так называемых азиатических языках“, „Известия АН АрмССР“, 1954, № 6.

¹² У. Меликишвили, ук. соч., стр. 391. „оставлять (?), покидать (?), огталкивать (?), преследовать(?)“.

тически разнородных элементов, допускает вольности в толковании урартских и хеттских слов и т. д.

Тем не менее материал, приводимый Г. Капанцяном, при осторожном к нему подходе может учитываться исследователями.

§ 7. Не имеет под собой серьезной научной основы и теория Леман-Гаупта, согласно которой урартийцы (их „верхний“ слой), являясь пришельцами из Ликии или сопредельных стран и имея много общего с греками, после переселения взяли верх над местным населением Армянского нагорья и обосновались здесь. Его аргументы—археологического порядка, а лингвистический материал явно недостаточен для таких серьезных выводов. Он связывал слово *patan* „город“ с Ликией и находил общность между критским и урартскими иероглифами, считая ликийцев выходцами из Крита. В настоящее время, когда вопрос критского иероглифического письма выяснен, и урартоведение значительно продвинулось вперед, мнение Леман-Гаупта представляет лишь исторический интерес. В дальнейшем Кречмер и Эцслер приводили некоторые факты из области ономастики в доказательство передвижения урартийцев из Западной Малой Азии: *Menua(še)—Μίνως* или *Μήνη* (мифологич. имена); *Lutipri*—лик. *lada*, урарт. *lutu* „женщина“ + хурр. *ipri*, урарт. *eip* „властелин“ („властелин женщин“); урарт. богиня *Argi*—греч. Ἄργηστος (священный холм в Афинах); *Hatepai* „Хатте город“—греч. Ἀθήραι (Афины); *Erimena*—Ἐριμένης „долгоостающийся“; *Rusa(še)—Ρόσας* „красный“; *Argišti(še)—Ἄργιστός* „сияющий“. Без учета определенных закономерностей и без привлечения нарицательных имен подобные сравнения дают, конечно, мало достоверного; и все же нельзя совершенно отрицать возможность всяких подобных сопоставлений, как это делает Б. Б. Пиотровский¹³.

§ 8. Наконец, некоторые ученые, исходя лишь из концепции близкородственности урартского и хурритского языков, склонны объяснить явные совпадения между урартским и другими индоевропейскими языками как результат проник-

¹³ Ср. Б. Б. Пиотровский, *ук. соч.*, стр. 48.

новения индоевропейских слов в урартскую лексику, т. е. как заимствования. Так, например, И. М. Дьяконов объясняет наличие индоевропейских слов в урартском языке как результат взаимоотношений урартийцев и тех индоевропейских племен, которые жили тогда на урартской территории и в окружающих странах¹⁴.

В период работы над исследованием „Хайасский язык и его отношение к индоевропейским“¹⁵ совпадения между урартским, хайасским и древнеанатолийским языками мы объясняли как результат заимствования урартским языком из хайасского. Однако здесь же мы говорили о возможности другого объяснения. В настоящее время, когда мы в результате дальнейших исследований обнаружили в урартском языке много слов с индоевропейскими параллелями и убедились, что в его грамматическом строе и словообразовании немало подобных же элементов, данное объяснение нас больше не может удовлетворить. Наличный материал дает основание говорить о более глубоких связях, необъяснимых теорией заимствований. Ниже мы приводим эти данные, будучи уверены, что будущее выявит еще больше общих черт и уточнит многие этимологии.

Значения урартских слов и их транскрипцию мы даем в основном по книге Г. А. Меликишвили.

¹⁴ И. М. Дьяконов, Заметки по урартской эпиграфике, ЭВ, 1952, VI, стр. 108.

¹⁵ Archiv orientální, 1961, № 3, стр. 353—405.

ФОНЕТИКА

§ 9. Для успешной разработки вопросов сравнительной фонетики урартского языка необходимо иметь точное представление о его звуковом составе. Однако именно в этой области состояние урартоведения оставляет желать лучшего¹⁶. Переняв ассирийскую клинопись, урартийцы должны были приспособить ее для передачи своих звуков, т. е. в первую очередь использовать лишние для своего языка знаки для передачи звуков, не имеющих в ассирийском. Но количество фонем (и особенности их произношения в разных позициях) в разных языках не может быть вполне одинаковым. Поэтому возможно, что некоторые ассирийские знаки в урартском передают больше одного звука, или, наоборот, под разными знаками скрывается один и тот же звук. Именно поэтому разные исследователи восстанавливают для урартского различный состав фонем.

Аккадская система клинописи передавала следующие звуки:

гласные: а, а, е, е, і, и, и (и дифтонг ai):

согласные (включая и полугласные): b, p, d, t, t, g, k (q), k, h, z, s, s, š, š, r, l, m, n, i (j), u (w).

¹⁶ Очерк фонетики урартского языка находим у следующих авторов: M. Tseretheli, Die neuen haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu, Heidelberg, 1928; J. Friedrich, Einführung ins Urartaische, Leipzig, 1933; И. И. Мещанинов, Язык ванской клинописи, Л., 1935; его же Грамматический строй урартского языка, Л., 1958; Г. А. Меликишвили, Урартские клинообразные надписи, М., 1960; И. М. Дьяконов, Материалы к фонетике урартского языка, „Вопросы грамматики и истории восточных языков“, М. Л., 1958 и др.

На основании изучения особенностей урартской графики, иноязычных передач урартских слов и собственных имен, а также хурритских соответствий урартских слов исследователи пришли к некоторым выводам.

Гласные. 1) Количество гласных в урартском языке, по-видимому, не имело фонематического значения; 2) знак *i* передавал не только *i*, но и, в некоторых случаях, *e* и редуцированный звук *э* (в конце слова); 3) нечеткость в различении *i* и *e* в графике И. Фридрих и другие исследователи объясняют закрытым произношением *e*, близким к *i*, но И. М. Дьяконов, имея в виду некоторые заимствования из урартского, приходит к обратному мнению, считая *e* широким (открытым) звуком (*ɛ* или даже *эе*);¹⁷ 4) знак *u* передавал два звука (как и знак *i*): *o* и *u*; 5) по мнению И. М. Дьяконова, урартский язык имел ряд дифтонгов: *ai*, *ei*, *au*, *eu*, *iu*,¹⁸ хотя наблюдается выпадение одного из их компонентов¹⁹.

Согласные. 1) урартскому языку не были свойственны долгие (удвоенные) согласные; 2) большинство исследователей, особенно Г. А. Меликишвили и И. М. Дьяконов, восстанавливают для урартского три ряда согласных: звонкие, глухие и глухие придыхательные, хотя имеются разногласия в вопросе о способах передачи этих звуков: так, например, по Меликишвили *k* (*q*) и *t* передают неаспирированные глухие, по Дьяконову, *t*, вероятно, не был аспирированным²⁰, а *t* бы: относительно близок к аспирированному греческому *θ* или, может быть, произносился с гортанным взрывом²¹; по мнению Дьяконова, знак *p* передавал *p* и *pʰ*; некоторые же исследователи принимают для урартского два ряда согласных: звонкие и глухие²²; 3) *z* и *ʒ* передают

¹⁷ И. М. Дьяконов, *Материалы к фонетике урартского языка*, *Вопросы грамматики и истории восточных языков*, М.—Л., 1958, стр. 48.

¹⁸ Там же, стр. 51.

¹⁹ Ср. Г. А. Меликишвили, *ук. соч.*, стр. 48—50.

²⁰ И. М. Дьяконов, *ук. соч.*, стр. 35.

²¹ Там же, стр. 34.

²² Ср., например, статью Бенвениста в *„Les langues du monde“*, Paris, 1952, стр. 200.

звонкую и глухую переднеязычные аффрикаты (j, j и с. с?), хотя Меликишвили дает для z произношение „з“ (как в хеттском); 4) разница между s и š не совсем ясна; по всей вероятности, š передавал звук s, но характер s не выяснен (по Меликишвили и Дьяконову—š?); 5) h, по-видимому, передает x (по Дьяконову также и ç, может быть и h); 6) ' обычно передает простое придыхание (h), но, как показывает двойное написание имен бога Ua/'A²³ и богини Uaḡu-ḡaḡi/'Aḡiḡaḡi, по-видимому, обозначал также гортанную смычку(?), заменившую выпавший звук u (может быть и другие звуки).

Следует отметить, что в урартском слово не начинается с г (при нарицательных именах) и двух согласных; в словах, имеющих параллели в индоевропейских языках, в подобных случаях встречается какой-либо протетический гласный.

Ударение. Вопрос об ударении не ясен. Можно сделать некоторые предварительные выводы лишь на основании редуцированности и нередуцированности гласных. Можно предположить, что ударение, по-видимому, обычно падало на предпоследний слог, не считая определенного аргикля, окончания эргативного падежа и некоторых других окончаний.

§ 10. I. И.-е. звонким придыхательным *bh, *dh, *gh в начале слова соответствуют b, d, g²⁴:

*bhād- „хороший, хорошо“²⁵ > урарт. badus' „вели-

²³ См. Н. В. Арутюнян, „Историко-филологический журнал“, 1959, № 2—3, стр. 91, прим. 6.

²⁴ Характер урартских звонких не ясен. Не исключено, что они произносились как придыхательные, чем можно объяснить частичное их отражение как глухих (глухие придыхательные), как в некоторых армянских диалектах. Ср., может быть, pti- „разбить, уничтожить“ < и.-е. *bhei- (ср. русск. бить), tegi- „класть, поставить, устроить (сады, виноградники, посевы)“ < и.-е. *dhe- „ставить, положить“ (данное слово мы более склонны вывести из *ter) и т. д.

²⁵ Формы и.-е. корней и основ и их значения даны по J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, 1949—1957. Ср. также A. Walde—J. Pokorny, Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen, I—II, Berlin, 1927—1930. Здесь и далее основы урартских слов приводятся полностью, хотя глотетическая преформа может относиться только к корневой части.

чественный(?). великолепный(?); ср. др.-инд. *bhadra-h* „отрадный, счастливый, хороший“, *sú-bhadra-h* „великолепный“, гот. *batiza* „лучший, лучше“ и др.²⁶

bha*-(*u*-?) „говорить, сказать“ > урарт. *ba(uše)* „слово, приказ, повеление; вещь, предмет“; ср. др.-инд. *bhāpati* (bhāp-u-* „говорит“, гр. $\varphi\eta\iota$ (дор. $\varphi\acute{\alpha}\mu\iota$) „говорить“, гр. $\varphi\alpha\sigma\iota\varsigma$ „высказывание, утверждение, молва, слух“, лат. *loqui* „говорить“, арм. *ban* (**bha-ni-*) „слово, речь; разум; вещь, предмет“, лиг. *baŋta* „слух, молва, толки, сплетни“, др.-в.-нем. *ban* „приказ“ и др.

**dh(e)*- „ставить, положить; (в лат., герм., слав.) делать“ > урарт. *d(u)*- „сделать, заставляя сделать“ [и с удвоением *za-d(u)*- „делать, совершать, создавать, строить“]; ср. др.-инд. *dādhāti* „ставит“ (перф. *dadhāu*), гр. $\tau\iota\theta\eta\mu\iota$ „ставить“, лат. *facio* (с распространением **-k-*) „делать, совершать, создавать, строить, сооружать“ др.-в.-нем. *tunon* „делать, совершать“, русск. *де-ло, де-л-ать*, арм. *dnet* „ставить, положить“ и др.

-ghe* [и **-gno*, **-g'(ni)*, **-g'(nie)* — энклитическая частица, упогребляемая для усиления предшествующего слова; обычно встречается после отрицания] > урарт. *-g(i)-e(i)* — энклитическая частица, употребляемая в тех же целях и условиях (-Г. Д.; по Меликишвили — „что-нибудь“, по Гётце — „когда-нибудь, когда-либо; всегда“); ср. др.-инд. *gha* (gho*), *ha* (**ghe*), гр. $\chi\iota$ (ο) $\chi\iota$ = урарт. *uī gieī?*), русск. *же* и др.

2. В остальных позициях, кроме конечной (в конечной позиции они, по-видимому, выпадают), и.-е. звонким придыхательным **bh*, **dh*, **gn* обычно соответствуют *b*, *d*, *g*, причем **bh* в интервокальном положении в урартском может передаваться и через *-u-* (*-u-*)²⁷.

²⁶ С меньшей вероятностью можно сравнить с др.-инд. *bhā-* (в сложениях) „блеск, свет“, ав. *ba-* „светить“, гр. $\acute{\alpha}\mu\varphi\acute{\alpha}\beta\iota\omicron\varsigma$ ($\acute{\alpha}\nu\alpha-\varphi-$), „явный, открытый“ и др. (и.-е. **bhā-* „сиять, светить“).

²⁷ Тот факт, что, как увидим ниже, **u* в урартском может передаваться и через *b*, а **bh* через *u* (*u*) [ср. **bh-* (элемент оконч. дат. п. мн. ч.) > урарт. *-u-* (элемент оконч. дат. п. мн. ч. *-a-ue*)], а также на-

*obhel- „увеличивать, умножать“ > урарт. abilidu- „присоединять, прибавлять“; ср. гр. ὀφέλλω „увеличивать, умножать“, арм. у-avelum „присоединять, прибавлять, увеличивать“ (аор. у-aveli), aveli „больше“, aġ-avelum „увеличивать, умножать“ (возможно, что арм. слова заимствованы из урартского).

*ueđh- „вести; вести домой, жениться“ > урарт. SAL (или LU) uedia(ni) „женщина“; др.-инд. vadhū- „невеста, молодая женщина“, ав. vaōi „(молодая) женщина, жена“, русск. невеста и др.

3. Однако в некоторых случаях вместо ожидаемых звонких b, d, g выступают соответствующие глухие p, t, k².

*teudh- „расти, выращивать, подниматься“ > урарт. ^{SAL}lutu(ni) „женщина; (собирающие) женщины“ (если SAL являлся бы идеограммой, было бы возможно и значение „человек, люди“, т. е. SAL lutuni — „женщины-люди, люди женского пола“); ср. др.-в.-нем. liut, др.-англ. lēod „народ“, ср.-в.-нем. liut, н.-в. нем. Leute „люди“, др.-в.-нем. liut „человек“, ниж.-нем. lūd, lūt „женщина, баба, девушка“, русск. люди и др.

*meġh- „милостивый, благосклонный, дружественный, довольный, веселый“ > урарт. maġni „милостиво (?), милостивый (?“; ср. гр. περι-ημετέω „быть недовольным, раздосадованным“ от ἡ-μετέω „недовольный, (?), др.-в.-нем.

личие в армянских заимствованиях v (w) на месте урартского b, приводит к выводу, что в интервокальном положении урарт. b (может быть и d, g) имело фрикативное произношение. По-видимому, в урартском было примерно такое положение, как в латинском, где вследствие частичного смешения звуков b и v, „в орфографии малообразованных людей спирант передавался то через v, то через b, независимо от этимологии, т. е. b часто писали вместо v, и наоборот“. М. Н и д е р м а н. Историческая фонетика латинского языка, М., 1949, стр. 85.

²⁸ Не исключено, однако, что знаки tu-, ku- в приводимых примерах передают соответствующие du-, gu-, т. е. урартийцы произносили lutu, maġni со звонкими смычными -d-, -g-. Возможно также, что урарт. b, d, g сохранили придыхание и в интервокальном положении были склонны к оглушению, как в некоторых армянских диалектах.

mag „родственник“, лит. mėgsti и mėgti, mėgti „любить, быть расположенным, быть милостивым“.

§ II. 1. И.-е. звонким простым *b, *d, *g в начале слова соответствуют глухие простые p, t (в письме t, t), k²⁹.

*bel- „вырезывать, выкапывать, копать, раскапывать, рыть“ > урарт. pil¹/e „канал“; ср. арм. relem „копать, выкапывать, раскапывать, рыть (колодец и т. п.)“, ср.-ирл. bel-lach „ущелье, перевал, дорога“, кельт. *bolko-.-а в кимр. hwlch „щель“ и др.

*dā- (от *do- „дать“) > taše „дар, подарок: ср. др.-инд. dati „дар, подарок“, аб. daiti „дар“, гр. δῶτις „дар“, δωτί-νη „дар“, лат. dōs, -tis „дар“, dātto „дар, подарок“, арм. tur-k^c „дань“, русск. дань и др.

dō-u- (от dō- „давать“) > lubardu- „вручать“; ср. др.-инд. dā-da-ti „дает“, dāvāpē „чтобы дать“, dadāu „я дал“, гр. δίδωμι: „давать, отдавать, вручать“, δοῦμαι (инф. аор.), арм. tam „дать“, русск. дать, давать и др.

*gu-го- (от *gēu-, *gəu-, *gū- „сгибать, изгибать, выводить (свод), образовывать (свод)“ > урарт. kigi „нога“; ср. гр. γῆλον „член тела, конечность, рука, нога“, лит. gūnas „латыш. gūrus „бедро“, арм. kiḡn „спина; место соединения руки с плечом; сторона“, арм. диал. kiḡ „рука“ и др.³⁰

2. И.-е. *d перед гласными переднего ряда e, i соответствует аффриката z:

*de-dh- [перфективное удвоение от *dhe- „ставить, положить; (в лат., герм., слав.) делать“]; ср. du- „сделать; заставить сделать“ > урарт. zad(u)- „делать, совершать, создавать, строить“ [zadiše „совершение (?)“]; ср. др.-инд. dadhāu, dadhimā, ав. (3-е л. ед. ч.) daḍa, гр. τέθειμαι, лат.

²⁹ С меньшей вероятностью можно вывести урарт. слово из *rel- „лить, течь, наполнять“; ср. арм. heḡum „лить“, heḡeḡ „поток“, лит. pilti „лить“, piltiūwas „бадья, насос“.

³⁰ С меньшей вероятностью можно вывести из *keu- „сгибать, сгибать в суставе, -сустав“, откуда др.-инд. koḡa- „подвижной сустав“, гот. hups, др.-в.-нем. huf „бедро“; ср. также слав. *koḡъ в болг. krak „нога“, *koḡъ в сербо-хорв. krōk, чеш. krok „шаги“, *koḡka в словен. krāka, krāca „свиная нога“ [и.-е. *(s)k-sko-, -u- „рука и т. п.“].

-didi, оск. (pru-) ffed, др.-в.-нем. teta и др. (значения даны под du- в § 10₁).

*deru- „дерево“ > урарт. zar'/e „(фруктовый) сад; роща“; ср. др.-инд. dáru- „дрова“, dru- „дрова; дерево, ветвь“, гр. δρῦς „дерево, дуб“, δένδρ(ε)ον „дерево“, ἄχρῶ-δρῦον „плодовое дерево“ (преимущ. в мн. ч.), δρυμά (ср. р. мн. ч.) „лес“, русск. **дерево, деревня**, хетт. ta-gu „дерево, дрова“ и др.

*dens- „плотный“ > урарт. zaše „сила“, zašili „сильный, могучий, многочисленный“. zašu- „усилить (?), укрепить (?“; ср. хетт. dašsu- „сильный, крепкий; тяжелый, важный“, гр. δαξς „густой, плотный“, лат. dēnsus „густой, плотный, частый; стойкий, упорный, суровый“, dēnsō,-ere „сгущать, плотно смыкать, скоплять“, dēnsēō,-ēre „сгущать, уплотнять, сгущивать“ и др.

*del- „колоть, резать, искусно обтесывать“ > урарт. ziel-du- „притеснять, угнетать“; ср. гр. ἐγλέομαι „ранить, калечить, портить, убивать, нарушать, грабить, вредить“, βάλλει „причиняет вред, разрушает“, лат. doleo „страдать; причинять боль“, латыш. dēlīt „мучить“³¹.

del- „колоть, резать, искусно обтесывать“ > урарт. zil(i)b'/e „семя, потомство“; ср. пракр. dala,-ī „ветвь“, алб. djal „мальчик, юноша; побег, отросток; сын“, др.-ирл. delb „образ, форма“, ср.-ниж.-нем. tol, tolle „конец ветви, ветвь“, др.-англ. telga „ветвь“, telgor, telgta „ветвь, отпрыск“ и др.

3. И.-е. звонким простым *b, *ú, *g в интервокальном положении и после сонорных соответствуют обычно звонкие³², причем g перед гласными переднего ряда может выпасть (перейти в i ?)³³:

³¹ Некоторые исследователи объединяют указанный и.-е. корень с *del- „метить, считать; преследовать; коварно вредить“ [считая их пространенными формами *da(i)- „делить“], откуда гр. δολῶ „ловить, обманывать“, др.-ск. tal „обман, коварство“. др.-в.-нем. zala „преследование, гонение, опасность“, zālōn „вырывать, похищать“, др.-англ. tael „порицание, клевета, насмешка“ и др.

³² Ср. также § 13₁ (agu- „гонять, уводить“ < и.-е. *ag-).

³³ Ср. sur(g)/epi „оружие“, tara(g)'/e „могущественный, сильный; много“, tua(g)'/e „чистый(?)“ и др.

bhad- „хороший, хорошо“ > урарт. badus'/e „величественный (?), великолепный“; см. примеры в § 10₁.

*sed- „сидеть; (первоначально) садиться“ > урарт. štu- „строить, воздвигать“, šidis(i)tu- „построить, соорудить“ [*sedis- + tu- < du- „сделать“? (ассимиляция: -sd- > st-?)]; ср. гр. ἕω „сажать, усаживать; помещать, ставить, устраивать; селить; воздвигать, строить“, н.-в.-нем. setzen „ставить, положить; устанавливать, воздвигать“, гр. ἕοος „сидение, седалище; местожительство, жилище; храм“, ав., др.-перс. hadiš „жилище, дворец“, арм. etĭ, teĭ „место“ и др.

*augono- [от *aug- „увеличивать(ся), расти“] > урарт. agununi „укрепленный“; ср. др.-инд. ugra- „сильный, могущественный, огромный“, ав. ugra- „сильный, крепкий“, гр. αὐξάνω „умножать, увеличивать, расширять“, лат. augeo, -ere „умножать, увеличивать, расширять“, auctus „большой“. др.-латыш. aukts „высокий“, латыш. āukstaš, лит. auksts „высокий“; для выпадения -и- ср. арм. асем „расти“ (Покорный, ук. соч., 1, стр. 773, отделяет корень *ōg-, *ōg- „расти“ и арм. асем выводит из *əgio).

*peig^u- „мыть“ > урарт. pikidu- „орошать (?“; ср. др.-инд. pé-nēk-ti „моет, стирает“, гр. μίω „мыть, умыть“, ирл. nígíā „моет, стирает“.

4. Однако в некоторых случаях и.-е. звонким протым соответствуют (p), t, t, k:³⁴

*ed- „есть“ > урарт. atu- „есть, разорять“; ср. др.-инд. admi, atti „ем, ест“, гр. ἔδομαι, арм. utem, русск. **есть**, хетт. et-/ad-, иер.-хетт. at-, пал. at-, лув. az „есть“ и др.

*ud- [от *(a) ued- „говорить“] > урарт. huṭia- „взмолиться(?)“; ср. др.-инд. vādati „говорить“ (прич. uditá-), vanda-

³⁴ Возможно, что и в данном случае tu, tu, ti передают слоги со звонким d (du, di). Именно поэтому замечаются колебания: suduqu- и suṭuqu- „отторгнуть, вырывать, отрывать, удалять, устранять“, aštu- и asdu- „превращать, предназначать(?), определять(?)“. Возможно, что satu- „брать(?); захватывать, обхватывать, обнять (ноги), занять (место), взять (устройство) и т. д.“ является разновидностью sidu- „строить, воздвигать“.

te,-ti „хвалит, восхваляет, чествует с благоговением“, хетт. uddaniḫa- „говорить, заговаривать, заклинать, очаровывать“, uttar „слово, речь; разговор, молва; вещь; история; основание, повод; судебное дело“.³⁵

kudos „слава“ [от *keu- „обращать внимание (смотреть, рассматривать); слушать, чувствовать, замечать“] > урарт. hutu-tuhi „слава (?)“, имя бога Hutuini „славный (?)“³⁶; ср. гр. κῆδος „слава“, русск. чудо.

*keud- „бросать, кидать, травить; (неперех.) бросаться, кидаться, торопиться, стремиться“ > урарт. kutia-, kutu- „продвигаться (к) (?), доходить (до) (?“; ср. др.-инд. cōdati, codāyati „торопит, напирает“, skundatē „спешит, торопится“, ср.-в.-нем. hossen, hotzen „быстро бежать“. русск. кидать(ся) и др.

§ 12. I. И.-е. глухим простым (и, по-видимому, глухим придыхательным) в начале слова соответствуют глухие (придыхательные?), передаваемые в письме через p, t, k, q, ḫ (=x?).

*rék'/u- „овца; мелкий рогатый скот; скот“ (от *pek'- „щипать волосы“) > раḫi/an'i/e „бык, крупный рогатый скот“; р. др.-инд. rāsu-, raṣu-, ав. rasu-, лат. реси,-ḫs; др.-исл. fē, др.-англ. feoh, др.-в.-нем. fihu „скот“ и др.

*peri (от *per „вперед, через, по ту сторону и т. д.“) > урарт. paḫ'i/e „до, к“ (предлог); ср. др.-инд. paḫi „через, напротив; с“, ав. paḫi, др.-перс. paḫu „впереди, через, с“, гр. περί, περί „вокруг, около, у, при; из-за, ради“, хетт. paḫiḫa(n) „через, по ту сторону“ и др. Ср. также другие формы от *per: др.-инд. pṛiḡa, ав. paḡa, др.-перс. paḡa „по направлению к, по ту сторону“, гр. παρά „при, у, к“, арм. պարս „у; к“, хетт. pṛiḡan „перед, к“, paḡa „вперед, дальше“ и др.

³⁵ Этимология хеттских слов Стуртеванта; Педерсен сравнивает с др.-инд. aṛi-vatati „понимает“, кимр. dy-wedut „сказать“.

³⁶ Интерпретация наша; ср. usḫanu-me Haldiše EN-(se) (ḫ)uḫutu-ḫi ḡunuse „даровал мне бог Халди, владыка, славу, сражение“. Ср. замечание Г. А. Меликишвили, ук. соч. стр. 430: „Урартские цари не раз подчеркивают, что среди других благодеяний Халди им даровал также ḫu-tutuḫi* (от hūtu-+суффикс абстрактных имен -tuhī).

*reg- „проводить, переводить; проходить, переходить“ > урарт. раги- „угнать, увести“; ср. др.-инд. *ṛipartī* „переводит, проводит, уводит, ведет“, гр. *παραίω* „везти, перевозить“, алб. *priga* „приносить, нести, приводить, вести“, гот. *faipan* „ехать“, хетт. *parḥ-zi* „гонит, уводит“ и др.

*ter(a)- „достигать, проникать; переходить, преодолевать, побеждать, избавлять“ > *tara(g)ʼe* „могущественный, сильный; много“, *taraiūhi* „могущественный, сильный“, *targini* „могущественный, могучий“, *tardini* (= *targini* ?); ср. др.-инд. *tāgas-* „движение, энергия“, *tara-* „сильный“, хетт. *tarḥ-* „побеждать, принуждать, преодолевать; (без *za*) побеждать, быть могущественным, мочь“, *tarḥuili* „сильный, могучий, могущественный“.

*terəbno-, *terəbna (от *treb-, *terəb- и т. д. „деревянная постройка, здание, жилище“) > урарт. *tar(a)manʼi/e-li* (мн. ч.) — название какого-то сооружения; ср. гр. *τέραςιον*, ассим. *τέρειον* (употребляется в мн. ч. *τέρασια, τέρασια*) „кров, жилище“³⁷.

*tor-(u-) [от *ter-(u-)* „тереть; просверливать, пронзать“] > урарт. *turu-* „разбивать, уничтожать“; ср. кимр. *taraw* „бить“, др.-брет. *toresit* „стер, расстроил, расшатал, истребил, уничтожил“, гр. *τριβω* „тереть, растирать, утаптывать, уничтожать“ и др.

*kar- „хватать, схватывать“ > урарт. *kar-* — мера сыпучих тел; ср. др.-инд. *karatī* „две горсточки“, др.-перс. *καπίθη* „два хеника“, гр. *καπέτις* — мера емкости.

*kēi-d-, *kī-d- (от *kēi-, *kī- „приводить в движение, быть в движении“) > урарт. *kʼ/edanu* [*kī-da-*, *ke-da-*, *kī-e-i-da-*] „посылать, отправлять“; ср. гр. *σειω* „гнать“, *κινέω* „двигать“, лат. *ciō*, *ciēre* „приводить в движение“, *ciō,-age* „двигать“, гот. *haitan* „велеть, называть“, арм. *cu* „отход, переход, перелет, выступление“ и др.

*kor-p- [или *ker-p-? от (s)ker- „резать“] > урарт. *qarbiʼe* „скала“; ср. алб. *kerpë*, *karmë* (**kor-p-*), „скала“,

³⁷ С меньшей вероятностью можно вывести из *ter-тип „пограничный столб“, откуда хетт. *tarma* „гвоздь, колышек“, *tarmatar* „укрепление, соединение“ и др.

фрак. *Karpatus* (*βρος*) „скалистая (гора), Карпаты“, болг. диал. (заимств. из фрак) *кагра* „скала“.

karakar-* (усилит. удвоение от **kar-* „твердый, жесткий“) > урарт. *qarqaganī* „панцырь“; ср. др.-инд. *karaka* „шероховатый, жесткий, твердый“, *kaṅkata-* (kaṅkṛta-*) „панцырь“, гр. *καρκίνος*, лат. *carcer, -cis* „рак“ и др.

**kai-lo-* или **kai-lu-* „здоровый, невредимый; хорошее предзнаменование“ > урарт. *halu-l'e* (мн. ч.) „церемонии (?), ритуалы (?“; ср. кимр. *soel* „предзнаменование“, др.-ирл. *sel* „прорицание, предвещание“ (заимств. из брит.), др.-англ. *hōel* „счастлирое предзнаменование“, *hælsian*, др.-в.-нем. *heiltsōn* „предвещать, предсказывать, прорицать“, др.-в.-нем. *heilag*, н.-в.-нем. *heilig*, н.-англ. *holy* „священный, святой“.

**ku(m)b(h)o-* (от **keu-* „сгибать, сгиб; впадина; выпуклость“) > урарт. *ḫibi* „долина (?“ [и „область (?), территория (?“]; ср. кимр. *swm* „долина“, др.-англ. *sumb* (из прабрит. **kumbos*) „долина“, галло-ром. *sumba* „долина, корыто“ и др.

**ko-* „война, войско“ > урарт. *ḫuradi* „воин, войско“³⁸; ср. лит. *karas* „война“, *karias* „войско“, *karė* „война“, *karys* „воин“, др.-прусс. *kaḡa-* „войско; народ“, гот. *harjis*, др.-в.-нем. *hegi* „войско“.

2. И.-е. глухим простым **p*, **t*, **k* в интервокальном положении и после сонорных соответствуют то звонкие, то глухие, по-видимому, в зависимости от ударения (звонкие в предударном положении и глухие после ударения?)³⁹:

а) **ato* „свыше, сверх; назад, сюда“ > урарт. *ada(ni?)* „снова“; ср. др.-ирл. *aith*-и (в предударном положении), *ad-* „снова; опять, пере-, от-, у-“ (ср.-кимр. *at-*, н.-кимр. *ad-*, *ed-*), русск. *от* и др.⁴⁰.

³⁸ Однако вероятнее, что урарт. слово заимствовано из аккад. *qu-gati*, если не предположить контаминацию.

³⁹ Для более достоверных результатов не достает материала. В случаях, когда глухой согласный оказывается после сонорного вследствие нулевой огласовки, он не изменяется; ср. § 16₄ (игри-„приносить в жертву, жертвовать“).

⁴⁰ С меньшей вероятностью можно сравнить с др.-ск. (сравни ст. I *endṛ*, *enp* „прежде, снова, после“ из **anta* „(на)против“.

*g'hatio- „хороший“⁴¹ > урарт. gazuli⁴² „прекрасный, отличный, хороший“; ср. гр. *χάσιος* „хороший, отличный, полезный“ (по Гесихию), лак. *χάιος* (*χάτιος*), может быть и алб. *zot* „сильный, порядочный, дельный“.

*-t- (элемент вторичного окончания глагола) > урарт. -t- (элемент окончания 1-го лица прош. вр. непереходных глаголов); ср. хетт. -t, гр. -τ- в *φάτο* „он сказал“, ст.-слав. -т- в *бысть* „ты был; он был“.

*upreg- „над, сверху“ > *ubag-du-ia* „повеление (?), приказ (?), желание (?)“ (буквально: „установление сверху“ ?); ср. гр. *ὑπέρ*, гот. *ufag*, др.-в.-нем. *ubig* и др.

б) *tenk- „месить, массировать“ > урарт. *mankali* название какого-то вида масла; гр. ион. *μάσσω*, атт. *μάττω* „месить, массировать“ (греч. глагол парадигматически связан с *ματῆραι* „месить“, восходящим к *mag'- „месить, сжимать, массировать“, откуда русск. *масло, мазь*), *μαχαρία* „похлебка из ячменной муки“ (по Гесихию), др.-англ. (ge-) *mang*, ср.-в.-нем. *ge-manс, -ges* „смесь“, лит. *minkau, -yti* „месить (тесто)“, русск. *мякиш*.

З. И.-е. *t̥ и, может быть, *k̥ (*k'1) в урартском соответствует s (-ts?), после согласного — и s (?):

*it̥io- (от *ei- „идти“) > урарт. *isi* „арык(?)“; ср. образование на *-t-, *-dh-, *-l-: др.-инд. *it̥i* „ходьба, шествие“, *it̥uḥ* „ходьба, шествие, течение“, лат. *it̥io* „хождение, движение“, *iter* „путь, движение; переход, проход, дорога“, гр. *ἰσθμός* (*iddinos?) „узкий переход, проход“, лит. *eil̥ė* „ряд, борозда“.

*at̥io- (от at- „идти; год“) > урарт. *asuni* „праздник (?)“; ср. лат. *annus* (*atnos) „год“, *solennis* „ежегодно празднуемый; торжественный, праздничный; священный“, руск.-умбр. *akno-* (-kn- на месте -tn-) „год, праздник, жертвоприношение“, умбр. (sev-, per-) *asni* „ежегодно празднуемый; торжественный, праздничный, священный“.

⁴¹ Нет в словаре Покорного.

⁴² В случае, если z передает звонкую аффрикату в отличие от s (=is) < и.-е. *t̥.

*rek'to- (от *rek'- „делать милостивым, красивым чистеньким“) > урарт. riṣuše „радость“; ср. гот. fahēfs „радость“, др.-в.-нем. gi-fehan „радоваться“, гот., др.-в.-нем. faginon „радоваться“⁴³.

*altjo- [от *al-(t-) „расти; растить, питать“] > урарт. alsu(i)še „величие“, alsuini „великий“; ср. гр. ἄλτις, ἄλσος (*αλτι-ος) „священная роща“, лат. altus „высокий; благодородный, великий, величественный“.

§13. 1. И.-е. палатализованным заднеязычным *g'h, *g', *k' в урартском языке соответствуют непалатализованные заднеязычные, т. е. q, k, h.⁴⁴

*g'hatio- „хороший“ > урарт. gazuli „прекрасный“, отличный, хороший“; ср. § 12_{2a}.

*g'hēio- [от *g'hē(i)- „зиять“] > урарт. gie „кладовая для вина“; ср. гр. χηραμός „нора, логово, пещера“, χηραμός „большая раковина“, χηρός „сундук, ларь“, др.-исл. gīma „отверстие“, н.-исл. geimr „большое, пустое помещение“, может быть и др.-инд. vi-hāyas- „пустое помещение“⁴⁵.

*ag'- „гонять, уводить, водить“ > урарт. agu- „проводить (канал), уводить (пленных)“; ср. др.-инд. ājati „гонит“, ав. azaiti „гонит, уводит“, арм. асет „водить, приводить, приносить“, гр. ἄγω „водить, гонять, изгонять“, лат. ago-, ege „вести, гнать, уводить, угонять“ и др.

*arg'-es-to- [от *at(e)-g'-блестеть, „сиять“] < урарт. Argiš-ti (личное имя); ср. гр. Ἀργέστης „проясняющий“.⁴⁶

*k'o-, *k'e-, *k'i- (местоименная основа, первоначально указывающая на говорящего — „этот“, позднее — „тот“) > -i-ki [местоименная основа, указывающая на говорящего (katuki „передо мною, ко мне“)], *i-ku- (по Меликишвили

⁴³ Но в слове параһиа „усмирение (?)“ мы не наблюдаем перехода *ki > ṣ, что делает данное сравнение маловероятным.

⁴⁴ Нет достоверных примеров для перехода *k' > q; можно предположить твердое произношение q в отличие от k, h.

⁴⁵ Имея в виду закономерность перехода *g'h > g можно предположить, что урарт. g(1)e(i) может восходить как к *ghe, так и к *g'he. Ср. и § 17 ₅ burgana „крепость (?), подкрепление (?), войско (?)“, где -g- из *g'h-.

⁴⁶ Урарт. имя может восходить и к *reg'- „направлять“.

*iki; в ikukani, ikukahini „тот, тот самый“], šu-ki „как (?), когда (?-Г. Д.)“; ср. хетт. ki „этот“, ka „этот“, арм.-s „этот“ [аргикль; ср. tard-s „(этот) человек“], н.-арм.-s „мой“ (arjev-s „передо мною“), sa „этот“, др.-ск. hann. hann (*k'ēnos из *k'e-eno-s) „он“, др.-в.-нем. hē, her „он“ и др.

k'u-го-„вздутый; сильный; герой“ (от *k'eu-„вздуться, вздутие; свод; углубление“) > урарт. kirup'e „могучий, мощный; высокий (о горе)“; ср. др.-инд. sūga-„сильный, крепкий; герой“=ав. sūga, гр. κηρος в ἄ-κηρος „неправомочный, не вступивший в силу, лишенный силы“.

*k'eno- [от *k'ep-„только что появляться (может быть собственно распускаться); детеныш, дитя, ребенок“] > урарт. ħipi „сын (?“; ср. др.-инд. kapīna „юный“, kapuā „девушка, девочка“, др.-ирл. sepēl „род“, ср.-ирл. сапо, сапа „волчонок“, ст.-сл. seдо „ребенок“ (если не заимствовано из др.-в.-нем. kind)⁴⁷.

2. При данном положении вещей надо отвергать такие сравнения, как урарт. GIS šur(g)/en'/e „оружие“ и арм. sur „меч“ <и.-е. *ko-го-(Г. Капанцян), урарт. Aršibini (имя-коня царя Менуа) и арм. агси „орел“ <и.-е. *rg'irjo- (от reg'-„направлять“), если не допустить (особенно для последнего слова), что эти слова в урартском являются заимствованиями из языка армянских племен, живших в соседстве с урартийцами. О ieše „я“, сравниваемого с арм. es, н.-ар. yes (<и.-е. *eg') см. § 16₅.

§ 14. I. И.-е. лабиализованным заднеязычным *g^hh, *g^h, *k^h обычно соответствуют gu, ku; причем u сливается с последующими o (и):

*g^hhono-s (от *g^hhen- „бить“) > урарт. gupipe „битва, бой, война, сражение“; ср. гр. φόβος „убийство“, φονή „убийство, резня“, др.-ск. guḫr, guppr „битва, бой, война, сражение“, арм. гап „побои, избиение“ и др.

*k^he „и“ > урарт. ku'/e „же, даже, также, а также“ (усилительная частица); ср. др.-инд. sa, ав. са, др.-перс.

⁴⁷ Древневерхненемецкое слово восходит к и.-е. *g'ep „рождать“. Для урартского пока не доказана возможность перехода *g' > h.

са „и“ (энклитич. частица), фриг. *из*, гр. *τις*, лат. *que* „и“ и др. (урарт. *me kui*—лат. *pe-que*, гот. *pi-h* „и не“; гр. *τις* имеет и значение „же“ и употребляется как усилительная частица, как и другие).

**sok*^u- (от **sek*^u- „замечать, видеть; показывать; сказать“) > урарт. *šukiri* „призванный (?), вызванный (?“; ср. гр. *εἰς(ν)επειω* „рассказывать; звать, именовать: обращаться; просить, велеть“, лат. *insecō (insequo)* „извещать, возвешать“, умбр. *prusikurent* „они заявили бы, провозгласили бы, изъявили бы“, др.-в.-нем. *sagen* „сказать“.

*(s)*lēg*^u- „давить, угнетать, жестоко обращаться“ > урарт. *lakudu-* „повредить (?“; ср. гр. *λόζη* „оскорбление, бесчестие, мучение, обезображение, увечье, повреждение, гибель“, *λωβάρωαι* „бесчестить, оскорблять, уродовать, увечить, избить“, лит. *slogā* „мучение, бедствие, народное бедствие“, латыш. *slāga* „вред, ущерб, недуг, затруднение“, *sluodzit* „обременять, давить, бить“⁴⁸.

2. В некоторых случаях перед гласными переднего ряда может произойти делабиализация и.-е. заднеязычных, как, например, в латинском (ср. *socius* от *sequo*, *insecō* при *insequō*):

**k*^u*e* (энклит. частица для усиления неопределенного значения указательно-вопросительных местоимений, идентичная с *k*^u*e* „и“; ср. *ku*^u*e* в § 14₁) > урарт. *-k*^u*e* (энклитич. частица в *al*^u*/e-k*^u*e* „некоторый“, *al*^u*/e-k*^u*e*—*al*^u*/e-k*^u*e* „некоторые—некоторые“, *alu-k*^u*e* относительное местоимение); ср. арм. *-k*^c в *o-k*^c „кто-то“, лат. *quis-que* „каждый, всякий“, хетт. *kuš-ku* и др. И.-е.; **k*^u*e* связана с вопросительно-неопределенной местоименной основой **k*^u*o-*, **k*^u*e-*, которая в урартском, по-видимому, смешалась с данной частицей; ср. такие параллели, как лат. *aliqui* „некоторый“—урарт. *al*^u*/ek*^u*/e*.

⁴⁸ С меньшей вероятностью можно сравнить с лат. *lacina* „впадина, полость; болото; дыра, пробел, ущерб, урон“ из и.-с. **laku-* „накопление воды в яме, лужа, озеро“.

*k^her-(в словах, обозначающих сосуд, блюдо и т. п.)
>урарт. kīri „чаша“; ср. др.-инд. saḡi-„котел, горшок“,
kaḡkaṅi „чаша“, др.-ирл. coire (*k^herīo-), кимр.raig,
корн. rēg „котел“. др.-ск. hvegg „котел“ и др.

*neig^h-„мыть“>урарт. nikidu-„орошать(?)“; см. § 11₂.
§ 15 1. И.-е. *s в начале слова (особенно перед ла-
биализованными гласными) соответствует s:

*sed-„сидеть; садиться“>урарт. sidu-„строить, воз-
двигать“, sidiš(i)tu-„построить, сооружать“; см. § 11₃.

*sok^u- (от *sek^u- „замечать, видеть; показывать; ска-
зать“>урарт. sukiri „призванный (?), вызванный (?“; см.
§ 14₁.

*som-s(k)-(от *sem-„один; единый, вместе, с“) >
урарт. šusini „один“; ср. арм. mi (*smios), гр. εις, ἐν, μία
(sems, sem, smi), тох. A sas, B se (древнее šes в šes-ka
„только“ из *sem-s; в сложениях: тох. A soma- из *se-
mo-, тох. B somo из *somo-) „один“, гот. sumс „один, кто-
то“ и др. Об огласовке см. §. 19. Вряд ли сюда же отно-
сятся šuini „весь(?)“ все(?)“ (*som-+ini) и šur/e „вселенная,
мир, империя“ (ср. лат. universus „вселенная“ от unus
„один“).

*soresko-(от *ser-„заботиться, защищать, остерегать,
хранить“>урарт. šurišhi (É šurišhi) „конюшня(?)“ [É šuri-
šhi буквально означает „хранительный дом (?), дом хране-
ния скота (?“]; ср. ав. hapañi „сторожит, защищает“, haṅ-
va „стерегущий, охраняющий“ в pasus-haṅvō spa-„собака,
стерегущая овец, овчарка“, лат. servō,-are „следить, сторо-
жить, охранять, оберегать“, servus „раб. слуга“ [первоначаль-
но „наблюдающий (за скотом), охраняющий (скот)“].

2. И.-е. *s в начале слова в некоторых случаях, пока
точно не поддающихся определению, соответствует s
(обычно s соответствует и.-е. *sk перед переднеязычными
гласными):

*sēla (от sē-„бросать, кидать, сеять“; *sē-lo- „по-
томство“>урарт. ^{SAL}sila (^{SAL}silae, ^{SAL}silaie) „дочь“; ср.

кимр. *hil* „семья, потомство“, гот. *frasts* [**pro-s(ə)-tis*] „ребенок“⁴⁹.

**sel-u-* (от **sel-* „благосклонный, милостивый, расположенный, в хорошем настроении; умиловать“) > уарт. *silua-* „быть расположенным (милостиво, хорошо к кому-либо) (?)“, *silunpi* „расположенный (?)“; ср. гр. ἰλημι (*si-əl-ɥi*) „быть благосклонным, милостивым“, ἰλάσσομαι „умиловать, примирять, смягчать, успокаивать, миловать, прощать“, лат. *solor*, -ari „утешать“, гот. *sēls* „хороший, годный“, др.-в.-нем. *salig* „счастливый, блаженный“ и др.

[**(a)d?*]+**sol-(u-)* (от **sel-* „красться, ползать“) > уарт. *sulušti* „пасть ниц“; ср. др.-инд. *tsārati* [(*a*)d+**sel-*] „крадется, подкрадывается“, ав. *srvant*, *sravant* „крадущийся, подкрадывающийся“, может быть и арм. *sołim* „ползать, пресмыкаться“, *sołoskim* „лезть, подкрадываться“, лит. *seliù*, *selėiù* „красться, медленно ступать“, др.-ирл. **selid* „крадется, ползет“ и др.

3. И.-е. **s* в остальных позициях обычно соответствует *s* (примеры для сочетаний с согласными и сонантами см. в § 16⁵⁰):

(e)i-so-* или **i-sio-* (от **e-*, **ei-*, **i-* „тот, он“ + **so-*, **sio-* „тот, этот“) > уарт. **isi* „тот (?)“ в *išani* „с той стороны, оттуда“; ср. др.-инд. *ē-sá*, *ē-sá*, *ē-tāt*, ав. *aeša-*, *aēta-* (ei-so-*, **eito*) „вот этот“.

**s* (оконч. им. п. ед. ч.) > уарт. *-š(e)* (оконч. эрг. п. ед. ч.); ср. гр. *-s*, лат. *-s* и др.

**es-* — оконч. им. п. мн. ч. > уарт. *-āš(e)* — оконч. эрг. п. мн. ч.

4. Не исключено, что и.-е. **s* в нач. позиции в уартском соответствует и *s* (перед гласными переднего ряда?):

**se-* (возвратное местоимение) > уарт. *ma-si/e* „свой“ (для *ma-* ср. также *ma-pi* „он, его“); ср. гр. *σ-φῆ*, *σ-φίη* „их са-

⁴⁹ С меньшей вероятностью можно возвести уарт. слово к **s(e)-*це откуда алб. *vajë* (**vaga*) „девушка“, лит. *svaïne* „сестра жены“ и многочисленные образования, обозначающие родственные отношения. В этом случае *ma-si* „свой“ и *sila* восходят к одному и тому же местному корню.

⁵⁰ В этом случае, конечно, нельзя уарт. суффикс принадлежности *-h¹/e* вывести из **sio-*. По установленным нами закономерностям, *h¹* восходит к **k*, и, следовательно, *-h¹/e* < **ko-*.

мих, им самим, $\sigma\phi\acute{o}\varsigma$ свой (мой, твой, его, наш, ваш, их собственный)“, лат. *sē* „себя, собою“, гот. *sik* др.-в.-нем. *sik* „себя“, гот. *seins* др.-в.-нем. *sīn* (**sei-no-s*) „свой“ и др.

³¹-*osio* (оконч. род. п., в некоторых языках выступающее как суффикс принадлежности) > урарт. *-us¹/e* (суффикс).

§ 16 1. И.-е. сочетаниям **s*+согласный (**sp*, **st*, **sk*, **sk'*, **sk¹*) соответствуют *šp*, *št*, *šh*, причем:

а) В силу особых фонетических условий, не допускающих стечения согласных в начале слова, здесь появляется обычно протетический знак *i-*, передающий, по всей вероятности, редуцированный звук э^{31} , как в конце слова:

sp(h)bi- [от **sp(h)ē(i)-* „расти, развиваться, расширяться, толстеть, преуспевать, иметь успех, удаваться“] > урарт. *ispiše* „счастье“ (и *Isriini* „счастливый“ (?) — личное имя); ср. др.-инд. *sphāyate* „толстеет, становится дородным, увеличивается, преуспевает, процветает“, *sphīti-* „успех, удача“, лат. *pro-sper(us)* „благоприятный, удачный, счастливый“, др.-англ. *sprowan* „преуспевать, процветать, удаваться“, др.-в.-нем. *sriouf* „удаваться“, русск. **успеть, у-спевать, у-спех**, арм. *ṛart³am* (без **s-*) „богатый“, хетт. **israi* „наестся (досыта)“ и др.

stī-* (от **sta-* „стоять, ставить,“) > урарт. *išti-* „выступать, отправляться“: ср. др.-инд. *stha-* „стоять“ (наст. вр. *tisthati*, аор. *ā-stha-m*), *a-stha-* (с префиксом *a-*) „отправляться, вступать, находиться“, *uttha (ud-stha)* „вставать, подниматься“, ав., др.-перс. *stāya-* „ставить, устанавливать; (мед.) становиться, встать“, гр. *ἵστημι (σι-στα-μι)* „ставить: становиться“, русск. **стави́ть, ста́ть, становиться, в-ста́ть и др.

б) В некоторых других случаях в начале слова вместо протетического гласного *i-* появляются *a-*, *u-*, либо передающие тот же редуцированный звук, либо являющиеся префиксами (*a-* < **ē* или, может быть, **ad-*; *u-* < **u-* или, может быть, **ud-*), причем имеются случаи пол-

³¹ Ср. армянский, где перед сочетаниями *sp*, *st*, *sk*, *zb*, *zg* слышится редуцированный звук э : (э)*spanel* „убивать“, (э)*stanal* „получать“ и др.

ного совпадения урартских образований с соответствующими образованиями других и.-е. языков:

*sta- „стоять; ставить“ > урарт. ašta- „направляться (?)“ [и astu- „превращать, предназначать (?), определять (?)“, с заменой приметы непереходности -a- приметой переходности -u-]; ср. др.-инд. ā-sta- „отправляться, всгупать, находиться“⁵²,

*sta- > урарт. ušta- „выступить (в поход), направляться“, „отправляться“ и *step-tei- (*step- „ступать“ от *sta- „стоять“ ?) > урарт. uštip-te; ср. русск. **выступать, выступление** (от *stemp- назализованной разновидности *step-).

*sku- (от *skeu- „устанавливать, выполнять, исполнять, совершать“) > урарт. ašhu- „выполнять (?), исполнять (?), устанавливать(?)“; ср. гр. σκευάζω „готовить, приготавливать, изготавливать, устанавливать“, др.-исл. heuja, др.-англосак. hiegan „исполнять, совершать“, чеш. польск. skutek „действие, последствие, результат“ и др.

2. Тем же и.-е. сочетаниям *sp, *st и т. д. соответствуют šp, št, šh и в остальных позициях, кроме конца слова и случаев, указанных в пункте 3 данного параграфа:

*sei-sti- [от *sē(i)-, *sei- „связывать; веревка, ремень“] > урарт. šeišii-li (мн. ч.) „ворота“; ср. др.-инд. sayatvā „связь, соединение, прикрепление, укрепление“, sētu- „связь, узы, мост, плотина, пограничный знак“, лит. sija „(мостовая) балка“, siena „граница, стена“, латыш. siēna „стена“.

uresko- (от *uer- „разрывать, раскрывать, рвать, царапать“) < урарт. urišhi „оружие“ (urišhus/e „оружейный; оружейная, дом оружия“); ср. др.-инд. vṛškāti „отсекает, срубает, колет, валяет“ и (с другими формантами и распространениями) др.-инд. vṛgā „рана“, русск. **рана**, арм. gegcum „брить“.

3. И.-е: *sk перед гласными переднего ряда, по-видимому, соответствует s:

skel-djo- (от *skel- „резать“) > урарт. salzi „крутой

⁵² Для значения „превращать“ ср. арм. darnam „стать“ (русск. „стать“ = урарт.-sta-) и darjusanem „превращать“.

(?)⁵³; ср. ср.-ирл. ske(i)llec „скала“, русск. скала, щель, арм. օճկեմ „колоть, разрывать“, օլում (с нач. *sk') „колоть“ и др.

*skeud- „бросать, кидать, стрелять, травить; кидаться, стреляться, спешить“ > урарт. suidu- „выбрасывать (стрелу со своего места), отбрасывать (войска противника)“; ср. др.-исл. skjota, др.-англ. scēotan „бросать, швырять, кидать, толкать, стрелять“, др.-в-нем. sciozan „стрелять, бросать, кидать“, русск. кидать.

*skeu-skю- (от *skeu- „покрывать“) > урарт. sus¹/e- название какого-то культового сооружения (> арм. սւս, род.-1 „зогоороженное место для охоты“)⁵⁴ > ср. др.-исл. skali „хижина, комната“, skjol „убежище, приют“, др.-инд. kóśa (без начального s) „хранилище, сокровищница“.

*skeu-t- „резать, отрезать, отделять“ > урарт. su¹/du- qu „отторгнуть, вырывать, отрывать, удалять, устранять“; ср. др.-ирл. scothaid (*skutāti) „отрезает, отделяет“, лит. skutū, skusti „сдирать, снимать (кожицу и т. д.)“.

4. И.-е. сочетаниям согласных, возникшим в результате нулевой огласовки корня, в начале слова соответствуют сочетания согласных с предшествующим протетическим гласным, как при и.-е. сочетаниях *sp, *st и т. д.

*pt(ō)- (от pet- * „рушиться, летать, падать“) > урарт. rptu- „скрывать (?), утаивать (?)“; ср. гр. πτῆρο „пугать, устрашать; со страху прятаться, укрываться, убежать, садиться в засаду“, арм. t'ak'cim (аор. t'ak'ceay) „скрывать-ся“, t'ak'cusanem „скрывать, утаивать“.

*pte-n- [от *pet-, откуда основа на r/n: *pet-r(g). род. *pet-n-és „крыло“] > урарт. artu(ni) „сторона“; ср. гр. πτερόν „перо; крыло; конец; край; боковая пристройка, крыло здания“, πτέριξ „крыло; оборка, пола“, арм. t'eg „сторона“, t'ert^c „лист“, может быть и t'ev „крыло; край, конец“.

*tk- (от *tek- „ткать, плести“) > урарт. athu- „строить (?)“

⁵³ Не исключено, что salzi значит не „крутой“, а „солёный, не пригодный для вспашки“ и в этом случае можно его возвести к *saldjo- (от *sald- „соль“).

⁵⁴ М. И с р а е л я н, Арибердский храм SUSI и его надписи, „Известия АН Арм. ССР“, 1957, № 9 (на арм. яз.).

ср. арм. t'ek'cem „ковать, точить, строить; сгибать“ и др.⁵⁵
*sg'h- (от *seg'h- „удерживать, держать; преодоле-
вать, брать верх, побеждать“) > урарт. ašgi- „захватывать“,
ср. др.-инд. sāhatē „преодолевать, может, выручает“, гр.
εχω (аор. εσχον) „держат, брать, хватать, захватывать, вла-
деть“ и др.

*sg'hi- (от *seg'h- „удерживать, держать; преодоле-
вать, брать верх, побеждать“) > ušgi „сила (?), мощь (?“;
ср. гр. ισχυς (*Fi-σχυς) „сила, могущество, мощь“, а также
др.-инд. sāhas- „власть, сила, победа“ и др.

*gr- (от *ger- „вырывать, захватывать“) > урарт. игри
„приносить в жертву, жертвовать“, игрие „жертва (?),
жертвоприношение (?“ (ср. для значения и хурр. игришпа
DÚ „резать“, игришпи „мясник“); ср. др.-инд. gāras,
„увечье, повреждение, поранение“, garhitā- „жалкий, убо-
гий (поврежденный)“, гр. ερεπτομαι „пожирать“, с Аркпαι—
Гарпии (божества вихрей и бурь), лат. garīō „хватать, вы-
рывать, отнимать силой, похищать, подвергать чему-либо,
делать жертвой“, алб. gjer „сдирать“, герм. *rafisjan „под-
вергать телесному наказанию“ и др.

5. И.-е. заднеязычные, особенно звонкие, перед дру-
гими согласными, как и в конце слова, выпадают. Вообще
урарт. g является слабым звуком, имеющим тенденцию
выпадать⁵⁶.

*eg- „я“ > урарт. ie-še „я“ (-še—оконч. эргативного
падежа); ср. др.-инд. ahām [*eg'(h)om], гр. εγω, лат. ego
(*eg'o), арм. es (н.-арм. yes), лит. aš (др. eš), латыш. es
(*eg'), русск. я и др.

*uk-s-tā (от *au(e)g-, *ug- и с формантом -s-
*uk-s- „увеличивать(ся), расти“) > урарт. ušmaše „(мощь,
сила“; ср. др.-инд. ōjas „сила, мощь=ав. aōjah-, aogah-
пехл. ož (>арм. oiz) „сила“ и др.⁵⁷.

⁵⁵ Значение арм. и урарт. слов делает еще более очевидной связь
данного и.-е. корня с *tek- „плести; плотничать, строить“.

⁵⁶ Ср. написания слов с g и без него: e-ba-ni-e-dī и e-ba-ni-gi-
dī-, e-u-gi-e и e-u-gi-gi-e и др. На этом основании некоторые исследова-
тели считают, что g передавал у (i). Ср. M. Tseretheli, Die neuen
haldischen Inschriften König Sardurs von Urartu, Heidelberg, 1928, стр. 31;
I. Friedrich. „Caucasica“, 8, стр. 120, прим. 1, его же Einführung....

*iag-gā [от *iag- „(религиозно) почитать“] > урарт. iaganī название какого-то вида культового сооружения [=ассир. massaku „жилище (бога)“, по Мелкиливили „часовня (?)“]; ср. др.-инд. uajāti „почитает молитвой и жертвоприношениями“, uājna-h „почитание, жертвоприношение“, гр. ἅγιος „священный, святой; посвященный“, ἅγνος „священный, заповедный; чистый, непорочный“, ἅγιος „освящать, посвящать“ и др.

6. В некоторых случаях имеет место ассимиляция согласных:

*terəbno-, *terəbna (от *treb-, *terəb- и т. д. „деревянная постройка, здание, жилище“) > урарт. tar(a)man^a/i,e-li, (мн. ч.)—название какого-то сооружения; см. §12₁.

7. Наблюдаются случаи метатезы:

*kpepa (от kpep—„ранить, убивать“) > урарт. atqana „жертвоприношение“, atqana-du- „совершать жертвоприношение, пожертвовать, посвящать“; ср. др.-инд. kṣanōti „ранит“, гр. κτείνω „убивать, умергвлять, казнить“, может быть и гот. hunsī „жертва“ (последнее слово более склонно возвести к *kcep „праздновать; священный, освящать“).

*ō-dholo- (от *dhef-; ср. *dhal- „цвести, зеленеть“) > урарт. (G¹Š) uduli/e и (G¹Š) uld¹/e „виноградник“; ср. гр. θάλλω „зеленеть, цвести, преуспевать“ θάλλος „отпрыск, побег, молодая ветка“, арм. deġ „трава, лекарство“, dalag „зелень; зеленый, молодой“, deġj „персик“, алб. dal „выходить, всходить, пускать ростки“, ср.-ирл. duille „листья, листва“, может быть и др.-в.-нем. tola „виноградная кисть, гроздь, ветвь, лоза“ (для знач. ср. арм. vaz „бег“ и vaz „виноградная лоза“).

§ 17 1. И.-е. сонантам *r, *l, *m, *n в качестве согласного или второго элемента дифтонга обычно соответствуют r, l, m, n, причем r в начале слова не встречается:

стр. 2 (§ 9); И. М. Дьяконов, Материалы к фонетике урартского языка, „Вопросы грамматики и истории восточных языков“, М.—Л., 1958, стр. 40.

⁵⁷ И.-е. корень связан с *ueg’- „быть сильным, бодрым“, откуда др.-инд. vāja- „сила, быстрота, состязание, приз“, др.-исл. vaskr „бодрый, проворный, ловкий“ и др., так что урарт. usmasē может восходить и к *uog’-(+sma).

а) *ag- „уделять; (мед.) присваивать, получать“ > урарт. аги- „давать, даровать, преподносить“; ср. ав. аг- „предоставлять, ручаться“, арм. агпим „брат“ (для перехода знач. ср. др.-инд. *dādāmi* „даю“ и *ā datē* „брат, принимать, присваивать“) и др.

аг-п- (от аг- „связывать, прилаживать, устраивать“) > урарт. агпише „деяние, подвиг, создание“; ср. арм. агпет „делать, совершать“, агар-к^с „дела, деяние, подвиг“ и др.

*og-mo- (или *eg-mo-? от *eg- „приводить в движение, возбуждать, поднимать“) > урарт. агмизи „семья (?)“; ср. арм. агт „корень“, агтат „корень; племя, поколение“, z-агт „племя, поколение“ и др.⁵⁸.

б) *(s)lēg^u- „давить, угнетать, жестоко обращаться“ > урарт. lakudu „повредить (?)“; см. § 14.

*leudh- „расти, выращивать, подниматься“ > урарт. ^{SAL}lu-tu(ni) „женщина; (собир.) женщины“; см. § 10.

*al-d(u)- (от *al- „расти; растить; питать“) > урарт. 'al-(a)d/tu- „позаботиться (?), благодетельствовать (?), беречь (?), щадить (?)"⁵⁹; ср. др.-инд. *ṛdhnōti*, *ṛnāddhi*, *ṛdhāti*, *īdhyati* „преуспевает, удается, благоприятствует, совершает“, гр. *ῥιθαινω*, *ἄλθω* „лечить“, *ἄλθαινω* „вращивать, питать, укреплять“, *ἄλθισνω* „расти, выращивать“ и др.

*ol- (при *el- „гнать, приводить в движение; двигаться, идти“) > урарт. ula- „идти“, ulu- „вести (?), водить (?“, uluš-tia- „идти во главе (?), предшествовать (?“; ср. арм. elapeti „выходить“, eizapanet „давать выходить“, гр. *ἐλάω*, *ἐλάωνω* „гнать, уводить, преследовать, направлять; ехать, путешествовать, доходить, продвигаться“, *ἔλθε* (аор. с *ōp-) „я пришел“, др.-ирл. *luid* „шел“.

*alio-, ali (от местоим. корня *al-, *ol-) > урарт. ali(e) „который; что; (вот) какой, каковой“, ali „когда (?), al'/ek'/e „некоторый“, ali-ri „некоторый“ (al'/ek'/e—al'/ek'/e, ali—aliri „некоторые—некоторые, одни—другие“); ср. лат. *aliquis*, *ali-qua*, *ali-quod* „кто-либо, какой-нибудь, некоторый, *ali-quis*, *ali-qua*, *ali-quid* „кто-либо, что-либо, какой-либо,

⁵⁸ Г. Капанцян в своей „Истории Урарту“, 1940, стр. 39, урартское слово сравнивает с армянскими, без указания на их индоевропейское происхождение.

⁵⁹ С меньшей вероятностью можно вывести из *uel-* „смотреть“ или *uel-(d-) „желать, выбирать“, хотя имеются случаи перехода *u>'.

некоторый“, olīm „когда-то, некогда, иногда, когда-либо, когда-нибудь“, тох. А alyak⁵, В alye-k³ „кто-то, другой“, и др. *oīdos (от местоим. корня *ol-, *al-) > урарт. uli(e)že „другой“; ср. гр. ἄλλος, лат. alius, ирл. aile, гот. aljis, арм. aīl „другой“ (урартское слово от формы *ol-, в то время как другие языки имеют формы от *al-).

в) *tep- „оставаться, останавливаться“ > урарт. тапи- „быть, существовать“; ср. греч. μένω, μένω „оставаться, пребывать“, арм. տալ „оставаться“, тох. А. В māsk „быть, существовать“ и др.

*té „(пусть, чтобы) не“ > урарт. те(i) „пусть не“: ср. др.-инд. ав., др.-перс. та, гр. μή, арм. ті, тох. В та „не, пусть не, чтобы не“.

*te—косвенная форма личн. местоим. 1-го л. ед. ч. [им. п. *eg'(h)om] > урарт. -те „мне, меня“; ср. др.-инд. ав. та, гр. με, лат. те, др.-ирл. -т и др.

г) *peg-a, *peg-u- (от *peg- „мужчина“) > урарт. пага-(pi), паги „народ“; ср. др.-инд. pār „человек, мужчина“, пагі „женщина“, гр. ἀνὴρ „муж, мужчина“, ἀνδρῶπιος (*ἀνδρῶπιος) „человек“, арм. aig, род. aip „муж, мужчина“, корн., кимр. perth „мужественность, войско“.

*i-po- „тот“ > урарт. ipi (ipu-, ipa-) „этот, эта, это“; ср. др.-инд. твор. apēpa, apāya „этому, этой“, арм. so-ip (*k'o-en-os?) „именно этот, эта, это“, этрусск. an „этот, эта, это“ и др.

2. Носовые сонанты перед согласными и в конце слова могут выпадать:

*andh- „выступать, всходить, цвести“ > урарт. a(n)dani „область(?)“, поле (?- Г. Д.)⁶⁰; ср. арм. and „поле“⁶¹, тох. А ant, В ante „равнина“.

⁶⁰ Ср. надпись 60, где говорится о проведении канала, который „питал поле города Укуа(ни)“: 𐎠𐎢𐎡𐎣 Uqu'ani adani 'aladuni (по переводу Меликишвили, ук. соч., стр. 176, „благодетельствовал (?) он область (?) города Укуа(ни)“). Ясно, что данное нами значение более подходит контексту.

⁶¹ Р. А ч а р я н. В „Этимол. корневом словаре арм. языка“. 1, стр. 302–303, возводит арм. слово к и.-е. *apeta „дверной косяк“, имея в виду арм. dg-andi „дверной косяк“ („дверной косяк; порог; дом; двор; поле“). Ср. также арм. and „там“ < и.-е. *anti „напротив“ (сюда же относится др.-инд. anta-h „конец, граница, край“ из *antos).

*dens- «плотный» > урарт. zaše «сила», zasili «сильный, могучий, многочисленный». zašu «усилить (?), укрепить (?)»; см. § 46.

*rsep (или *arsen) «мужской, мужественный» > урарт. arše «дитя, отрок: молодой человек, юноша»; ср. ав.-др.-перс. aršan, «мужчина, муж, самец», гр. ἀρσῆν, ἀρρην «мужской, мужественный», арм. арп «дикий баран».

*ku(m)b(h)o- (от *keu «сгибать, сгиб; впадина; выпуклость») > урарт. hubi «долина (?)» [и «область (?)», территория (?)]; см. § 5а.

*soni-s(ki)- (от *sem- «один») > урарт. šusini «один»; см. § 17₁.

3. Однако имеют место случаи, когда п перед согласными сохраняется:

*menk- «месить, массировать» > урарт. mankali -- название какого-то вида масла; см. § 12₂₆.

4. Хотя и.-е. *m в неначальном положении обычно соответствует m, но в некоторых случаях мы находим п [по-видимому переход *m > п в одном случае объясняется первоначальной конечной позицией *m (обусловившей, как и в греческом и армянском, данный переход), в другом — ассимиляцией]:

*dēm- (от *dem «строить») ⁶² > урарт. íanu- «делать, создавать, сооружать». ср. гр. βῆμα «строить, соорудить, воздвигать; устраивать; проводить» и др. Из того же корня арм. tun (*dom) «дом», русск. дом и др.

*sem-no- «черпать» > урарт. šani «сосуд»; ср. гр. ἀνῆ «ведро», ἀνῆς «ночная посуда; ладья», лат. sentīna «нижняя часть корабля для стока нечистот, клоак», может быть и др.-инд. sāta- «сосуд, блюдо».

*kom > урарт. ka(i)(ni) «перед»; ср. др.-инд. kām (ставится после дат. п.), русск. ко, к. ⁶³

5. И.-е. гласным сонантам *r, *l, *m, *n по-видимому соответствуют ar, al, a(m) (?), a(n):

⁶² Тот факт, что *d не переходит в z, предполагает *o или другую огласовку корня, но не *e.

⁶³ Но ср. др.-ирл. со *k* (*kʷ-).

*r̥sen „мужской, мужественный“ > урарт. arše „дитя, отрок; молодой человек, юноша“; см. § 116.

*rti (*arti?), *rtu (*artu?) (от *ar- „связывать, прилаживать, устраивать“) > урарт. Ardi „бог(иня) (-Г. Д.)“, ardiše „сила, власть, повеление, приказ“, aniarduni „независимый“; ср. др.-инд. r̥tam „закон, право, священное право“, ав. aipi-ərəta „установленный, точно указанный“, алан. arð „бог“⁶⁴, гр. ἀρτὸ(ν)ω „располагать, приводить в порядок“ ἄρτονος „управитель, артин“ и др.

*r̥- „не“ > урарт. an- в aniarduni „независимый“; ср. др.-инд., ав., др.-перс. a-, (перед гласными и i, u) an-, гр. ἄ-, (перед гласными) ἄν-, арм. an- „не“ и др.

6. В одном случае как будто имеется переход *r̥ > ur, что предполагает либо огласовку *o (*or), либо заимствование из другого и.-е. языка:

*bhr̥g'h- (от *bhereg'h- „высокий“) > урарт. burgana „крепость (?), подкрепление (?), войско (?“; ср. гот. burgs „город; башня“, др.-в.-нем. burg „укрепленный замок“, гр. (∠ пеласг.) πύργος „башня, крепость“ (по Н. Адонцу это слово заимствовано из урартского; ср. также Рок., стр. 141).

§ 18 I. И.-е. неслоговым *i, *u (*i, *u) в начале слова соответствуют i, u (по транскрипции Г. А. Меликишвили — i, u):

*iо- (основа относительных местоимений и других относительных слов) > урарт. iu „когда“; ср. др.-инд. yās, yā, yād, ав. uō, гр. ὅς, ἧ, ὅ „который“, может быть и лит. jei, jabai „если“ [ср. также др.-инд. yāvāt, гр. ἕως, дор. ἄς (*āFας) „пока, до тех пор пока, в то время как“, др.-инд. yad „в этом отношении, пока, как“ = гр. ὡς „как, когда“]; для перехода значения „который, когда“ ср. арм. диал. vor „который; что; когда“.

*uedh- „вести, вести домой, жениться“ > урарт. uedia (ni) „женщина; (собр.) женщины“; см. § 10₂.

*uel- „напирать, теснить, собирать, замыкать, обложить (город, крепость)“ > урарт. ueli „собрание (?), отряд(?)“, uelidu-

⁶⁴ Ср. В. И. Аббаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, М., 1958, стр. 61.

„собирать“, uelisine „собранный (народ(?), войско(?), отряд(?)"
ср. гр. εἰλ(λ)ω „вращать; теснить; притеснять; накапливать,
собирать“, εἰλη „толпа, группа, отряд“, эол. ἀολ-λής „собранный
вместе, сплотившийся“, ἀλιζω „собирать“, ион. ἀλίη „собра-
ние“, русск. *великий, валом валить, вальмя, наваливать*.

*ueni-s- (от *uep- „стремиться; желать, любить; дости-
гать, приобретать, побеждать“ > уарт. uaniše „удовольствие(?
-Г. Д.), победа(?- Г. Д.)“⁶⁵; ср. др.-инд. vani „желание“.
toх. A wa pi, B win „удовольствие“, др.-в.-нем. wini „друг“;
ср. также др.-инд. vanōti, vanōti „желает, любит, приобретает,
побеждает“, ав. vanaiti, vanaoti „побеждает“ от того же
корня.

2. Как показывает двоякое написание имен уарт. бога
ua /'A и богини Uaruban / 'Ariban, уарт. ' в некоторых
случаях может отражать выпавший и (перед а, восходящим
к е)⁶⁶.

*ueg- „закрывать, покрывать; хранить, охранять, защи-
щать, избавлять“ > уарт. 'ari „зернохранилище“; ср. др.-
инд. vṛṇōti „окружает, оберегает“, vṛti- „ограда, забор, об-
несение забором“, vāga- „прикрытие, укрытие, защита“, vā-
ṭga- „плотина“, гр. ἔρουα „защита, охрана“, алб. varḡ „могила“
vathë „ограда, двор, загон, овчарня“, др.-ирл. feronn, ferann
„земля, поле, пашня“ („загороженное место“), ср.-кипр.
gwerthug „крепость“, др.-англ. weorð „двор, хозяйство“, ст.-
сл. *врата*, русск. *ворота* и др.⁶⁷. По-видимому, сюда же
относится и имя богини Uaruban („Хранительница“?).

*ues-en (от *ues- „влажный“; и.-е. корень выступает и в
обозначениях самцов, как *eres- *r̥s „гэчь“ при *rsep „муж-
ской, мужественный“) > aše „мужчина“, ср. др.-инд. uṣtra

⁶⁵ Ср. надписи 171 и 172: „Да будет Сардури, сыну Аргишти, жизнь,
величие... милость, могущество, радость, ualīse“, где контекст предпо-
лагает именно одно из значений, данных нами.

⁶⁶ Написание же eia/e'a „и“ показывает, что вообще отражает
один из полугласных (i, u) в позиции перед гласным в начале
слова и в ингервокальном положении (т. е. согласные i, u).

⁶⁷ Ср. также *ueg- „охранять, оберегать, уделять внимание“, отку-
да гр. οὐρος „страж, хранитель“, агтич. օրդ „охрана, забота“, др.-исл.
wage, н.-в.-нем. wage „товар“, др.-в.-нем. bewagon, др.-англ. wagon
„охранять, оберегать, беречь“ и др.

„буйвол, верблюды“, *ustar, ušta* „бык, вол, впряженный в плуг“, ав. *uštō* „верблюды и *Zarān-uštō* (Заратустра).

3. И.-е. *ц в интервокальном положении часто соответствует *b* (в произношении = *v*? Ср. § 10₂, прим.):

*ац- „любить; желать, требовать; благоприятствовать, содействовать, помогать“ > урарт. *ab(a)-* „желать(?), хотеть(?)“; ср. др.-инд. *āvati* „любит, желает, требует; благоприятствует, содействует, помогает“, лат. *aveō, -ēre* „страстно желать“, кимр. *ewylls* „желание, воля“, корн. *awell* „желание, требование, потребность“ и др.

*до-ц- (от *do-* „дать“) > урарт. *tubardu* „вручать“; см. § 11₁.

*тѐцо- (от *tēu- „пунуть, вздуться“) > урарт. *a-tibi* „десять тысяч“: ср. арм. *t'iv*, род. *t'iuo* „число“, гот. *tu-sundi* „тысяча“, др.-в.-нем. *thūsunt, dūsunt* „тысяча“, русск. *тысяча*, тох. В *tumape, tmape, A tmap* „десять тысяч“ и др.

4. В двух случаях в начале слова перед гласными в урартском языке выступает протетический гласный *i*:

*ег'- „я“ > урарт. *ie-se* „я“: см. § 16₃.

*арту-по- (*rtuno-?) (от *art-, *rt- „связанный, приложенный, устроенный“ при *ag- „связывать, прилаживать, устраивать“) > урарт. *(an-)ardu-ni* „(не)зависимый(?)“; ср. гр. *ἀρτῶ(ν)ω* „располагать, приводить в порядок“, *ἀρτυῶς* „управитель, артин“ и др.

5. И.-е. *ц в положении после согласных (в частности после *s), по-видимому, в урартском произносился слабо и имел тенденцию выпадать:

*сцo „так; как; когда“ [от *se-, *s(e)ue — первоначально „в стороне, отдельно, раздельно, для себя, себе“, затем возвратное местоимение] > урарт. *šu-ki* „как(?), когда(?- Г. Д.)“⁶⁹; ср. гр. *ὥς* (*ὥς* > *сцo-s) „так“, оск. *svai, svae, sve, sue* „когда“, др.-лат. *so-c* (= урарт. *šu-ki*), лат. *sī* (из формы местн. п. *sei), сī-с „так“, гот. *swe* „как“, *swa*, др.-в.-нем. *sō* „так“ и др.

⁶⁹ *Aniarduni* буквально означает „не подчиняющийся закону (?), приказу (?)“.

⁷⁰ Ср. *šuki* *Ḥaldīše ubarduduni iese šidīštubi* „как (?), когда (?)| бог Хаяд повелел, (так)я построил“ 280, 5–6.

*suei- „тлеть, гореть“>урарт. Šel-ardi—имя урарт. бога луны: ср. гр. (<пеласг.) $\zeta\epsilon\lambda\eta\nu\eta$ „луна“, $\zeta\epsilon\lambda\alpha\varsigma$ „свет, блеск“, др.-инд. swāraṭi „светит, сияет“ и др.⁷⁰

*sue-ro- [от *s(e)ue- первоначально „в стороне, отдельно, раздельно, для себя, себе“, затем возвратное местоимение] > урарт. šeri „отдельно“. še(i)r(i)du- „отделять, выделять, скрывать, присваивать (-Г. Д.)“; ср. др.-перс. huwa „собственный, свой“, арм. iur (*seuero- или *seuoro-), алб. ve-të „сам“, vajë „девушка“ (*varia от *suo-ro- „свой, родственник“), лат. sēd, sē—предлог „без“ и приставка, показывающая отделение, устранение.

*dʷe-ro- или *dʷə-ro- [от dʷo(u) „два“] > урарт. tarani „во второй раз (?)“; ср. др.-инд. dvā, dvāu, ав. dva, гр. δύο-(F)ω. δ(F)ω- (в δύο-δεκα „двенадцать“), др.-ирл. daṅ, dō, dā (проклитич. форма), гот. twai (twōs, twa) „два“, хетт. tān (ta-a-an) „во-вторых, второй“, taigaš (ta-a-i-u-ga-aš „двухгодичный“) и др.⁷¹

*bʰu-a-no- (от *bʰeu- „быть, существовать; жить“) > урарт. ^(KUR) e-ban „страна“ (?); ср. др.-инд. bhavanam „становление, местожительство“, bhū „земля, страна, мир“, bhūtan- „земля, страна, мир, бытие“. алб. banë „жилище, остановка“ (*bʰaṅona) и др.⁷²

⁷⁰ Урарт. Šelardi значит „бог луны, бог света“, а не „ночное светило (?)“, как полагает Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 417. Ardi значит „бог“ <*rti- (*arti-); ср. алан. арб „бог“ (см. В. И. Абав, Историко-этимологич. словарь осетинского языка, 1, 1958, стр. 61).

⁷¹ Значение слов tarani „во второй раз (?)“ и sištini „в третий раз (?)“ предполагается на основе только одной надписи. При наличии явного соответствия урарт. susini „один“ и atibi „десять тысяч“ и-е. формам *som-s(k)- и *teu-o-, возникает мысль, не предполагают ли tarani и sištini и-е. параллели *trei- „три“ и *sueks- „шесть“; для -ni ср. лат.-ни <*-no-i образующий разделительные числительные [terni = урарт. tar(a)ni(?)]. Конечно, это лишь предположение, может быть, очень далекое от истины.

⁷² Но ср. др.-инд. авани „земля, страна“, курд. awani „здание, поселение“. Что касается арм. аван „поселок, поселение“, то оно считается заимствованием из иранского источника (ср. др.-перс. awahana „местожительство“ от *ues- „пробывать, жить, ночевать“), хотя можно допустить заимствование из урартского.

Не имеем ли в названии урартского города-крепости Er(e)bil другую огласовку указанного выше корня? Некоторые исследователи

6. Однако имеет место случай, когда и.-е. *su соответствует $\tilde{s}i\tilde{u}$ - (произн. $s\tilde{a}i\tilde{u}$ -?):

*s $\tilde{u}en$ - „солнце“ > урарт. $\tilde{S}iuni$ —имя урарт. бога солнца; ср. ав. $xv\tilde{a}ng$ „солнце“, гот. $sunno$, др.-англ. $sunna$, др.-в.-нем. $sunno$, $sunna$ „солнце“ и др.

7. И.-е. *i, *u в интервокальном положении в некоторых случаях выпадают, причем это обычно сопровождается стяжением гласных:

ai- „наступать на... гнать, брать верх, обижать“ > урарт. $haiu-$, $hai-$ „захватывать, завоевывать; похищать, уводить, уносить, уводить“ и $hi-$ „похищать (?), уводить (?), уносить (?“; ср. др.-инд. $in\tilde{o}ti$, $invati$ [$(a)i-neu-mi$] „наступает на, нападает, преодолевает, берет верх“, ав. $a\tilde{e}pah$ „насилие; насильник“, гр. $\alpha\tilde{i}\nu\tilde{o}s$ „ужасный“; но ср. также гр. $\alpha\tilde{i}\nu\tilde{o}\rho\alpha\tilde{i}$ „брать, хватать, снимать“ из *ai- дать; брать“⁷³.

*sa $\tilde{u}elio-$ „солнечный“ (от *sa $\tilde{u}el-$ „солнце“) > урарт. $\tilde{s}ali$ (хурр. $\tilde{s}au\tilde{e}la$) „год“ (если данная этимология верна, то солнце у урартийцев и хурритов считалось мерилем года, как луна—месяца); ср. др.-инд. вед. $\tilde{s}uvar$ „солнце, свет, небо“, гр. $\tilde{\eta}lios$ „солнце; день“ и др.

8. И.-е. \tilde{i} , \tilde{u} соответствуют i, u:

а) *st \tilde{i} - (от *sta- „стоять, ставить“) > урарт. $i\tilde{s}ti-$ „выступать, отправляться“; см. § 16₁.

*sg $\tilde{h}i-$ (от *seg \tilde{h} - „удерживать, держать, преодолевать, брать верх, побеждать“) > $u\tilde{s}gi$ „сила (?), мощь(?)“; см. § 16₄.

б) *k \tilde{u} -го- „вздутый; сильный, герой“ > урарт. $kugun/e$ „могучий, мощный, высокий (о горе)“; см. § 13₁.

* $\tilde{u}resko-$ [от *(a) $\tilde{u}er-$, * $\tilde{u}r-$ „вода, дождь, река“] > урарт. $ur\tilde{i}\tilde{s}hi$ „ороситель(ный)“; ср. др.-инд. $v\tilde{a}r$, $v\tilde{a}ri$ „вода“, ав.

склонны вывести отсюда название современного города Еревана. Ср. М. Израелян, „Известия АН Арм. ССР“, 1951, № 8, стр. 97; А. Мирзоян, „Известия АН Арм. ССР, 1951, № 11, стр. 97—98; Н. Арутюнян, „Историко-филологический журнал“, 1959, № 2—3, стр. 78—96.

⁷³ В словаре А. Walde—J. Pokorny, I, стр. 1—2, эти два корня приведены вместе, а в словаре J. Pokorny, I, стр. 10, даются отдельно. Ср. также урарт. $ai-$ „находиться“, $ai\tilde{e}$ „местонахождение (?), резиденция (?“), восходящие, по-видимому, к *ai- „давать, уделять; брать“, откуда и слова для обозначения доли, части, пая.

vāg „дождь“: тох. A wāg, B wāg „вода“, др.-ск. ūg „мелкий дождь“, гр. αῦρα „вода, источник“ в ἄν-αυρος „безводный“ (о ручьях)⁷⁴; для формы на *-sk- ср. тох. A. yār-s, B yār-s „купать“ (-s—*-sk-).

*urēg- „над, сверху“ > урарт. ubar- в ubar-du-ia „повеление (?), приказ (?), желание (?“; см. § 12_{за}.

*kumb(h)o- (от *keu- „сгибать, сгиб; впадина; выпуклость“) > урарт. hubī „долина (?), [и „область (?), территория (?“]; см. § 12₁

*ud- (от *ued- „говорить“) > урарт. huṭia- „взмолиться“: см. § 11₄.

*sur-g- (при *suer- „резать, колоть; нарывать, гноиться“) > урарт. ^{ḡiṣ} šur(g)/e(pī) „оружие“; ср. ав. x^vaga „рана, ранение“, др.-в.- нем. swert „меч“, др.-англ. sweord, др.-исл. sverð из sver-ḡa- „колющее оружие“.

9. Особенности урартского письма, где во многих случаях сочетания гласных передаются без одного из них (au > u, ia > i, iu > u, ue/e > i/e, au > a, i/ea > i/e, iu > i, ia > u, ui/e > u)⁷⁵ и наоборот (ср. meī при me „пусть не“ и т. д.), не дают возможности составить полное представление об отражении дифтонгов с элементами *-i, *-u (*ai, *au, *ei, *eu, *oi, *oi) в урартском языке. Вопрос осложняется еще и тем, что во многих случаях трудно установить характер передующихся в дифтонгах элементов. Однако можно прийти к некоторым выводам:

а) *ai, *au в урартском языке обычно упрощаются, теряя второй элемент:

*kai-lo- или *kai-lu- „целый, невредимый; хорошее предзнаменование“ > урарт. halu-lī (мн. ч.) „церемонии (?)/ ритуалы (?); см. § 12₁.

*augono- [от *aug- „увеличивать(ся), расти“] > урарт. agupinī „укрепленный“; см. § 11₃.

б) *ei, *oi обычно теряют второй элемент дифтонга

⁷⁴ Ср. и русск. *роса, орошать*. *rosā (от *ere-s-, *res- „течь“). Для взаимоотношения двух и.-е. корней ср. др.-инд. ārsati „течет“, ṛsabha-h „бык“, ав. arsan „мужчина, самец“ и др.-инд. varṣati „дождь идет“, ṛsabha-h „бык“, ав. varəṣna „мужской“.

⁷⁵ Ср. Г. А. Меликишвили, *ук. соч.*, стр. 48 и сл.

(обозначаясь в письме как e/i, u)⁷⁶, причем перед некоторыми согласными и сонантами e может перейти в a (см. § 19₃):

*mei-go- (от *mei- „укреплять; свая; деревянная постройка“) > уарт. maḡiṇi „укрепление“; ср. лат. murus, др.-лат. moiros „стена (преимущественно городская); вал, плотина, край, оплот, защита“, герм. maḡia „(пограничный) столб“.

*pei-k- (от *pei- „вести, водить“) > уарт. paḡa- „приходить, восходить (на царское место, на трон)“; ср. др.-инд. pāyati, ав. payeiti „ведет, водит“, др.-инд. pītha „ведение, дорога“, хетт. paḡ- „направлять(ся); вести, посылать, обращаться(ся)“, паппа-(peḡḡa-) „гнать; (непер.) идти, ходить“⁷⁷.

*peig^h- „мыть“ > уарт. pikidu- „орошать (?)“; см. § 11₃.

*moi-go- (от *mei- „укреплять“) > уарт. muri/e „птаенный склад (?)“; примеры см. выше под *mei-go- > maḡi-pi.

*moi-pa (от *mei- „странствовать, идти“) в обозначении рек: *meip-, *moip-, *mip- > уарт. ⁽¹²⁾ tupa „река“⁷⁸; ср. галл. Moenus (Майн), ср.-ирл. Moín и др.

v) *eu и, по-видимому, *ou обычно отражены как u:

*keud- „бросать, кидать, травить; бросаться, кидаться, торопиться, стремиться“ > уарт. kut(e)ia-, kuḡi- „продвигаться к (?), доходить до (?)“; см. § 11₄.

*leudh- „расти, выращивать, подниматься“ > уарт. ^{SAL}lutu(ni) „женщина; (собир.) женщины“; см. § 10₃.

*skeu-t- „резать, отрезать, отделять“ > уарт. sut/duqu- „оторгнуть, вырывать, отрывать, удалять, устранять“; см. § 16₃.

⁷⁶ Наличие a(i) на месте и.-е. *oi- (или, может быть *ei-) в местоимении a(i)peḡi „кто-то, кто-либо, кто-нибудь, кое-кто, некто, иной (-Мещ., Гр. стр. ур. яз., 110), какой-то (-Мещ., там же)“ из и.-е. *oi-po- [ср. др.-инд. o-pa „он“, лат. ipus (др. *oipos „один, кто-то“), н.-в.-нем. eins „один“, ein—неопред. артикль] можно объяснить как результат конгаминации данного и.-е. корня с *apio- „другой, иной“ (от *ap „там, с другой стороны“; ср. др.-инд. apūa-, ав. apua, apuā, др.-перс. apūa „другой, иной“).

⁷⁷ Хетт. paḡpa- является удвоенной формой от paḡ-, как, может быть, уарт. pupa „прийти, приходиться“ от pa-h-a-.

⁷⁸ Но ср. *meu- „влажный“.

г) Однако имеют место случаи отражения *ei как *a (выпадение *и и переход е в а перед *s) и uі (особенность графической передачи?), а также *ei/oі как ai (без выпадения і):

*keu-s- (от *keu- „обращать внимание, смотреть; слышать, чувствовать, замечать“) > урарт. hašia- „прислушаться“, hašu- „слышать, слушать“; ср. гр. ἀκούω „слышать, слушать, прислушиваться“, гот. hausjan „слышать“.

*skeud- „бросать, кидать, стрелять, травить, кидаться, стремиться, спешить“ > урарт. suidi- „выбрасывать (стелу), отбрасывать (войска противника)“; см. § 16, ⁷⁹.

*eis- (ois-? ср. греч. форму) „буйно, быстро двигаться; торопить, побуждать, подкреплять; стрелять, бросать, кидать (снаряд, стрелу)“ > урарт. aišti- „прыгнуть“ (о коне по имени Aršibini, которое по Дьяконову означает „орел“ = арм. arciv); ср. гр. οἶσθαι „устремляться, бросаться, кидаться“ (о хищных птицах, как и вед. ēsati).

§ 19. Долгие и краткие гласные в урартском совпали, причем действуют следующие закономерности перехода:

1. И.-е. *a, *a соответствует а:

*bhād- „хороший“ > урарт. vadusi(e) „величественный (?), великолепный (?“; см. § 10₁.

*stā- „стоять; ставить“ > урарт. ušta- „выступать (в поход), направиться, отправиться“, ašta- „направляться (?); см. § 16_{1б}.

*ag'- „гонять, уводить, водить“ > урарт. agu- „проводить (канал), уводить (пленных)“; см. § 13₁.

*kap- „хватать; схватывать“ > урарт. kari- мера сыпучих тел; см. § 13₁.

*karkar- „твердый, жесткий“ > урарт. qarqarani „панцирь; см. § 12₁.

2. *e, *e (и чередующиеся с ними *o, *o?) огражены следующим образом:

а) Перед сонантами г, т, п, заднеязычными k, ḫ, g, иногда и переднеязычными d, t они обычно переходят в а:

⁷⁹ Возможно, что урарт. слово восходит к *suē(i)- „сгибать, вертеть, качать“, откуда др.-исл. sveira „бросать“.

*peri (от *per „вперед, через, по ту сторону и т. д.“) > урарт. pari/e „до, к“; см. § 12₁.

*iem-(k-?) (от *iem- „резать, отрезать“) > урарт. tamḫu „удалять“; ср. гр. τέμνω (гом., ион., дор. τέμνω) „резать, вырезать, извлекать, отрезать, отрубать“, τρίψω „разрубать, рассекать; разделять, рассеивать“, τεμάχον „кусок“.

*iēni- (от *iēn- „стремиться; желать; любить; достигать, приобретать, побеждать“) > урарт. iapiḫe „удовольствие (?-Г. Д.), победа (?-Г. Д.)“; см. § 18₁.

*mēgh- „милостивый, благосклонный, дружественный, довольный, веселый“ > урарт. takigi „милостиво (?), милостивый(?)“; см. § 10₃.

*pek'(u)- „овца; мелкий рогатый скот; скот“ > урарт. pari/ap'i/e „бык, крупный рогатый скот“; см. § 12₁.

*de-dh- (от *dhē- „ставить, положить“) > урарт. zad(u)- „делать, совершать, создавать, строить“; см. § 11₂.

*petə-ro- [от *pet- „простирать (особенно руки)“] > урарт. patar'i/e „город“; ср. гот. fada, ср.-в.-нем. vade „ограда, забор“⁸⁰. Ср. также др.-инд. pat-tan-a „город“ (основа на г/п).

б) В той же позиции иногда имеет место отражение *e, *e как e, который по Дьяконову передает широкий e (ε или может быть әе), а иногда и как i:

*ereḷjo- (от *er- „орел“) / урарт. ere/iḷi „царь“; ср. праск. erilaR, др.-исл. jarl „муж, мужчина; знатный мужчина, граф“, др.-англ. eorl „муж; храбрый человек; знатный человек, вождь, граф“, др.-исл. jöfurr „князь“.

*eret- [от *er- „приводить (приходить) в движение, поднимать(ся)“] > урарт. erida- „являться(?), приходить (?), идти (?“; ср. арм. (повел. aḡi „поднимайся! встань! иди!“), лат. orior, -īri „вставать, восходить, появляться; начинаться, брать начало“.

*sed- „сидеть“ / урарт. šidu- „строить, воздвигать“; см. § 11₃.

*iēdh- „вести домой; жениться“ > урарт. uedia(ni) „женщина“; см. § 10₂.

⁸⁰ Арм. pat „стена, ограда, забор“ мы считаем заимствованием из хакасского. Ср. „Archiv orientální“, 1961, № 3, стр. 395.

*k'epo- (от *k'ep- „только что появляться, детеныш, дитя, ребенок“) > урарт. *ḫipi* „сын (?): см. § 13₁.

в) В остальных случаях *ē, *e отражены, по-видимому, как узкий e, в письме переданное как e, i, ie, ei:

*cel- „напирать, теснить, собирать, замыкать, обложить (город, крепость“) > урарт. *celi* „собрание (?), отряд (?): см. § 16₁.

*obhel- „увеличивать, умножать“ > урарт. *abilidu-* „присоединять, прибавлять; см. § 10₂.

*k^ue „и“ > урарт. *ku/e* „же, даже, также, а также“; см. § 14₁.

*mē „(пусть, чтобы) не“ > урарт. *me(i)* „пусть не“; см. § 17_{1в}.

*me- косв. форма личн. местоим. 1-го л. ед. ч. > урарт. *me* „мне, меня“; см. 17_{1в}.

3. а. И.-е *ō, *o обычно переходят в u, возможно отражающий o:

*do-ц- (от *do- „давать“) > урарт. *ṭubardu-* „вручать“; см. § 10₁.

*tor- (:*ter- „тереть; просверливать, пронзать“) > урарт. *ṭuru-* „разбивать, уничтожать; см. § 12₁.

*olcos (от *ol-, *al-—местоименного корня) > урарт. *ulī(e)še* „другой“; см. § 17_{1б}.

б) Однако есть случаи перехода *o в a:

*obhel- „увеличивать, умножать“ > урарт. *abilidu-* „присоединять, прибавлять“; см. § 10₁.

4. И.-е. *ā переходит в a:

*terābno- (от *terāb-, *treb- „деревянная постройка, здание, жилище“) > урарт. *ṭar(a)man^ai,e-li*—название какого-то сооружения; см. § 12₁.

*erāgo- (от *erā- „отдыхать“) > урарт. *ṭaragī* „благополучие (?), мир (?); ср. ав. *arīme* „тихо, спокойно, мирно“, гр. *ἄροη* „прекращение, затухание (боя)“, *ἀρ-ιζειναι* „быть в состоянии покоя“ (по Гесихию).

§ 20. Вышесказанное схематически можно изобразить следующим образом:

1. Согласные:

а) в начальном положении

И.-е	bh	dh	gh (g'h)	g ^h h	b, p	d, t	g(g'), k(k')	g ^h , k ^h
Урарт.	b	d	g	gu	p	t, z, t, s	k	q, ʔ, ku

С) в начальной позиции

И.-е.	bh	dh	gh (g'h)	g ^h h	b, p	d, t	g(g'), k(k')	g ^h , k ^h
Урарт.	b(p)	d(t)	g(k)	gu(ku)	p(b)	t, t(d), s(z)	k g	ku(gu)

2. Сонанты

И.-е.	г	l	m	n	i	u	г	l	m	n	i(i)	u(u)
Урарт.	г	l	m	n	i	u	ar	al	am	an	i	u

3. Гласные и дифтонги (с плавзвучающими i, u)

И.-е.	a(a)	e(e)	o(o)	э	ai(ai)	au(au)	ei(ei)	eu(eu)	oi(oi)	ou(ou)
Урарт.	a	e(l)	u(oʔ)	a	a	e(t, ei)	u			

МОРФОЛОГИЯ

§ 34. Индоевропейская система чередований в урартском языке представлена лишь фрагментарно. Это объясняется частично скудостью языкового материала (трафаретность клинописных текстов, неизвестность значения многих слов, сохранение лишь некоторых форм склонения и спряжения при неизвестности других и т. д.), частично же изменениями, проявившимися в ходе исторического развития (выпадение звуков в конце слов, звуковые изменения и в особенности частичный переход звука *e* в *a*, монофтонгизация дифтонгов, действие аналогии и т. д.). Тем не менее, в некоторых случаях можно констатировать следы чередования.

Если *i*, особенно в тех случаях, когда он письменно передается и через *e*, действительно отражал неопределенный редуцированный звук или в некоторых случаях в предударном и послеударном положении не произносился, то в словах *zag'e* „(фруктовый) сад“ и *t'ergusi* „название одной из урартских мер емкости“ мы имеем отражение чередования звуков **e/o* с нулевой степенью огласовки (**der-: *dr-*); ср. русск. *дерево* при др.-инд. *dr̥ivaṃśa-h* „деревянный сосуд, деревянная коробка барабана“, гр. *δροίτη* (*droitē*) „корыто, ванна“ и лат. *trua* „ковш, черпак“ и др.; что в знаках *ti, te* в данном случае *i, e* действительно не произносились, видно и из того, что н.-е. **d* в этом слове не переходит в *z*, как это бывает перед *e, i* в других случаях, в том числе в *zag'e* из **der(u)*. Слова *magini* „укрепление(?)“ и *mir'e* „потаенный склад(?)“ по-видимому сохранили н.-е. чередование **ei/*oi* [*magini* < **mei-ro-* и *miri* < **moi-ro-*].

В остальных случаях урартские имена сохранили лишь одну из огласовок корня. Так, 1) в словах zil(i)b'e „семья, потомство“ (<*del- „колоть, резать, искусно обтесывать“), *^{AL}sila(-ae,-aie) „дочь“ (<*se-la от *se- „бросать, сеять“), pil'e „канал“ (<*belo- от *bel- „копать, выкапывать, раскапывать“) и др. мы имеем огласовку e; 2) в словах udul'i „виноградник“ (<*dholo- от *dhel- „цвести, зеленеть“; ср. ср.-ирл. duille „листья, листва“ из *dolintā при арм. deł-j „персик“), gupuse „битва, бой, война, сражение“ (<*g^uhono-s- от *g^uhen- „бить“; ср. гр. φόνος „убийство“), sukup'i „призванный(?)“, „вызванный“ (<*sok^u- при *sek^u- „замечать; сказать“), tupa „река“ (<*toi-na от *tei- „странствовать, идти“) и др.—огласовку o; 3) в словах arse „дитя, отрок, молодой человек, юноша“ (<*rsen от *ers- „течь“), aršini „сторона“ (<*pten- от *pet- „летать“; ср. арм. t'er „сторона“ <*pter-), usgi „сила(?), мощь(?)“ (<*u-sg^hi- от *seg^h- „удерживать, крепко держать, хватать“; ср. гр. ἰσχύς „сила, могущество, мощь“ и др.) имеем нулевую ступень.

По-видимому, в некоторых словах с суффиксом -še мы имеем чередование -ise,-use,-še, отражающее чередование *-es/*-os/*-s. Возможно, что в суффиксальных образованиях -ini-, -upi-, -ni; -ili-, -uli-, -li в отдельных случаях наличествует такое же чередование. Однако надо иметь в виду, что -i-se, -u-se и т. д. могут отражать и древние основы на *-i-, *-u-.

Сходное с описанным положение мы находим в глагольных формах. Отсутствие форм настоящего времени [кроме ali(e) „говорит“] не дает возможности выявить роль чередования в образовании этих форм. Вопрос затрудняется еще и тем, что *e во многих случаях переходит в a. Укажем на некоторые факты.

Часть глагольных форм прошедшего времени, соответствующих, по-видимому, индоевропейским перфектным основам, имеет огласовку o: ula- „идти“ и ulu- „вести(?), водить“ [<*ol- при *el- „двигать(ся), гнать“], tugu- „разбивать, уничтожать“ (<*tor- при *ter- „тереть“) и др.

Как было уже сказано в разделе фонетики, в некоторых глагольных формах, соответствующих, по-видимому, индоевропейским аористным основам, мы имеем нулевую огласовку корня: athu- „строить(?)“ (<*tk- при *tek- „ткать, плести“ и *tek'p- „плотничать, обтесывать, строить“; ср. русск. ткать из *tek- и тес-ать из *tek-s-ō, а также арм. t'ek'ēm „точить; строить; сгибать“, гр. τέκτωу из *tek- -ωу и τέκωη из *tek-ωη)⁸¹; ašgu- „захватывать“, может быть и usgi „сила(?)“, zašgu- „умерщвлять, убивать“ (<и.-е. *sg'p- при *seg'h- „удерживать, держать, крепко хватать, преодолевать, побеждать“; ср. гр. аор. ἔσχωу при ἔχω); iptu- „скрывать(?), утаивать(?)“ [<и.-е. *pt(o)- при *pef-; ср. гр. πτήσσω при πέτομαι).

Хотя мы ašhu- „выполнять(?), исполнять(?), устраивать(?), совершать(?)“ выводим из *sku- (*skeu- „завершать, совершать“), но вполне возможно допустить нулевую ступень огласовки корня при suhi „устройство“ (от su- „устраивать, создавать“) и, может быть, asihuse „?“ (прилагательное от aših, „?“).

Существует еще несколько типов чередований, свойственных урартскому языку и являющихся результатом изменений в конце слова и перемещения ударения.

1) e/i.— Основы на -е при словоизменении и словообразовании перед согласными обычно переходят в основы на -i: alsuise „величие“ — alsuisini; arniuše „деяние, подвиг, создание“ — arniušini, arniusinili; bauše „слово, приказ, повеление; вещь, предмет“ — baušini, baušinani; zaše „сила(?)“ — zašili „сильный, могучий, многочисленный“ и др.

2) i/u.— Основы на -i при словосложении и некоторых словообразованиях переходят в -u: urišhi „оружие“ — urišhus'/e „оружейный, оружейная, дом оружия“; ini „этот,

⁸¹ Ср. W. Merlingen. „Gedenkschrift P. Kretschmer“, II, Wiesbaden, 1957, стр. 70 и В. Георгиев, Исследования по ср.-ист. языкознанию, М., 1958, стр. 49—50. Не имеем ли в урарт. слове tesu- „?“ (ср. ase ⁸¹uidi tesulie б5., „когда виноградник будет построен (?—Г. Д.)“ параллели русск. тесать? Приблизительно значение „(за)кончить, завершить“ должна иметь и глагольная форма ahule („когда устройство виноградника будет ahule“ б5.,) — *ak'- „острый; конец“.

это“, *inuki* „этот самый, это самое, такой(?)“, *inukaḥini* „такой, таковой, этот, это“; **iki* „тот, то“—*ikukaḥini* „тот (то), тот самый“, *ikukan(e)* „тот самый, тот (то)“. Можно предположить, что в данном случае имеем дело с основообразующим гласным -o-, в послеударном положении подвергающимся редукции и в подударном и предударном положении выступающим в неизменном виде.

3) *e/in*.— Основы на -e, восходящие, по-видимому, к основам на *-ep, при словоизменении и словообразовании восстанавливают *p*, причем *e* переходит в *i*: *sue* „озеро, море“—*ṣuini*, *suinini* и *ṣuinaue* „бог озер“, *ṣuiniṣini* „озерный, (богатый) озерами“. Возможно, конечно, что здесь налицо не выпадение -*p*, а архаичное супплетивное сочетание основ (с прямым падежом без -*p* и косвенными падежами с -*p*).

§ 35. В урартском языке различаются четыре основы имен: основы на -*i*, -*e*, -*u*, -*a*; иначе говоря, возможны только гласные основы. О причинах отсутствия согласных основ было сказано выше. Чередование *i/e* в написании урартских слов и сходство засвидетельствованных форм падежей приводит к мысли, что между основами на -*i* и -*i/e* не было особого различия: возможно, что здесь мы имеем дело с редуцированным гласным разного происхождения (кроме случая *э<a!*). Это мнение доказывается и сравнительными данными.

§. 36. И.-е. тематическим основам на *-e/o- в урартском языке соответствуют основы на -*i/e* (в графической передаче -*i*, -*i-i*, -*i-e*, -*i-i-e*, -*e*, причем возможно предположить произношение -*э*; -*иэ*). В частности, можно указать на следующие тематические образования: *-e/o->урарт. -*i/e* [**kumb(h)-o-*>урарт. *hubi* „долина(?)“; ср. др.-англ. *cumb* „долина“ из прабрит. **kumbos*); -*i(i)o-*> урарт. -*i(e)* [**k^heriŋo-*> урарт. *kiŋi* „чаша“; ср. др.-ирл. *coige* „котел“; **olios*>урарт. **uli(e)-še* (эрг. п.) „другой“; ср. лат. *alius* „другой“]; *-lo->урарт.-*li* (**menkə-lo-*>урарт. *mankali*—название какого-то вида масла; ср. русск. *масло*); *-ro->урарт.-*rⁱ/e* [**moi-ro-*>урарт. *muŋ^r/e* „потенный склад“ и *mei-ro-*>урарт. *maŋ(ni)*

„укрепление(?)“; ср. лат. *murus* (др. *moiros*) „стена (преимущественно городская); вал, плотина; край; оплот, защита“] и др.

В неконечном, т. е. подударном и, возможно, предударном положении и.-е. тематическому гласному *-о- в урартском языке соответствует -и-, причем следует предположить, что урарт. знак и, хотя бы частично, передавал звук о: *g'hatjo->урарт. *gazu-(li)* „прекрасный, отличный, хороший“ (ср. гр. *χαιος* „хороший, отличный, полезный“ — по Гесихию, лак. *χαιος* из *χαιος „хороший“), g'hoно->урарт. *gipu-(še)*⁸² „битва, бой, война, сражение“ (ср. гр. *φόνος* „убийство“), *kai-lo- (или *kai-lu-) > урарт. *h^lalu-(li/e) „церемонии(?), ритуалы(?)“ (ср. кимр. *cei* „предзнаменование“), *kū-go->урарт. *kuḡu-(n'/e)* „могучий; мощный; высокий (о горе)“ (ср. др.-инд. *śūga-* „сильный, крепкий; герой“ = ав. *sūga*, гр. *χῆρος в *ἄ-χῆρος* „неправомочный, лишенный силы“) и др. Это особенно хорошо видно на примере местоимений: *i-ko->урарт. *iku-(kaḡ/e)* „тот самый, тот“, и *iku-(kaḡini)* „тот“, *i-po->урарт. *ipu-(ki)* „этот (самый), это (самое), такой“ при *ini* „этот, это“⁸³.

Переход тематических основ в основы на -i не является чем-то единичным. Как известно, такой переход в некоторых случаях наблюдается в латинском языке: *similis* „похожий“ из основы на *-lo-, *inermis* „невооруженный“ из основы на *-mo- и др. В лувийском языке основы на -i- являются преобладающими⁸⁴.

§ 37. И.-е. основам на *-а, *-ја в урартском языке соответствуют основы на -а, -ја (-ia). Сюда относятся следующие категории слов: 1) абстрактные имена существительные на -а, образованные от глагольных основ: *at-ḡana* „жертвоприношение“ от *kḡep- „ранить, убивать“; ср. гр. *φύγή* (*bhugā) „бег“ от *φεύγω* (*bheug-) „бежать“;

⁸² Поэтому можно с уверенностью сказать, что в суффиксе -še е произоислся.

⁸³ В относительных местоимениях *alu-še* „кто, который“ и *ali* „что, который“, по-видимому, налицо различие в одушевленности и неодушевленности.

⁸⁴ E. Laroche, *Dictionnaire de la langue louvite*, Paris, 1959, стр. 138.

2) абстрактные имена существительные на -ia (-ia), произведенные от основ с нулевым суффиксом: pa-rañ-ia „усмирение“ (ср. лат. *pac* „мир, мирный договор“ при *pacō*, -age „успокаивать, усмирять“ из **pac-* „укреплять, связывать“), *ubar-du-ia* „повеление(?), приказ(?), желание(?) [от существительного *ubar-du* „?“, откуда и *ubardu-du* „повелевать(?), приказывать(?)“]; ср. гр. *φύλα* (**φύλα*) „бегство, изгнание“, лит. *zip-ia* и др.; 3) имена существительные на -pa, -ga (*-pā, *-gā): *tipa* „река“ от **tei-* „странствовать, идти“, *qi(u)ga* от **kei-* „лежать“(?) ; ср. русск. *цена* (**k^hoi-pā*) и др.; 4) имена деятелей мужского рода: *buga* „раб, слуга“ от **bheg-* „носить, приносить“; ср. лат. *scriba* „писец, секретарь“ (от *scribo*, -ēre „писать“), русск. *слуга* (от *служить*) и др.; 5) имена существительные с собирательным значением: *paга* „народ“ (при *paги* „народ“) от **peg-* „человек, мужчина“; ср. гр. *φράτρα* (ион. *φρήτρα*) „род, фратрия“ от *φράτρ* „член фратрии (<**bhrātēr* „брат“); 6) имена существительные, обозначающие особ женского пола (и вообще самок): *silā(-ae, -aie)* „дочь“ от **sē-lo-* „потомство“, *uedia(ni)* „женщина“ от **ued-* „вести, вести домой, жениться“ (при др.-инд. *vadhū-h* „невеста, молодая женщина“), а также личные имена *Tarīga* (дочь царя Менуа), *Adia* (богиня), *Varṣia* (богиня), *Silla* (богиня)⁸⁵, *Uia* „богиня“, *Tuṣṛuea* (от *Tuṣra*—назв. города); 7) имена прилагательные и местоимения, согласованные с существительными женского рода⁸⁶: *zaiṇua* „высокая(?)“ (ср. *SULU zaiṇua-dī* 19_{ур.6} „на высокой дороге“⁸⁷, *sirabae* (для плео-

⁸⁵ Ср. *silua* „быть расположенным (хорошо, милостиво к кому-либо)“ от **sel-*.

⁸⁶ Случаи сомнительные, так как -a может быть окончанием мест. п. и даже показателем собирательности. Возможно, что в урарт. языке не было согласования по роду, и образование основ на -a, -ia имело лишь словообразовательное значение.

⁸⁷ Сравнение с *hariedi zaiṇu(a)dī* 264_{ур.5} показывает, что -a по-видимому, не является показателем местного п., особенно если учесть, что вряд ли возможно допустить сочетание двух окончаний (-a—местного и -dī—направительного). Слово *harī/e* „дорога“ следует в этом случае считать существительным женского рода.

настического -е ср. *silā, silae, silaie*) „необитаемая(?)“ [ср. *qīra-ni ṣīgabae maṇi* 136₄ „земля была необитаемой(?)“, где слово *qīra* „земля“ (с опред. артиклем -*ni*—женского рода), *ināni* „таковая, такая, эта, таковую, такую, эту“ (ср. *ināni burganāni* 19_{ур.20} „эту крепость“, где слово *burganā* женского рода), *luluina* „вражеская“ (ср. ^{KUR} *luluina-ni KUR-ni-ni* 278₄ „из вражеской страны“, где *KUR-ni*—=*ebāni* может быть словом женского рода на *-ī, если только -*ni* является первичным) и др.⁸⁸.

§ 38. Скудость материала и особенности урартского письма не дают возможности вскрыть полную картину отражения атематических основ на сонанты *-i-, *-u-, *-r-, *-l-, *-m-, *-n в урартском. Можно сказать лишь следующее:

1. И.-е. основам на *-i- (*-ti-, *-sti-, *-ni-) в урартском языке во всех позициях соответствуют основы на -i, -i- (ti, -sti, -ni): *arti- или *rti- (от *ar- „устанавливать“) > урарт. *Arđi* — имя богини (ср. алан. *arō* „бог“)⁸⁸, *Arđi-ni*—название города, религиозного центра урартийцев, *Šel-ardī*—имя бога луны и *ardī-še* „сила(?), власть(?), повеление(?), приказ(?)“; *sei-sti- > урарт. *šeišti-li* (мн. ч.) „ворота“; *ar-ni (от *ar- „устанавливать“) > урарт. *ar(a)ni* „милость“; *kar- (от *kar- „хватать, схватывать“) > урарт. *kar-* название одной из мер сыпучих тел [ср. др.-перс. > гр. *καπίδι* „два хеника“, арм. (<иран.) *karis*—название меры]; *cen- > урарт. *ināni-še* „удовольствие (?—Г.*Д.)“ (ср. тох. *A wañi* „удовольствие“). Для имени богини *Arđi* можно предположить и форму женского рода на -i (<-ī), хотя с полной достоверностью говорить об этом нельзя.

⁸⁸ Не исключено, что в урарт.-а в некоторых случаях может передавать оконч. мн. ч. „ср. р.“ *-a; ср. собират. существительные на -a и случаи вроде *ināni arnišānāni* 169₆ „из этих творений(?)“, *ḥaldināni KA bidini* 172₃ „со стороны ворот бога Халди“ (причем соответствующее КА урарт. слово *seištīli* „ворота“ употребляется во мн. ч.), *taramāna* (**terābna*)—название какого-то сооружения (при обычном употреблении формы мн. ч. *taramāni-li, taramāna-li*) и др.

⁸⁹ В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, М., 19, стр. 60—61.

Полная ступень огласовки суффикса *-tei- (:*-ti-) в урартском языке отражена как -te (ср. ušti-p-te „поход“). По всей вероятности в урартском языке также имеет место характерное для анатолийских языков смещение основ на *-i- и *-i_o-⁹⁰.

2. И.-е основам на *-u- в урартском языке в большинстве случаев соответствуют основы на -i; ср. урарт. ušgi(ni) „сила(?), мощь(?)“ и гр. *ἰσχύς* (ἰ-εχῶ-ς) „сила, могущество, мощь“; урарт. raḥi(ni) [при raḥa(ni)] „бык; крупный рогатый скот“, и др.-инд. *rās'u-*, лат. *resū*, -us „скот“; урарт. zaḡ(e) „(фруктовый) сад; роща“ и др.-инд. *dru* „дрова, дерево, ветвь“, хетт. *taru* „дерево, дрова“. Подобный переход и.-е. основ на *-u- в основы на -i- наблюдается и в латинском языке; ср. *gravis* „тяжелый“ при гр. *βαρὺς* „тяжелый“. Хотя урарт. *zaše* „сила(?)“ как будто имеет параллели в основах на *-u (хетт. *daššūš* „сильный, крепкий“, гр. *δαρὺς* „густой, плотный“, лат. *dēnsus* „густой, плотный“), но в действительности нет такого соответствия: урарт. слово, в отличие от указанных основ является именем существительным, а его переход в основы на -e, по видимому, следует считать результатом влияния основ на -še.

Тем не менее, в урартском имеется несколько слов, сохранивших основу на -u: ^{SAL}*lutu* „женщина“, *paḡu* [при *paḡa(ni)*] „народ“, *an-iardu-(ni)* „независимый(?)“. Наличие -u в последнем слове легко объяснить его подударным положением (*iardu-* из **artu-* или **rtu-*; ср. гр. *ἀρτυός* и *ἀρτύνακ* „управитель, артин“), хотя в слове *paḡi(ni)* мы находим переход в основы на -i независимо от ударения. Что касается слов *lutu* и *paḡu*, для них можно предположить долгую гласную основу на *-ū (<*-uə), причем в первом случае мы имеем дело с суффиксальным образованием женского рода [ср. урарт. *uedia(ni)* „женщина“ и др.-инд. *va-dñī-ḥ* „молодая женщина, невеста“], а во втором — с существительным собирательного значения [ср. параллельную форму на -a: *paḡa-(ni)* <*-nera].

⁹⁰ Ср. Н. Kronasser, *Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethetischen*, Heidelberg, 1956, стр. 113.

Основы на -и мы находим также среди заимствованных слов [ср. ultu-(ni) „верблюды“ из аккадского, откуда, может быть через урартский, и арм. ult, род. ultu „верблюды“] и географических названий (^{KUR} Buštu и др.).

3. Для и.-е. основ на плавные у нас нет вполне достоверных примеров. Если чтение урарт. слова ^{SAL} mathi(e) [вместо salmathi(e)] верно⁹¹ и если при этом допустимо значение „мать“ (ср. § 85), то можно сказать, что с потерей конечного -г эти основы перешли в основы на -i.

4. Лишь немногим лучше положение с данными об основах на носовые сонанты, которые в урартском перешли в основы на -e: *r̥sen > урарт. arše „дитя, отрок; молодой человек, юноша“ (ср. др.-перс., ав. aršan „мужчина, муж, самец“); *cesen (от *ces- „влажный“) > урарт. ase „мужчина“; *k'u-l-men (от *k'eu- „вздуться“) > урарт. kulme „благополучие(?), богатство(?)“. По всей вероятности, к основам на -п восходит и слово šue „озеро“, в формах косвенных падежей которого основа на -п восстанавливается: род. п. šuipi, отлож. п. šuipini.

Хотя имя урартского бога солнца šuipi, по всей вероятности, восходит к и.-е. *suep „солнце“, но, возможно, здесь усмотреть и позднее суффиксальное образование.

Слово arti-(ni) (отлож. п.)⁹² „сторона“ этимологически относится к основам на *-r/p (*pteg/p); с потерей конечного согласного оно перешло в гласные основы.

§ 9. Единственные согласные основы, об отражении которых можно говорить с уверенностью, это основы на *-s-, которым, по всей вероятности, в урартском соответствуют основы на -še. Однако функция этого архаичного суффикса -še в урартском значительно расширена. Как показал Шпехт⁹³, и.-е. основы на *-is-, *-us- возникли

⁹¹ Ср. И. И. Мещанинов, Грамматический строй урартского языка, М.—Л., 1958, стр. 54—55.

⁹² Г. А. Меликишвили в ук. соч., стр. 389, дает как основную форму artini, но в действительности здесь мы имеем дело с формой отложительного падежа на -ni.

⁹³ Fr. Specht, „Der Ursprung der indogermanischen Deklination“, Göttingen, 1947, стр. 389.

из старых основ на *-i-, *-u- с добавлением суффикса *-s. Для правильности данного положения прекрасным примером может служить урартский язык, где, например, ar-di-se „сила(?). власть(?). повеление(?), приказ(?)“, uapī-se „удовольствие (?-Г, Д.)“ или „победа(?-Г. Д.)“ восходят к основам на *-i- (ср., например, для второго слова др.-инд. vapi- „желание“, тох. А waiī „удовольствие“, др.-в.-нем. wipi „друг“).

Для тех случаев, когда перед -se имеется гласный -u-, можно сделать два предположения: 1) в некоторых случаях, по-видимому, мы имеем дело с вариантом суффикса *-es- с средней степенью огласовки (*-os-), причем, как показывают некоторые урартско-индоевропейские параллели, возникновение *-os- является результатом переразложения *-o- тематических основ перед *-s-, с переходом *-o- в состав суффикса; поэтому в указанных параллелях при урартских существительных на -uše мы находим и.-е. тематические основы мужского рода: урарт. gupīše „битва, бой, война, сражение“ при гр. φόβος „убийство“; по-видимому, отсюда можно сделать заключение об одинаковом происхождении окончания эргативного падежа -š(e) и суффикса -še; 2) в других случаях мы имеем дело с суффиксальным элементом -u- (основы на *u-), присоединенным к суффиксу -še, причем в этом случае следует допустить одинаковое происхождение этого -u- с глагольным основообразующим элементом -u-; ср. izidu- „повелевать(?)“ и iziduše „повеление(?)“, zadu- „делать, совершать, создавать, строить“ и zaduše „совершение(?)“.

§ 40. В области склонения морфологический строй урартского языка выявляет много архаичных черт. В урартском языке нет резкого противопоставления тематических основ атематическим. Вместо этого наблюдается резкое различие между конструкциями с переходными и непереходными глаголами. Иначе говоря, главной особенностью урартского склонения является наличие так называемой эргативной конструкции. Ее существование нельзя считать доводом в пользу „неиндоевропейности“ урартского языка. Наоборот, она говорит в пользу его архаичности. Тем самым оправдывает-

ся мнение многих исследователей о том, что индоевропейские именительный и винительный падежи восходят к первоначальным активным и пассивным падежам. Впервые высказал подобное предположение Х. К. Уленбек. Имея в виду, что именительный и винительный падежи имен существительных среднего рода совпадают по форме и что у основ на -о- именительный и винительный среднего рода не отличаются от винительного падежа мужского и женского родов, он пишет следующее:

„Все эти факты объясняются лучше в том случае, если допустить, что в индоевропейском праязыке в отдаленный период его развития существовали не именительный и винительный, а активный и пассивный падежи.

Под активным падежом следует понимать падеж действующего лица, падеж субъекта при переходных глаголах: в индоевропейском праязыке он характеризовался суффиксированным -s, которое едва ли можно отделять от основы указательного местоимения so и которое, вероятно, следует рассматривать как постпозитивный артикль. Пассивный падеж является падежом страдающего лица или предмета, испытывающего действие, в более общем значении, лица или предмета, о котором что-то высказывается, причем ему не приписывается при этом какое-либо переходное действие. Он является, таким образом, падежом объекта при переходных глаголах и падежом субъекта при пассивных и непереходных глаголах. В индоевропейском праязыке в качестве пассивного падежа функционировала чистая основа, и только при основах на -о- мы находим в качестве признака окончание -m⁹⁴.

Все сказанное Уленбеком как нельзя лучше согласуется с тем, что мы наблюдаем в урартском языке. Здесь эргативный падеж (по Уленбеку— активный падеж или agens) имеет окончание -s(e)⁹⁵, а так называемые неоформленный

⁹⁴ Х. К. Уленбек, Agens и patiens в падежной системе индоевропейских языков, сб. „Эргативная конструкция предложения“, М., 1950, стр. 101—102.

⁹⁵ По И. И. Мещанинову, эргативный падеж, передаваемый знаком se, не сопровождается повторением гласного и читался одним

(абсолютный) и именительный падежи (по Уленбеку—пассивный падеж или *patiens*) характеризуются отсутствием окончания и окончанием *-ni*. Как известно, в некоторых индоевропейских языках вместо окончания *-m* выступает *-n* (ср., например, греческий). Не лишено интереса, что, хотя в урартском языке указательные местоимения, как и вообще всякие определения, обычно предшествуют определяемым словам, но возможен и обратный порядок, таким образом, вполне оправдывается предположение о восхождении окончания *-š(e)* к указательной основе **so-*. С таким же основанием мы можем указать как на источник окончания *-ni* указательную основу **no-*. Характерно, что обе основы засвидетельствованы в урартском языке: *išī* „тот“ и *ini* „этот“. Вообще в урартском легко проследить возникновение грамматических морфем на базе самостоятельных слов.

Вслед за Уленбеком многие исследователи высказали подобную же мысль о возникновении индоевропейских именительного и винительного падежей⁹⁶.

Было бы менее вероятным предположить более позднее происхождение эргативной конструкции в результате самостоятельного развития или влияния субстрата. Известно, например, что в новоиндийских языках вторично возникла эргативная конструкция, употребление которой ограничивается, как и в грузинском, только одной из форм прошедшего времени⁹⁷. Своеобразный тип эргативной конструкции имеется также и в афганском (пушту)⁹⁸.

согласным звуком *-s*“. См. его „Грамматический строй урартского языка“, М.—Л., стр. 75. Заметим, что передача этого окончания знаком *se* наблюдается и в памятниках микенского греческого диалекта.

⁹⁶ Ср., например, A. Vaillant, *L'ergatif indoeuropéen*, BSL, 37, 1936, стр. 93—108. V. Pisani. *Uxor, ricerche di morfologia indeuropea*, „Miscellane Galbati“, 3, 1951, стр. 1—38. H. Hendriksen, *Quelques faits à la lumière d'une système casuel indoeuropéen comportant un cas transitif et un cas intransitif*. BCLC. 5, 1940, стр. 7.

⁹⁷ Ср. Т. А. Дегтерева, Развитие методов и общей проблематики в советском языкознании, „Принципы научного анализа языка“. М., 1959, стр. 20.

⁹⁸ Н. А. Дворняков, Язык пушту, М., 1960, стр. 69—70.

Попутно укажем, что в армянском языке имеется большое количество слов на -п, при которых -п не имеет параллелей в других и.-е. языках. Тот факт, что имена лиц и вообще одушевленных предметов обычно не оканчиваются на -п, дает основание предположить, что мы имеем дело с остатком прежнего пассивного падежа. По-видимому здесь имело место и влияние урартского языка [ср. арм. *burgn*, род. *burgan* „башня, пирамида, высокое здание“ из урарт. *burgana* „крепость(?), подкрепление(?), войско(?)“].

§ 41. Эргативная конструкция предполагает наличие строгого противопоставления одушевленности и неодушевленности: ведь только одушевленные предметы могут выступать как активное начало и оформляться эргативным падежом; неодушевленные же предметы могут выступать лишь в „именительном“ (пассивном) падеже, и поэтому они соответствуют, с одной стороны, и.-е. именам среднего рода в роли как подлежащего, так и прямого дополнения, с другой стороны—и.-е. именам мужского и женского родов в роли только прямого дополнения (объекта). По той же причине противопоставление в категории одушевленных мужского и женского родов может быть только вторичным и должно подчиняться главному противопоставлению. Все же, как было показано в § 24, такое различие в урартском языке уже намечается.

§ 42. Урартский язык имеет два числа: единственное и множественное. Следы двойственного числа нам пока установить не удалось.

§ 43. В урартском языке можно различить две группы падежей: 1) падежи в собственном смысле: эргативный (активный), именительный (пассивный)⁹⁹, родительный и дательный и 2) „агглюгинативные“ падежи: местный, отложительно-творительный и направительный. Падежи первой группы имеют различные окончания для единственного и множественного чисел, т. е. по особенностям образования сходны с соответствующими и.-е. падежами. Падежи второй группы имеют одинаковые

⁹⁹ Включая и „неоформленный“ или абсолютный „падеж“ (см. об этом § 44).

или почти одинаковые окончания для обоих чисел, причем нетрудно выявить самостоятельные слова, к которым они восходят.

§ 44. Окончание эргативного (активного) падежа $-s(e)$, как было показано выше, соответствует окончанию именительного падежа $*-s$ индоевропейских языков (др.-инд. $-h$, гр. $-ς$, лат. $-s$, хетт. $-š$ и др.). При этом надо заметить, что это окончание получают в урартском не только основы на $-i$ („тематические“ основы), но и основы на $-a$, что наблюдается и в хеттском, где вследствие перехода $*o > a$ основы на $*-o-$ и $*-a$ слились; вторично распространение этого окончания на основы на $-a$ наблюдается и в греческом и латинском в словах мужского рода: гр. πολίτης „гражданин“, лат. patricius „отцеубийца“ и др. При основах на $-e$ и $-i$, относящихся к „неодушевленному“ роду и не выступающих в роли субъекта транзитивных глаголов, это окончание не встречается.

Окончание эргативного (активного) падежа во множественном числе $-as(e)$ считают состоящим из показателя множественного числа $-a-$, выступающего во всех падежах, кроме именительного и „неоформленного“ падежей (!) основ на $-i$, $-e$ (основы на $-i$ во множественном числе не засвидетельствованы), и собственного окончания эргативного падежа $-s(e)$. Факты частичного перехода $*e$, $*o$ в урарт. a дают нам право предположить в этом „показателе“ множественного числа отражение $*-o-$, $*-e-$, $*-a-$; иначе говоря, урартское окончание эргат. п. мн. ч. $-as(e)$, по всей вероятности, соответствует и.-е. $*-o-s$ при основах на $*-o-$ (или $*-e-s$, если эти основы сохранили высшую ступень огласовки тематического гласного), $*-a-s$ при основах на $*-a$ и $*-es$ при основах на согласные и сонанты. В распространении $-a$ на все основы важную роль, по-видимому, сыграла и аналогия.

§ 45. Вопрос об „именительном“ (пассивном) падеже намного сложнее. Можно различать две разновидности этого падежа: „именительный неоформленный“ (абсолютный), представляющий собою чистую основу имени, и „именительный оформленный“, характеризующийся в ед. ч. показателем $-ni$. Обе разновидности во мн. ч. получают окончание

ii. Но так как слово само по себе может оканчиваться на -pi (т. е. иметь суффикс -pi), практически не всегда возможно выяснить характер этого -pi. Г. А. Меликишвили считает указанные разновидности „именительного“ падежа отдельными падежами и приводит их под названиями „неоформленного“ и „именигельного“ падежей¹⁰⁰. Однако тот факт, что они выполняют одинаковую падежную функцию и во мн. ч. получают одну и ту же характеристику мн. ч. [отличную от характеристики эргативного(!)], дает нам основание объединить их под одним названием. И. И. Мещанинов видит в них только различие в определенности и неопределенности¹⁰¹. В этом отношении мы можем сравнить урартский язык с армянским, где именительный и винительный падежи могут употребляться как с постпозитивным определенным артиклем -p, так и без него: ordi „сын“ (неопределенно) и ordi-p „(тот) сын“ (определенно). Однако между обоими языками существует также различие. В то время как в армянском языке в косвенных падежах определенный артикль -p ставится только после окончаний, в урартском языке -pi встречается также перед падежными окончаниями, в том числе и перед окончанием эргативного. Это приводит нас к мысли, что различие между двумя разновидностями „именительного“ падежа имеет очень архаичную основу и предшествовало возникновению эргативной конструкции. Можно предположить, что противопоставление „неоформленного и „оформленного“ падежей отражает то раннеиндоевропейское состояние, которое характеризовалось противопоставлением двух падежей (двухпадежной системой): прямым падежом, лишенным окончания, и косвенным, характеризующимся окончанием -p(i). С возникновением эргативной конструкции это различие перестало иметь значение, и новые падежные окончания прибавились к обеим падежным формам, причем древние „неоформленный“ и „оформленный“ падежи переосмыслились как „именительный“ (пассивный) и во мн. ч. получили дополнительное окончание. При этом старое противопоставление могло ча-

¹⁰⁰ Ук. соч., стр. 53—55.

¹⁰¹ И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 117—120 и 123—124.

стично использоваться для различения определенности и неопределенности (если этой функции оно вообще не выполняло). В некоторых же случаях, в условиях нечеткого противопоставления тематических и атематических основ, основы на -*ni* могли существовать, не выполняя особых функций.

В известных и.-е. языках, где эргативная конструкция не сохранилась и где противопоставление тематических и атематических основ имеет принципиальное значение, судьба архаичной двухпадежной системы была различной: в таких архаичных языках, как хеттский и тохарские, формы „неоформленного“ падежа в древних существительных одушевленного рода стали основой для именительного с окончанием -*s* или без него (это окончание отпало в тохарском в конечном положении), формы же „оформленного“ падежа стали основами косвенных падежей; ср. хетт. *ḫarāš* „орел“, род. п. *ḫaranaš*; *meṣiāš* „слово“, вин. п. *meṣiān*, дат.-местн. п. *meṣiāni*, отлож. *meṣiānaz* и тох. *kāšši* „учитель“, косв. п. *kāššim*, аллатив *kāššinac* (тох. А.), *kāššinsc* (тох. В.), комитатив *kāššinassal* (тох. А.), *kāššimpa* (тох. В.)¹⁰²; в других индоевропейских языках окончание -*m* и его разновидности -*n* сохранились как показатели винительного падежа вообще, а также именительного падежа существительных среднего (бывшего неодушевленного) рода. Как было показано в § 24, в некоторых урартских словах мы как будто находим положение, сходное с хеттско-тохарским. Однако не исключено, что здесь мы имеем дело с выпадением -*n* в конечной позиции.

Таким образом, урартская морфема -*ni* (мы исключаем случаи возможного смешения с суффиксом -*ni*) выполняет три функции, выступая как: а) определенный артикль (ср. *ušiabi* Мепуани), б) основообразующий элемент, причем в некоторых случаях имеем полную параллель хеттскому и тохарским, в которых основа именительного

¹⁰² Ср. В. В. Иванов, Тохарские языки и их значение для сравнительно-исторического изучения и.-е. языков, сб. „Тохарские языки“, М., 1959, стр. 24—25. Ср. также др.-инд. *aṣṭi-* в им. и *aṣṭi-p-* в остальных падежах.

падежа без -п противопоставляется основе косвенных падежей на -п (ср. *šue* „озеро“, *šuiṇi* „озера“, *šuiṇini* „из озера“ и т. д.), 3) окончание „винительного“ падежа (по Г. Капанцяну — падежа „определенного объекта“) [ср. *kaṅini* ^{KUR}*Buštuni* „(он) победил страну Бушту“]. Именно в последней функции -п можно сравнить с окончанием винительного падежа индоевропейских языков на -п (ср. хетт. -п, греч. -ν и др., причем в некоторых других языках ему соответствует -п). Отсутствие этого окончания при основах на -е (особенно при *-še*, соответствующем основам на -s- других языков) можно сравнить с нулевым окончанием винительного падежа в хеттском (ср. им.-вин. *periš* „небо“, а также гр. им.-вин. ср. р. *γένος*, лат. им.-вин. ср. р. *genus* „род“ и т. д.). И.-е. окончание имен среднего рода на *-п, соответствует, по-видимому, урартскому -п во всех трех функциях. Не исключено при этом, что конечное -а некоторых урартских существительных собирательного значения соответствует и.-е. *-ā.

При явном восхождении окончаний эргативного и „именительного“ („винительного“) падежей к местоименным основам, можно предположить для окончания „именительного“ падежа мн. ч. восхождение к местоименной основе *-lo- (форма им. п. мн. ч. *-loṭ?*)¹⁰³. Менее вероятно возведение к суффиксальному элементу *-lo-, распространяющему слово, от которого он образует производное (ср. гр. *παχύλος* „толстоватый“ от *παχύς* „толстый“; для подобного перехода ср. армянский, где суффикс *-го-, приобретший функцию обозначения собирательности в современных диалектах и литературном языке, стал показателем множественного числа).

§ 46. Окончание родительного падежа ед. ч. -i, которое иногда графически передается через -e (обозначение редукции?), мы сравниваем с латинско-кельтским окончанием родительного падежа *-ī тематических основ на *-o-; как и при урартских основах на -i, в основном соответ-

¹⁰³ Это тем более вероятно, если иметь в виду сравнение данного окончания с хурр. -ṣa „их“, употребляющимся и самостоятельно.

ствующим тематическим основам других языков, в латинском и кельтских языках это окончание присоединяется без тематического гласного; ср. *Haldis* (*Halde*)—(бога) Халди и лат. *vir-i* „человека“, др.-ирл. огамич. *maq-i* „сына“ и др. Данное окончание распространилось и на основы на -а и -ц, с сохранением гласных основы, как частично и в латинском; ср. урарт. *Tušrai*, *Tušrae*—(города) Тушпы и лат. *rosae* „розы“ (причем имеются и более древние формы родительного падежа: -аі, -аі̄, исторически: -ае < -аі < -аі̄). Урартское окончание родительного падежа -е основ на -е (ср. *Hate*— страны Хате), по-видимому, восходит к окончанию атематических основ на *-es (имеет и формы *-os, *-s), с выпадением -s, как в славянском (ср. ст.-сл. *небесе* „неба“).

§ 47. Окончание дательного падежа ед. ч. -е, которое графически передается через -е, -і, -іе, -еі, восходит к и.-е. окончанию дательного падежа *-eі, чередующемуся с *-i. При тематических основах это окончание обычно сливается с тематическим гласным и дает *-oі̄ из *-o-eі. Однако в хеттском языке окончание дательного падежа -і присоединяется к основе без тематического гласного. Урартское окончание дат. п. -е для тематических основ на -і в этом отношении аналогично хеттскому, хотя, как показывает форма дат. п. энклитического местоимения -me (< *me и *moi?), оно могло восходить и к *-oі̄. При основах на -е (согласные основы) окончание -е из *-eі вполне аналогично окончанию соответствующих основ и.-е. языков [ср. *alsuše* „величию“ и хетт. дат.-мест. *periši* „небу“, гр. *γέυει* (< *γευει* < **γευεσι*), лат. *geneti* „роду“ (др.-лат. -eі), др.-инд. -е из -аі и др.]. Таким же образом форма дат. п. -е основ на -и вполне аналогично дат. п. основ на -и- и.-е. языков [ср. *Šebitue*—(богу) Шебиту и др.-инд. *s'is've* „ребенку“, лат. *fructui* „фрукту“ (-и из -uei) и др., причем в и.-е. языках окончание дат. п. может присоединяться и к основе с полной ступенью огласовки: др.-инд. *sūpāve*=ст.-сл. *сынови* и др.]. При основах на -а окончание -е выпадает, как в лат. диал. -а из аі. Совпадение дательного и местного падежей

в хеттском дает основание для пересмотра взаимоотношения форм этих двух падежей. Не исключено, что в урартском именно стремление избежать их совпадения и привело к появлению новой формы местного падежа на -а (ср. аналогичные формы в хеттском), если, конечно, здесь мы не имеем дело с более древним явлением. В некоторых наречиях места и времени оканчивающихся на -е, -еі, мы усматриваем именно древнюю форму местного падежа; ср. *išti(ni)* „там“ (лат. *istī* „там“ из **istei*), *auie-* „где“, *auiei* „где-нибудь“, *aše* „когда“, *a(i)šeі* „когда-нибудь“, *mei a(i)sei* „никогда“, *absiei* „прежде(?)“. Известно также, что в предлоге **peri*, к которому восходит урарт. *paḡi(e)*, -і является не чем иным, как окончанием мест. падежа. Не исключено, что в таких выражениях, как *šusini šali* „за один год“, в котором Г. А. Меликишвили усматривает форму дат. падежа, мы имеем дело с архаичным окончанием местного падежа.

§ 48. Во множественном числе, как частично и в единственном, формы родительного и дательного падежей совпали. Формы дат. п. мн. ч. на -(a)ie сравнимы с такими и.-е. формами дат. п. с элементом **-bh-*, как др.-инд. *vīkebhyaḥ* „волкам“ (для тематических основ), *sēnabhyaḥ* „войскам“ (для основ на -a), *dātībhyaḥ* „подателям“, лат. *operibus* „делам“ (для основ на согласные и сонанты) и др. Характер и.-е. гласного, следующего за **-bh-*, неясен. Для основ на согласные и сонанты индоевропейский язык имел перед окончанием нулевую ступень огласовки, однако мы не можем судить об аналогичном явлении в урартском, так как формы дат. п. мн. ч. основ на -е и -и не засвидетельствованы. Индоевропейскому окончанию род. п. мн. ч. **-om* или **-op* должно было бы соответствовать в урартском -и, с обычным для урартского выпадением конечного носового. Однако появление[?] дополнительного гласного -е и общее оформление род. п. мн. ч. является результатом влияния дательного, приведшего, как и в армянском, к их совпадению. Ср. также алб. род.-дат. п. мн. ч. на -ve?

§ 49. Собственное окончание отложительного падежа -pi, прибавляемое к гласным основы ед. ч. -i- и мн. ч.

-а-, является урартским новообразованием. При этом надо учесть, во-первых, что оно выполняет также функцию творительного (инструментального) падежа, как лат. аблатив (ср. хеттский, где аблатив выполняет также функцию творительного, несмотря на наличие этого падежа); во-вторых, оно является общим для ед. и мн. чисел, как и хеттские окончания отложительного и творительного падежей. По нашему мнению, урарт. -пи, собственно говоря, является не такого рода окончанием, как рассмотренные до сих пор, а определенным артиклем, восходящим к местоименной основе *по-, дополнительно выполняющим функцию различения этого падежа от дательного и родительного. Примером подобного слияния постпозитивного артикля с падежным окончанием может служить армянский, где западноармянское окончание отложительного падежа восходит к др.-арм. окончанию отложительного падежа -ē + определенный артикль -п, а восточноармянское окончание дательного падежа -i-п находится в процессе превращения в одно окончание, противопоставленное окончанию родительного; определенный артикль стал здесь единственным различителем этих двух падежей: родительный никогда не употребляется с определенным артиклем, в то время как дательный обычно употребляется с ним (кроме случаев сочетания слов с неопределенным местоимением *մի* „один, какой-то“). Необходимость в таком же различии между отложительным, и родительным и дательным падежами в урартском языке появилась вследствие того, что фонетические изменения в конце слов привели к опасности смешения указанных падежей. Так, при тематических основах индоевропейский язык имел для отложительного падежа *-ēd, *-ōd (ср. хетт. -et, др.-инд. вед. -at, лаг. -ō, др.-лат. -ōd и т. д.), для творительного *-ē и, по-видимому, *-o. При этом предполагают, что элемент *-i отложительного падежа является остатком какого-то послелога, указывающего на исходную точку (ср. лат. *dē* „от, из“)¹⁰⁴. Выпадение взрывного -d в кон-

¹⁰⁴ Ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 329.

це слова и характер отражения и.-е. *ē, *ō в конце слова в урартском должны были бы привести к появлению -i, может быть и -e, который в положении перед артиклем и окончаниями также переходит в -i- (ср. склонение основ на -e: *ṣue—ṣuni, bauše—baušini, baušinili*). При атематических основах на согласные и сонанты индоевропейский отложительный падеж по форме совпадал с родительным, а творительный оканчивался на *-e; изменение этих падежей в урартском привело бы к аналогичным результатам. То же самое можно сказать и для основ на -a. После осознания -pi как показателя отложительного падежа, он мог распространяться и на множественное число, где гласный -a- уже выполнял функцию показателя множественности. Однако более вероятно и вполне допустимо в -pi усмотреть отражение какого-то индоевропейского послелога со значением „из, от“. Именно такое значение мы находим в гот. -pa и др.-в.-нем. -pa (ср. гот. *afta-pa* „сзади“ при *afta* „позади“, др.-в.-нем. *oba-pa* „сверху“ при *oba* „вверху“) из и.-е. *pē, относящегося к местоименному корню, к которому восходит и урартский определенный артикль. В этом нас убеждает и тот факт, что -pi может присоединяться к форме т. н. местного падежа, показывая движение с места, обозначаемого этой формой; ср. *inikani esini* „с этого места“ (однако возможно, что здесь мы имеем дело с формой не местного падежа, а женского рода данного местоимения). Ср. также гр. *οὐρανὸν* „с неба“ при *οὐρανός* „в небе“ и *ὑπερθε* „наверху“. Для выяснения вопроса происхождения отложительного падежа интересно отметить, что в некоторых сочетаниях только определение получает окончание отлож. п., а определяемое слово выступает без него; ср. *masinie* ^{αι} *surie* 231 „со своим оружием (?)“¹⁰⁵.

§ 50. Окончание местного падежа -a, присоединяющееся к основе и единственного и множественного чисел [причем при основах на -i/e гласный основы сохраняется, а при основах на -a оно сливается с этим гласным (точнее: форма местного

¹⁰⁵ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 80—81. Если, конечно, здесь мы не имеем дательного падежа („своему оружию“).

совпадает с формой именительного)], можно сравнить с хеттским окончанием местного падежа -а, которое выступает как таковое наряду с окончанием дательного-местного -і (чередование, основанное на первоначальном -ai?)¹⁰⁶, но только для выражения значения местного падежа. При этом интересно отметить, что в основах на -і гласный основы сохраняется. Ср. хетт. *gimra* „в поле“, *hulukanniia* „в носилках“ при *gimri*, *hulukanni* для дательного-местного.

§ 51. Окончание направительного падежа (аллатива) -i/e-di можно сравнить с авест. -da „*vaēsmīn-da* „домой“), гр. -δε (*οἶκα-δε* „домой“, *Ὀλυμπίων-δε* „на Олимп“ и др.; присоединяется к форме вин. п.), причем аналогичная форма аллатива на -ze имеет большее распространение в крито-микенском греческом диалекте¹⁰⁷, т. е. в более древний период развития греческого языка. Авестийско-греческие морфемы восходят к и.-е. местоименной основе *de-, *do-, к которой относится и русск. *до*. По-видимому, урартский сохранил эту же основу в словах: *edia* „там; к, в направлении (страны X)“, *edi(i/e)* „оттуда; из, от, из-за, ради“, которые являются такими же образованиями, как *ini*, **isi*, но выступают в формах местного и отложительного падежей. Возможно, однако, усмотреть здесь местоименную основу *to-, *te „тот, та“, озвонченную, как в армянском, вследствие энклитического употребления или вследствие интервскального положения. В этом случае *edi* окажется общего происхождения с *ištine* „к, для“, *iština* „там“, *ištini* „оттуда“, к которым, по-видимому, примыкает окончание направительного падежа мн. ч. -(a)-šte, употребляемое наряду с обычным окончанием. При таком объяснении возможно установить между -e/idi и *edia* такое же отношение, как между -(a)ste и *ište*. Однако относительно -ašte можно

¹⁰⁶ И. Фридрих, Краткая грамматика хетт. языка, М., 1952, стр. 46. О трудностях объяснения происхождения хетт. окончания мест. п. -а см. Н. Kronasser, Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen, Heidelberg, 1956, стр. 101.

¹⁰⁷ Ср. С. Я. Лурье, Язык и культура Микенской Греции, М.—Л., 1957, стр. 145. Ср. также в линейном письме Б *Dadarejo-de* „Дедалиону“ (аллатив). См. статью Э. Перуцци в ВЯ, 1960, № 3, стр. 26—27.

сделать и другое предположение. В греческом языке указанное $\delta\epsilon$ присоединяется и к форме вин. п. мн. ч.; ср. $\delta\acute{o}\rho\alpha\zeta\epsilon$ из $\delta\acute{o}\rho\alpha\zeta\text{-}\delta\epsilon$ „за двери“, $\Lambda\theta\eta\nu\alpha\zeta\epsilon$ из $\Lambda\theta\eta\nu\alpha\zeta\text{-}\delta\epsilon$ „из Афин“. Так, если эргативная конструкция в урартском является нововведением, и винительный падеж, как и в индоевропейских языках, первоначально оканчивался во мн. ч. на $*\text{-}\ddot{u}s$, то -aš-te отражает окончание вин. п. мн. ч. на $\text{-aš}+\text{-de}$, с ассимилятивным оглушением d в t .

Менее вероятно (хотя в фонетическом отношении более оправдано) сравнение с такими греческими формами, как $\acute{o}\nu\alpha\nu\acute{o}\delta\epsilon\nu$ „с неба“¹⁰⁸.

§ 52. Характерная для и.-е. местоименного склонения супплетивность имеет место в склонении урартских личных местоимений. Ср. ieše „я“ ($\langle *eg' \text{-} +\acute{e} \rangle$) и -me „мне, меня“ ($\langle *me \rangle$). В остальных случаях, насколько можно судить по имеющимся данным, склонение местоимений сходно с именным. Характерно также наличие энклитических форм для некоторых местоимений: -me „меня, мне“, -pi „его, ему“.

§ 53. В морфологическом строе урартского глагола самые архаичные черты переплетены со значительным количеством инноваций.

К сожалению, представленный в надписях лингвистический материал недостаточен для выявления некоторых

¹⁰⁸ Некоторые исследователи сравнивают хурр. оконч. напр. п. -da (следовательно и урарт. -e/idi) с лик. -di , лув. -ti , иер.-хетт. -ta (окончания отложит. п.) и хетт. -it (-et —оконч. INSTR. п., иногда выполняющее также функцию отлож. п.). При этом часть исследователей считают источником лик.-лув.-иер.-хетт. окончаний отлож. п. хурритский язык, что по праву отвергается другими, ищущими объяснение на древнеанатолийской-индоевропейской почве. Так, Э. Ларош возводит лувийское окончание -edi (-adi) к древнеанатолийскому -ed , считая, что -d сохранился благодаря прибавлению гласного -i (?). См. E. Laroche, *Comparaison du louvite et du lycien*, „Bulletin de la Société linguistique de Paris“, 1960, I, стр. 170. Х. Кронассер, сравнивает эти окончания с гр.-л. в $\acute{o}\nu\alpha$ „где“, $\acute{o}\nu\alpha\text{-}\delta\iota$ „дома“ и др. См. H. Kronasser, *Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen*, Heidelberg, 1956, стр. 103. Если учесть различие в значении хурро-урартских и древнеанатолийских окончаний и возможность разложения самого и.-е. оконч. отлож. п. $*\text{-ed}/*\text{-od}$. к которому возводят древнеанатолийское -ed (et), на $*\text{-e}/\text{-o} + *d(e)$ (ср. § 49), то данная нами этимология окажется наиболее вероятной.

важных сторон глагольного строя. Достаточно сказать, что формы настоящего времени почти не засвидетельствованы (если не считать формы *ale/i* „говорит“). Мы не имеем представления также об окончаниях 2-го лица.

Единственная сохранившаяся форма 3-го лица ед. ч. настоящего времени не дает возможности судить об особенностях оформления основ настоящего времени. Эту форму *ale/i* „говорит“ можно сравнить либо с гр. *φέρει* „несет“, явно не восходящим к форме с окончанием *-ti*, либо с лит. *vėza* „везет“, др.-ирл. *(do-)beig* (из **-beret*), предполагающим конечное *-t*¹⁰⁹, которое в урартском языке по законам конца слова должно было выпасть.

Лучше сохранились формы прошедшего времени. Эти формы основ, как показывает анализ, соответствуют частично формам аориста (ср. *ašgibi* „я захватил“ и гр. *ἔσχον* „я удержал, взял, схватил, захватил, овладел“), частично перфекта (ср. характер некоторых окончаний перфекта), частично же имперфекта (ср. наличие основообразующих элементов настоящего времени).

§ 54. Урартский язык строго проводит противопоставление переходных глаголов непереходным. Исключение составляют глагол *шапи-* „быть, существовать“ и некоторые переходные глаголы с основой на *-a-*. Как увидим ниже, характерной особенностью урартского глагола является сохранение специальных форм медиопассива на *-(u)gi*, имеющих значение безличных форм.

§ 55. Урартский язык имеет, по-видимому (насколько можно судить на основании имеющихся данных), три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательно-желательное. О способах их выражения речь будет ниже.

§ 56. В урартском языке можно выявить следующие формы глагольных основ:

1) Тематические основы настоящего времени на *-e* (в письме обозначается как *-ie*, причем и здесь наличие характерное для урартского языка колебание в обозначении конечных гласных *-e* и *-i*: встречаются и формы на *-i*; ср. *alie*, *ali* „говорит“) соответствуют тематическим основам на

¹⁰⁹ Ср. А. Мейе, Введение..., стр. 242.

*-e/o- индоевропейских языков. Отсутствие форм других лиц лишает нас возможности судить об отражении и.-е. чередования тематического гласного, характерного, например, для греческого и упраздненного в некоторых других языках. Этот тематический гласный -e сохранился и в таких формах повелительного наклонения 2-го лица ед. ч., как *tue* (в письме *tupe*, как при *ale* „говорит“), *tugi* „уничтожь!"; ср. др.-инд. *āja*, гр. *ἄγε*, лат. *age* „веди!“. Осознанный как показатель повелительного наклонения, этот гласный в урартском мог появляться и при других формах основ; ср. *uī* „иди!“ при *uīadi* „я пошел“.

2) Основы переходных глаголов на -a (ср. *šiadī* „я пошел“, *paḥadi* „я пришел, я взошел“ и др.) соответствует индоевропейским основам на *-a-*, обозначающим обычно длительность, соединенную с выражением состояния. В балтийских и италийских языках они дают тип образования прошедшего времени (ср. лат. имп. *popēbam* „я увещевал“, лит. *liko* „он оставил“ и др.). В латинском языке имеются формы перфекта на -a, в армянском — аориста; ср. *ke-a-m* (<*g^hīa-) „живу“, *e-ke-a-s* „он прожил“. Для латинского суффикса -a исследователи констатируют „выражение отношения субъекта к действию, близкого к значению меди“¹¹⁰. Такое определение вполне подходит и к урартскому. В отдельных случаях мы имеем дело не с суффиксальным, а с корневым элементом. Сюда относятся глаголы *ašta-* „направляться(?)“, *usta-* „выступать (в поход), направляться, отправляться“, восходящие к *sta- „стоять“.

В некоторых случаях встречаются и основы на -a-переходного (длительного!)¹¹¹ значения [ср. *ḥaḥaršabi* „я разрушал“, *ašulabi* „я покидал(?)“ и др.], как в и.-е. языках [ср. лаг. *emā-re* „покупать“, русск. *писа-ть* и др.]. Вообще урартские основы на -a- вполне сходны с армянскими, которые, хотя обычно выступают как медиопассивные формы,

¹¹⁰ И. М. Тронский, Историческая грамматика латинского языка, М., 1960, стр. 216.

¹¹¹ Ср. Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 71: „Здесь, возможно, формы несовершенного вида прошедшего времени“.

но могут встречаться и при переходных глаголах (ср. ita-pam „узнаю“, itasaу „я узнал“).

3) Основы непереходных глаголов на -ia-, -i- [ср. bidiađi „я повернулся“ при biduni „он повернул“, kuđaiadi „я дошел (до)“, hutiađi „я взмолился“, išt'edi „я выступил, я отправился“, kuluaršibi „он убежал“ и др.], соответствуют атематическим образованиям настоящего времени и.-е. языков на *-ie/o-: *-i-(*-ī-), обозначающим состояние. Употребление этих основ для прошедшего времени в урартском языке объясняется смешением форм имперфекта с формами аориста и перфекта. К сожалению, у нас нет данных о формах настоящего времени. В балтийско-славянских и армянском языках мы имеем основы на *-ī- (ср. ст.-сл. бѣди-ть из *bŭ-di-tŭ, арм. berim „меня несут“ при berem „я несу“ и др.), в древне-индийском—основы на *-ie/o- (ср. budh-ya-tē „бодрствует“, ru-ya-ti „воняет“ и др.). Тот факт, что урартский язык сохранил обе формы данного суффикса, в то время как остальные языки сохранили либо одну, либо другую, говорит о его арханчности.

4) Основы переходных глаголов на -u- (ср. agubi „я провел; я увел“, ragubi „я увел“, agubi „я дал“ и др.) соответствуют атематическим основам на -u- индоевропейских языков [ср. лат. volvo (<*uel-u-) „качу“, гр. (F)ελ-ύ-ω „качу“ (при ср. з. (F)ελύομαι „качусь“, арм. gelum „кручу“ и др.)]. Индоевропейские глаголы на *-u- обычно переходного значения (ср. особенно арм. глаголы на -u-), причем в латинском языке данный формант, по-видимому, выступает и в формах перфекта [ср. fū-vī „я был“, хотя обычно -v- выпадает; ср. plū(v)it „пошел дождь“]. В армянском он выступает лишь в формах, образованных от основ настоящего времени, в том числе в имперфекте. Урартский язык дает возможность установить полную параллель между урарт. прош. в agubi, лат. перф. fūvī, metū (<-uvī) и арм. имперф. gelui в 1-м лице ед. ч. В урартском языке только глагол tapu- „быть, существовать“, относящийся к основам на -u-, имеет непереходное значение. Возможно, что в некоторых случаях -u- отражает *-ō-; ср. *dhō->du-, *pto->iptu- и др. Данный индоевропейский формант в со-

единении с носовым инфиксом *-ne-/*-n- образует суффикс *-neu-/*-ni-, об отражении которого см. ниже. В урартском языке формант -и- расширил свои функции и распространился также на другие основы для выражения переходного значения.

5) Основы переходных глаголов на -ни- (ср. *ki/eda-ni-* „посылать, отправлять“, *iḥhāni-* „жаловать“) соответствуют индоевропейским основам на *-ni- (ср. хетт. *apni-* „приносить“, арм. *apit* „брат“ и др.). В хеттском языке этот суффикс очень распространен как образователь каузативных глаголов от других глаголов, что, по-видимому, имеет место и в урартском; ср. хетт. *apni-* „приносить“ при *ag-* „прибывать, достигать“, *ṣapni-* „зажигать“ при *ṣag-* „гореть“ и др. Данный суффикс образован от носового инфикса *-ne-/*-n- + *-и-, что очень хорошо видно и в урартском. Вполне возможно, что от глаголов на -ни- в урартском языке в дальнейшем могли образоваться вторичные непереходные глаголы с помощью -ia-, как мы это наблюдаем в глаголе *apniia-* „приходить на помощь“ при *agi-* „давать, даровать, преподносить“. При наличии фактов образования посредством суффикса -še- имен действия и от других суффиксальных образований можно предположить, что *apniše* „деяние, подвиг, создание“ образовано от глагола **apni-* „делать, создавать“¹¹².

Кроме вышеуказанных основ, следует указать на некоторые первичные (согласные и т. д.) основы, которые выступают в сочетании с вышеуказанными основообразующими гласными.

6) Основы на -d- [-*di-* переходных и -*da-* непереходных глаголов; ср. *ardu* „давать“ при *agi-* „давать, даровать, преподносить“, *terdu-* „класть, ставить, поставить“ при *teru-* „класть, поставить, установить, устроить (сады, виноградни-

¹¹² Кейпер (F. V. J. Kuiper, *Die indogermanischen Nasalpräsentia*, Amsterdam, 1937) предполагает, что так называемый носовой „инфикс“ на самом деле является расширенным суффиксом, причем в атематических глаголах VII класса (по индийским грамматикам) он выделяет формативы -ek-, -ek', -ek'', -eg', -et-, -es- и т. д., что подтверждается данными урартского языка. См. ниже.

ки, посе́вы)“, *erida-* “явля́ться(?)”, *приходи́ть(?)*, *идти(?)*“ от **er-ei-* (**er-* “приходи́ть в дви́жение; возбужда́ть; подни́мать (ся)“) | соответствую́т основа́м на **-dhe/o-* индоевропе́йских язы́ков (ср. гр. $\pi\lambda\eta\tau\omega$ “я́ полон“ при $\epsilon\text{-}\pi\lambda\eta\tau\omega$ “он напо́лнил“, гот. *walda*==русск. *владе́ть* и др.). Э́тот суффикс о́бразовыва́л, как показыва́ет, на́пример, гре́ческий, настоя́щее вре́мя соверше́нного ви́да. Да́вно уже высказыва́лось предполо́жение, что он восходи́т к глаго́лу **dhē-* “ста́вить, положи́ть“, что вполне́ подтвер́ждается да́нными урартского́ языка́ (ср. *di-* “сдела́ть, заста́вить сдела́ть“). При сме́шении имперфе́кта с перфе́ктом и аористом по́нятно употребле́ние э́тих основ и в прошедше́м вре́мени, что наблюда́ется и в други́х язы́ках. В урартском язы́ке основа́ на *-d(u)-* образова́ны части́чно и от и́менных основ и наре́чий (ср. *atqana-di* “соверша́ть жертвоприноше́ние“ от *atqana* “жертва́, жертвоприноше́ние“ и др.).

7) Основа́ на *-š-* [*-šū-* пере́ходных и *-šī-*, *šia-* непере́ходных глаго́лов; ср. *harhar-š-u-* “разруша́ть“, *ar-š-u-* “овладева́ть“ при *agi-* “дава́ть, дарова́ть, преподно́сить“ из **ag-* “уделя́ть; (мед.) присваива́ть“, *hu-s-u-* “броса́ть, выбрасыва́ть“ от **keu-* “броса́ть, кида́ть, стреля́ть, травя́ть“, *ku-š-u-* “воздвига́ть, строи́ть“ при *kuu-* “воздвига́ть“ или от **keu-* “устраива́ть, исполня́ть, соверша́ть“, *hašia-* “прислуша́ться и *hašu-* “слыша́ть, слуша́ть“ от **keu-* “обра́щать внима́ние, смотре́ть; слыша́ть, чувству́вать, замеча́ть“ (ср. гот. *hausjan* “слыша́ть“), мо́жет бы́ть и *kulu-ar-š-i-* “бежа́ть, сбежа́ть“) | соответствую́т индоевропе́йским основа́м на **-s-*, приче́м в некото́рых архаиче́сных язы́ках (тоха́рские, дре́внееана́толийские, ве́дийский) **-s-* е́ще мо́жно выде́лить как суффикс; в тоха́рских и дре́внееана́толийских язы́ках суффикс *-s-* явля́ется паралле́льным суффиксу *-sk-* и вытесня́ется э́тим последне́м. В некото́рых случа́ях и в э́тих язы́ках *-s-* невозмо́жно выде́лить без сравне́ния с родстве́нными язы́ками. Так называ́емый сигматиче́ский аорист разви́вается на базе э́того суффикса¹¹³. Ср. также́ глаго́льные основа́ на **-s-* в

¹¹³ Ср. и такие паралле́ли, как лат. *messui* вм. *messi* “ско́сил“, *pechi* вм. *pechi* “связа́л“ и урарт. *hasubi* “услы́шал“, *harharsubi* “разруши́л“, в кото́рых (вторично) к э́тим основа́м прибавля́ются обы́чные оконча́ния.

греческом, латинском, в которых обнаруживается связь -s- с именным суффиксом *-(e)s-; ср. гр. τέλος „завершение, конец“, τελέ(σ)ω (τε-τελεσ-ται) „завершать, кончать“. Ср. также гр. ῥέψω „мять“ при ῥέψω „мять“, τρέ-(σ)-ω „дрожать“ при τρέ-μ-ω „дрожать“, лат. vīso, -ēre „рассматривать“ из *weid-sō и др.

8) Основы на -q-, -h- [ср. sut/duqu- „отторгнуть, вырывать, отрывать, удалять, устранять“ от *skeu-t- „резать, отрезать, отделять“, tam-h-u- „удалять“ от *tem- „резать, отрезать“, paḥa- „приходить, восходить (на царский трон)“ и paḥu- „приносить, уносить, уводить“ от *pei- „вести“¹¹⁴] соответствуют и.-е. основам на *-k-, среди которых в первую очередь можно выделить атематические основы перфекта (ср. гр. ἔθηκω „я положил“, лат. fēci „я сделал“, фриг. ἀδδὰκιστ „он сделал“), атематические основы настоящего времени (ср. гр. ὀλέκω „грубить“ при ὀλλομαι¹¹⁵). Возможно, что *-k- здесь является лишь распространением и что существует связь между этими глагольными основами и именными основами на *-k- (ср. лат. уменьшительные глаголы: albico „становиться белым“ и т. д.).

9) Основы на -št- [sidiš(ī)tu- „построить, соорудить“ при šidu- „строить, воздвигать“, uluštia- „идти во главе(?) предшествовать(?)“ при ulu- „вести(?) водить(?)“ и ula- „идти“ šul(u)šiu- „пасть ниц“, может быть и amaštu- „сжечь“] не имеют точных соответствий в индоевропейских языках. Можно предположить, что данный суффикс либо имеет одинаковое происхождение с именным суффиксом *-s-i-, либо восходит к глаголу *st(a)- (ср. урарт. ašta-, aštu-, išti-, ušta-, uštu-), как -du- — с глаголом du-. Доказательством в пользу первого предположения может служить наличие таких параллелей как урарт. šid- и sidiš- и ав. had- и hadiš- [возможно даже, что -t- в данном конкретном случае восходит не к -t-, а d (с ассимиляцией: šidištu- < *šidiš-du-), хотя в других случаях можно предположить -t-]. В пользу второго предположения говорит наличие вполне параллельных форм данного суффикса и указанного глагола в урартском. От -št- надо от-

¹¹⁴ Если урарт. ḥ в последних двух случаях не отражает *-ə-.

¹¹⁵ Очень распространены тематические основы наст. времени на заднеязычные в тохарском.

личить -t- в глаголе aišti „прыгать“ от *eis- (*ois-?) „буйно, быстро двигать(ся)“.

10) С тем же основанием -ar- в глаголах tubardu- „вручать“ от *dō-и-, žerūiagu „портить“ и, может быть, kulu-ar-š-i „бежать, сбежать“ можно считать суффиксированным корнем *ar- (урарт. ar-u-), как и в армянском (ср. арм. me-saget „возвеличивать“ от mes „большой, великий“). Однако ср. также лат. -rō в con-sid-ero „осматривать“.

11) В основах на -ul- [-uļu- переходных и -ula- непеходных глаголов; ср. terulu при teru- „ставить“, suidulu- при suidu- „отбрасывать“, badgulu- „окружать(?)“, qabqarulu „овладевать(?), завладевать(?)“, ašula- „оставлять(?), покидать(?), отталкивать(?), преследовать(?)“, qudula- „?“], по своему значению ничем не отличающихся от основ, не имеющих этого суффикса, -ul-, по-видимому, одинакового происхождения с именным суффиксом -l-, как и в латинских уменьшительных глагольных основах на -lo/-illo (ср. conscribillo „исписать“ при conscribō „записывать“, ambulo „ходить, прохаживаться, прогуливаться“ при ambio „обходить“ и др.).

12) Основы с обыкновенным удвоением (ср. zadu „я сделал“ при du- „сделать, заставить сделать“, причем не удвоенная основа, несмотря на частое употребление, не встречается в форме прошедшего времени, кроме одного случая, восстановление которого вызывает сомнение) соответствуют индоевропейским основам с обыкновенным (грамматическим) удвоением, имеющим перфективное значение [ср. для урартской основы такие параллели, как галл. dede „поставил“, лат. (con-,ab-,cre-)didi, лит. de-dù, др.-в.-нем. teta, др.-сакс. deda „я сделал“]. По-видимому, мы имеем дело с грамматическим (перфективным) удвоением в глаголе pupa- „прийти, приходиться“ при paḥa- „приходить, восходить (на царский трон)“, paḥu- „приносить, уносить, уводить“ [ср. хетт. paḥpa- (nepḥpa-) „гнать; идти, ходить“ при paī-, pe- „направлять (ся); вести“].

13) Основы с усилительным удвоением (ср. ḥarḥaršu- „разрушать“) соответствуют основам с таким же удвоением

индоевропейских языков (ср. др.-инд. *vārvartī* „вертит“, гр. *γάρυαισ* „кишет“, арм. *hototim* „нюхать“).

14) -и- в глагоде *silua-* „быть расположенным (милосливо, хорошо к кому-либо)“ является распространением (детерминативом). Распространение основ имеет место и в других случаях.

§ 57. Перейдем к сравнительно-историческому разбору глагольных окончаний. Об окончании 3-го лица настоящего времени мы имели случай говорить выше. Здесь займемся другими окончаниями.

§ 58. Окончание 1-го лица ед. ч. прошедшего времени переходных глаголов -bi можно сравнить с лат. -и в 1-м лице ед. ч. перфекта. Однако происхождение элемента -и- в латинском языке еще не имеет удовлетворительного разъяснения¹¹⁶. Одни исследователи сравнивают его с характеристикой прошедшего времени и перфекта -и-, выступающей в 1-м и 3-м л. ед. ч. др.-инд. глагола (ср. *dadau* <*de-dou „я, он дал“), в 1-м л. ед. ч. хеттского претерита (-и-н), в 1-м лице ед. ч. тохарского претерита (ср. *prakwa* „я спросил“), в 3-м лице ед. ч. армянского аориста (ср. *keḡav* „он съел“), а также в литовском претерите и готском оптативе. Другие исследователи считают его „переходным“ звуком, извлеченным из формы бытийного глагола *fū-v-ī* <*bhu(ū)ai или являющимся простой эпентезой. Предпочтительнее первое объяснение, свидетельствующее о древности данного элемента¹¹⁷. Собственное окончание 1-го л. ед. ч. -i можно сравнить либо с лат. -ī, восходящим через -ei к *-ai медиопассива, либо с индоиранским -ī, выступающим как вторичное окончание 1-го лица ед. ч. медиальных глаголов (ср. др.-инд. *āktī* „я сделал“, гат. *aoḷī* „я сказал“) и, по-видимому, предполагающим и.-е. *i¹¹⁸. Тот факт, что некоторые окончания урартских переходных глаголов соответствуют и.-е. окончаниям среднего залога, не является чем-

¹¹⁶ И. И. Тронский, Историческая грамматика латинского языка, М., 1960, стр. 262–263.

¹¹⁷ Ср. также алб. аорист на -va? Вряд ли можно допустить контаминацию с такими формами на -ti, как *dhib-ti при урарт. *dubi*.

¹¹⁸ А. Мейе, Введение..., стр. 247.

то необычным. Как показывают и вышеприведенные примеры из индоиранских языков, формы медиопассива могли выражать также переходное значение. Указанное латинское окончание перфекта, как было сказано, также восходит к медиопассивному окончанию. „В греческом и индоиранских языках,— пишет П. Шантрэн,— представлен полный ряд окончаний действительного и среднего залогов, но возможно, что мы сталкиваемся здесь со случаем особого развития этих языков: некоторые факты позволяют думать, что это различие не всегда бывало четко выражено. В самом греческом языке некоторые пережитки дают, например, основание считать, что окончания среднего залога во вторичных (прошедших) временах и что для одного и того же глагола окончания среднего залога во вторичных временах могли соответствовать окончаниям действительного залога в настоящем времени: имперфект от $\phi\eta\mu$ у Гомера чаще всего $\phi\acute{\alpha}\tau\omicron$, а не $\acute{\epsilon}\phi\eta$, причем с этой формой не связан какой-либо особый смысловой оттенок“¹¹⁹. Тот же автор указывает, что, несмотря на восхождение окончаний действительного и среднего залогов к индоевропейскому языку, „мы не можем точно установить, в чем заключался смысл этого различия в древние времена“¹²⁰.

§ 59. Окончание 3-го л. мн. ч. переходных глаголов $-(i)tu$ (причем $-i-$ выпадает после $-t-$; ср. $atitu$ „они съели“, $haitu$ „они завоевали“, $partu$ „они угнали“, $agtu$ „они дали“ и др.), соответствует индоевропейскому окончанию 3-го л. мн. ч. для прошедшего времени $*-ente$, встречающемуся и в формах $*-onto$, $*-nte/o$ (ср. др.-инд. $abhara-nta$ „они несли“ = гр. $\acute{\epsilon}\rho\acute{\alpha}\rho\omicron\nu\tau\omicron$, др.-инд. вед. $\acute{a}s-ata$ „они сидели“ — гр. гом. $\acute{\epsilon}\acute{\iota}-ato$ и др.)¹²¹.

§ 60. В окончании 1-го л. ед. ч. непереходных глаголов $-di$ [ср. $ustadi$ „я выступил (в поход)“, $huti:adi$ „я взмолился“, $išt'/edi$ „я выступил, отправился“ и др.] можно вы-

¹¹⁹ П. Шантрэн, Историческая морфология греческого языка, М., 1953, стр. 243.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Я. Сафаревич считает $*-to$ и $*-p-to$ окончаниями „дефективного среднего залога“. Ср. „Общее и индоевропейское языкознание“, М. 1956, стр. 157.

делить характеристику -d- и собственное окончание 1-го л. ед. ч. -i. Последнее тождественно окончанию -i 1-го л. ед. ч. переходных глаголов, рассмотренному выше. Характеристику же -d- можно сравнить с хетт. -t- в прошедшем времени, предположив озвончение глухого в интервокальном положении (влияние ударения?). Хетт. -t исследователи сравнивают с гр. -τ- в вышеприведенной форме 3-го л. ед. ч. *φάτο* и ст.-слав. -т- в *бысть* „ты был; он был“¹²². Мы присовокунили бы сюда и арм. -у- в имперфекте, предположив полную параллель между урарт. -a-di в 1-м л. ед. ч. прошедшего времени для основ на -a- и арм. -a-yi также в 1-м л. ед. ч. имперфекта для основ на -a- [урарт. *ušadi* „я выступил (в поход)“ и арм. *gpaui* „я шел“], как и при основах на -u- между урарт. *agibi* „я провел“ и арм. *arnui* „я брал“¹²³. Р. Ачарян возводит арм. -у- к и.-е. *-to- и сравнивает с -d- германских слабых глаголов и -d- н.-перс. простого прошедшего времени¹²⁴, что не лишено интереса и для объяснения урартского -d- (ср. также урарт. инфинитив на -^e/id^e/i).

§ 61. Окончание 3-го л. ед. ч. непереходных глаголов -bⁱ/e [ср. *ušabⁱ/e* „он выступил (в поход)“, [i]dirasiabi „он боялся“ и др.] можно сравнить с арм. окончанием 3-го л. ед. ч. аориста -v (*gtav* „он нашелся“ при *e-git* „он нашел“, *ipašav* „он узнал“ и др.), причем, во-первых, в армянском языке в этом случае также имеется предшествующий гласный -a- и, во-вторых, арм. -v развился из старого *-u- с каким-то последующим гласным звуком, который наличествует в урартском. Арм. -v, как известно, возводят к характеристике *-u- (*u), рассмотренной выше. Будучи характеристикой перфекта и прошедшего времени действительного залога, оно через непереходные глаголы с основой на -a- распространилось на формы медиопассива как в армянском, так

¹²² А. Мейе, Введение..., стр. 245.

¹²³ При изложении последовательных событий арм. формы имперфекта могут обозначать законченное действие: *gpaui* „я пошел“ и т. д.

¹²⁴ Р. Ачарян, Имперфект в древнеармянском и некоторых индоевропейских языках. „Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР“, IV, 1952, стр. 85—90.

и в урартском. Поэтому в армянском языке, наряду с единичными случаями использования данного окончания для активного залога, оно выступает как нормальное окончание медиопассива (ср. *keḡav* „он съел“, *imaṣav* „он узнал“ при *ḡtav* „он нашелся, его нашли“, *berav* „его принесли“ и др.). Это тем более возможно для урартского, где имеется специальная форма медиопассива на -*ḡ*.

§ 62. Глагольная форма медиопассива -*ḡ* является одной из самых характерных „индоевропейских“ черт урартского глагола. Урартоведы считают ее формой 3-го л. ед. ч. прошедшего времени среднего или страдательного залога¹²⁵. Она употребляется в сочетании с отрицанием *šī* „не“. Хотя встречаются и случаи употребления без отрицания, но их действительное отношение к данной форме неясно. Фактически эта форма, образуемая как от переходных, так и от непереходных глаголов, имеет безличное значение. Ср. *šī ḡieḡ ištini šidauni* „Там ничего не было построено“. Индоевропейские формы с окончанием на -*ḡ* давно привлекают внимание исследователей, и о них существует значительная литература¹²⁶. Тот факт, что они сохранились только в языках периферии, говорит об архаичности этих форм¹²⁷. Это положение в данном случае подтверждается фактами урартского языка. Окончание на -*ḡ* засвидетельствовано в индоиранских, италийских, кельтских, тохарских, хеттском, лувийском, фригийском и, по-видимому, армянском языках. Ср. др.-инд. *s'e'-ge*, авест. *sōi-ge* „лежат“ (3-е л. мн. ч. среднего залога) и др.-инд. *asūḡ*, авест. *anharə* „они были“, др.-инд. *vidūḡ* „они узнали“ (ср. лат. *vidēre* „они видели“—3-е

¹²⁵ J. Friedrich. Einführung ins Urartäische. 1933, стр. 8; A. Goetze, „Revue hittite et asianique“, 21, стр. 266—269; Г. А. Мелликишвили, ук. соч., стр. 71—72.

¹²⁶ Ср. A. Meillet, Sur les desinences verbales de l'indoeuropéen, BSL, XXIV; J. Vendryes. Sur les formes verbales en -r du tokharien et de italo-celtique, „Rev. celt.“, XXXIV, 1913; E. F. Claflin, The Indoeuropean Middle Ending -r, „Language“, 14, 1938, стр. 1—9; J. Wils, Der oorsprong van het verbale r-passif; in de indogermansche talen, Amsterdam, 1940 и др.

¹²⁷ А. Мейе, Введение..., стр. 248.

л. мн. ч. активного перфекта), умбр. *ferag* понесут“ (сослаг.), *ier* „идут“, лат. *vehitur* „везется“, т. е. „идет“ (в латинском -г- присоединяется к формам, уже имеющим окончание, при страдательном залоге и при отложительных глаголах), корн. *um gylwug* „меня называют“, брет. *pen gueleg* „меня не увидят“, др.-ирл. *berig* „его несут“ (при позднейшей форме 3-го л. мн. ч. *berlir* „их несут“), тох. *B kaltr* „останавливается“. *wepage* „они сказали“, хетт. *ešarī* „сидит, садится“, *huniktarī* „повреждается, его повреждают“, лув. *wa-as-sa-ap-ta-ri* „они одеваются“, *a-a-ya-ri* „делается“, фриг. *ābāhetor* „прибавляется“, арм. *berēg* „он приносил“ (<**bheretor*, ср. фриг. *abberetor*)¹²⁸. Вполне возможно, что наиболее древнее значение этой формы сохранилось именно в урартском. Интересно отметить, что в хеттском и лувийском -г после себя имеет гласный -i, что можно предположить и для армянского. Исследователи относят к и.-е. эпохе именно употребление -г в 3-м л., остальные случаи считая новообразованиями¹²⁹. Урартский в этом отношении сохранил древнее состояние. Явная связь между этим окончанием на -ri и именными образованиями на -ri в урартском подтверждает мнение исследователей о связи этих форм, т. е. о вовлечении первичных именных форм в систему глагола¹³⁰, что наблюдается и при глагольных основах на -ag-, -š-, -šī-, -q-, -ḥ-, -uī-.

§ 63. Окончание 1-го л. мн. ч. переходных глаголов -še- (ср. *šidistuse* „мы построили“) восходит к окончанию мн. ч. *(e)s. Здесь мы имеем дело с распространением общего показателя мн. ч. на глагол. Такой процесс наблюдается и в некоторых и.-е. языках. Ср. арм. *ekak^c* „мы пришли“ и *gayak^c* „мы приходили“, где -k^c восходит к *-s; ср. также сходство окончаний 2-го л. мн. ч. в армянском и латинском (лат. -tis и арм. -uk^c в настоящем, арм. -yik^c и лат. -tis в имперфекте и т. д.). Что урартское окончание -še действительно восходит к окончанию мн. ч., видно из того, что мы имеем полную параллель, с одной стороны, между

¹²⁸ Н. Kronasser, *Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen*, Heidelberg, 1956.

¹²⁹ Ср. В. В. Иванов, „Тохарские языки“, М., 1959, стр. 31.

¹³⁰ Там же, стр. 32.

ним и окончанием эргативного падежа мн. ч. и, с другой стороны, между окончаниями 3-го л. мн. ч. непереходных глаголов (-li) и именительного падежа мн. ч.

§ 64. Что касается окончаний 3-го л. ед. ч. переходных глаголов -pi и 3-го л. мн. ч. непереходных глаголов -li, то первое из них восходит к местоименному корню, вначале являющемуся показателем объекта, затем ставшему заменителем личного окончания (ср. тапи „он был“, без -pi, наряду с тапиш). а второе имеет одинаковое с окончанием именительного падежа мн. ч. происхождение. Правильность данного предположения подтверждается еще и тем, что при получении 3-им л. других местоименных показателей -pi выпадает, между тем как это не происходит при действительном окончании 3-го л. мн. ч. переходных глаголов. С этим явлением нельзя смешивать замену окончания 1-го л. ед. ч. переходных глаголов при наличии объекта в множественном числе как результат аттракции: глагол и его объект получают одинаковые окончания.

§ 65. Окончание -l'e (по Г. А. Меликишвили) или -lue (по И. И. Мещанинову; в графике -li, -li-e), которое по Г. А. Меликишвили характеризует 3-е л. ед. ч. будущего или сослагательного-будущего¹³¹, а по И. И. Мещанинову является показателем пермансива и при том „показателем времени (аспекта), а не лица и не числа“¹³², — можно сравнить с тох. -lue, -(l)le (герундий со значением долженствования, т. е. указывающим на действие, которое должно осуществиться) = арм. -li, которые восходят к и.-е. *-ljo- [*-l(o)-+*-jo-]¹³³. Вообще имена на *-lo-, общие у тохарских, древнеанатолийских (хеттского, лувийского, ликийских и лидийского), армянского, славянских языков, будучи вначале именными образованиями, в дальнейшем в указанных языках были вовлечены в систему глагола¹³⁴. Можно предположить наличие этих форм на *-lo- и в дру-

¹³¹ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 71.

¹³² И. И. Мещанинов, ук. соч., стр. 142.

¹³³ Э. Бенвенист, Тохарский и индоевропейский, „Тохарские языки“, М., 1959, стр. 97.

¹³⁴ В. В. Иванов, „Тохарские языки“, М., 1959, стр. 23.

гих формах урартского глагола, хотя нельзя говорить об этом с полной уверенностью. Сюда относятся показатели 3-го л. ед. и мн. ч. страдательного залога повелительного наклонения *-ulini* и *-uali* [при *-(in)ini* и *-(u)tin/eni* действительного залога], 3-го л. ед. ч. и мн. ч. сослагательно-будущего наклонения (оптатива) *-ilani* и *-ilatini* и страдательного залога того же наклонения *-iali*, 3-го л. мн. ч. прошедшего времени сослагательного наклонения *-alani*, а также формы на *-ialani* и *-u-ilini*, значение которых не совсем ясно. Вероятно можно отнести сюда же вышерассмотренные глагольные основы на *-ul-*. Все это говорит о значительном распространении форм на **-lo-* в системе урартского глагола. В частности, можно сказать, что многие формы на *-li*, в которых урартоведы усматривают окончание 3-го л. мн. ч. или показатель множественности объектов, в действительности являются причастными формами: они встречаются наряду с личными формами глагола и вообще в условиях, характерных для употребления причастных форм. Ср., например, ^DHaldini *uštabi* masinle ^{GiS}šupie kaḡuali IV LUGAL^{MES} 155D₄₅₋₄₈, которое в переводе Г. А. Меликишвили звучит следующим образом: „Бог Халди *выступил* (в поход) со своим оружием (?), *победил* он четырех царей“ (точнее: „...выступил... победив...“?)¹³⁵.

§ 66. Мы уже имели случай говорить о так называемом окончании 2-го л. ед. ч. повелительного наклонения. Было высказано также предположение о происхождении форм на *-l-* 3-го л. ед. и мн. ч. страдательного залога повелительного наклонения из основ на **-lo-*, хотя вероятнее отнести эти формы к местоименному корню **-l-*.

§ 67. Среди остальных окончаний повелительного наклонения имеет явно общее с индоевропейским происхождение окончание 3-го л. мн. ч. запретительной формы **-e/itu*, в графике сходное с 3-м л. мн. ч. прошедшего времени изъявительного наклонения. Его можно сравнить с окончанием

¹³⁵ Возможно, однако, что эти причастия уже вовлекаются в систему личных форм глагола. Ср. историю прошедшего времени русского глагола, восходящего к формам на **-lo-*.

3-го л. мн. ч. повелительного наклонения хеттского и индоиранских языков на *-(e)ntu (ср. хетт. kupa^{ntu} „пусть бьют“ и др. инд. hanantu). Таким образом, это окончание повелительного наклонения нельзя полностью отождествить с соответствующим окончанием изъявительного наклонения: в первом случае -и отражает *-и, во втором случае *-о.

§ 68. Исследователи давно высказывают предположение о восхождении и.-е. окончаний 2-го л. ед. ч. атематических глаголов *-dhi и 2-го и 3-го лиц *-to- к частице *-dhi и отложительному падежу указательного местоимения *-to-¹³⁶. Это дает нам право искать в остальных окончаниях повелительного наклонения урартского языка те или иные местоименные корни и частицы. Что в формах страдательного залога на -l- мы действительно имеем отражение древнего указательного местоименного корня или, может быть, суффикса *-lo-, видно по совпадению окончания 3-го л. мн. ч. -ali с окончаниями именительного падежа мн. ч. и 3-го л. мн. ч. прошедшего времени изъявительного наклонения. Надо искать местоименные корни и частицы и в окончаниях 3-го л. ед. и мн. ч. -(in)ini и -(u)tineni, а также 3-го л. ед. ч. запретительной формы -diani. В последнем случае, однако, можно предположить, что -di- восходит к частице *-dhi, не имевшей первоначально какого-либо отношения к 2-му л. и ставшей в урартском показателем повелительного наклонения 3-го л., в остальных языках—2-го. Ср. в этом отношении армянские формы, которые, кроме этого показателя, имеют еще и личные окончания (heřir „лей!“, heřik^c „лейте!“).

§ 69. В урартском языке встречаются и формы неопределенного наклонения (инфинитива) и причастий. Инфинитив имеет показатель -i/edⁱ/e [idi, ide, ede; ср. meřini ri 'aldubi meře ¹ D Sardure arede „Пощадил я (его) под условием (выплаты) дани, чтобы *давать* дань {царю) Сардури“}. Как известно, в индоевропейских языках нет общей формы инфинитива: разные языки для образования инфинитива использовали разные суффиксы и частицы. Среди них особо мож-

¹³⁶ А. Мейе, Введение..., стр. 249.

но выделить суффиксы с элементом *-t- (*-tei-/ti-, *-teu -tu-, образовавшие отглагольные имена, и *-to-/do-, образовавший отглагольные прилагательные), использованные в индо-иранских, баттийско-славянских, германских, итальянских и других языках для образования инфинитива и причастий. Урартский показатель инфинитива восходит к форме дат. п. суффикса *-to-/do-, как и в славянских языках, причем в славянских языках также наблюдаются перед -t- гласные элементы¹³⁷. Менее вероятно сравнение с индо-иранскими инфинитивными формами на -dhyai, отношение которых к греческим инфинитивам среднего залога на -ουαι не ясно. Г. А. Меликишвили считает инфинитивные формы формами направительного падежа отглагольных имен на -i¹³⁸.

§ 70. О причастных формах на -ие мы имели случай говорить, сравнивая их с соответствующими формами греческого и латинского языков¹³⁹. Следует, однако, сказать, что эти формы нельзя переводить формами страдательных причастий: они выражают долженствование, т. е. показывают действие, которое должно совершиться (urrie „который должен быть пожертвованным“, sedue „который должен вытекать“). Менее вероятно возведение урарт. -ие к и.-е. *-ues- (*-uet-), образующему причастия действительного залога перфекта, но очень заманчиво в слове didgušī „стадо“ усмотреть форму женского рода этого причастия *de-dk-usī от *dek-; ср. др.-инд. -ú-ṣ-ī, лит. -usi, ст.-сл. -ъш-и).

§ 71. Суффикс причастий прошедшего времени -ai/ae [ср. tera'ie „поставленный“, durbae „восставший(?)“, ardae „преподнесенный(?)“] можно сравнить с греч. -αι, выступающем в конце инфинитивов типа -μεναι, -εναι. Э. Бенвенист, отвергая мнения о его восхождении к окончанию дат. п. и о его связи с вед. -е в davāpe, сопоставляемом с греч. ὄφειναι, считает его частицей, выступающей и в вед. инфинитивах.

¹³⁷ Ср. А. Мейе, *Общеславянский язык*, М., 1951, стр. 194—198.

¹³⁸ Г. А. Меликишвили, *ук. соч.*, стр. 75—76.

¹³⁹ Ср. и F. Specht, *Zur Bildung der adjektivischen -u-Stämme*, *Zeitschr. für vergl. Sprachforsch.*, 65, 1938, стр. 193—207.

нитиве на -tavai, литовских местоимениях на -a и арм. анафорических sa, da, па из *so-ai, *do-ai, *no-ai¹⁴⁰. Эта частица, по его мнению, имела увещательное значение. Однако ср. также хетт. суффикс -ai, образующий имена действия.

¹⁴⁰ Э. Бенвенист, *Индоевропейское именное словообразование*, М., 1955, стр. 160—162.

СИНТАКСИС

§ 72. Синтаксический строй урартского языка выявляет значительное количество архаичных черт.

В урартском языке, как и вообще в индоевропейских языках, намечается глубокое различие между именными и глагольными формами, выражающееся в первую очередь в различии именных и глагольных предложений. Как в древних индоевропейских языках, также и в урартском в именных предложениях отсутствует связка во всех тех случаях, где ее наличие излишне, т. е. в настоящем времени. Ср. урарт. Ḫaldini kuruni , $\text{Ḫaldini GIS̄suri kuruni}$ (217-в) „Халди могуч, оружие бога Халди могуче“, 'Menuai pili lini (44з) „Канал (царя) Менуа—имя (его)“ и др.-перс. $\text{manā pita Vištaspā}$ „мой отец —Виштаспа“, лат. haec admirabilia „это удивительно“ и др.¹⁴¹. Но в прошедшем времени, когда необходимо указать на время, она налицо. Ср. урарт. $\text{manu Ḫšruini kuruni}$ 'Menua kuruni (2112-13, 2213-14) „Был Ишпуини могуч, Менуа—могуч“ и др.-перс. $\text{tuaiy raguvam xšāyađiya āha}$ „эти были царями прежде“.

§ 73. Другая важная особенность урартского языка—это глубокое различие между переходными и непереходными глаголами, находящее выражение в эргативной конструкции предложения. Как было показано выше, эта конструкция, по предположению исследователей, характеризовала индоевропейское предложение в древние времена. Наличие в урартском этой конструкции блестяще подтверждает дан-

¹⁴¹ Здесь и дальше и.-е. примеры по А. Мейе. Введение..., стр. 360 и сл.

ное предположение, основанное на изучении особенностей выражения именительного и винительного падежей в индоевропейских языках. Однако следует сказать, что это различие не всегда проводится четко и что в этой системе уже имеются трещины. Сюда относятся, во-первых, оформление бытийного глагола как переходного и, во-вторых, наличие ряда глаголов с основообразующим элементом -а-, характеризующим обычно непереходные глаголы, которые имеют транзитивное значение: -а- здесь является приметой, равнозначной имперфекту глагольной формы, обозначающей длительность (незаконченность) действия.

§ 74. В урартском языке нет управления в собственном смысле этого слова: падежное оформление слова определяется только его функцией в предложении. Как предполагают исследователи, именно такое состояние характеризовало индоевропейское предложение. „Каждое слово,— пишет А. Мейе,— имеет ту форму, какой требует смысл, а не форму, зависящую от другого слова в предложении; в индоевропейском не было „управления“ одного слова другим, как, например, в латинском; самостоятельность слова есть основной принцип, определяющий структуру индоевропейского предложения“¹⁴².

§ 75. В отличие от управления, согласование является необходимым приемом связи членов урартского предложения, что характерно для индоевропейского вообще. Согласование между подлежащим и сказуемым обусловлено, во-первых, необходимостью такого согласования и, во-вторых, наличием общих категорий между согласуемыми членами. При местоименном подлежащем имеет место согласование в лице и в числе, при именном—согласование только в числе, так как у имени и глагола имеется только эта общая категория. Такое положение вещей наблюдается и в древних индоевропейских языках. Ср. *ieše šidištubi* (280₆) „я построил“, *ini É.BAR 'Rusaše 'Argištiḫiniše sidištuni* (280₁₋₂) „этот храм Руса, сын Аргишти, построил“, *artume DINGIR^{MES}-se pišuse UD^{MES} zasili* (264₃₀₋₃₁) „Дали мне боги долги“

¹⁴² А. Мейе. Введение..., стр. 362—363.

дни радости". При выражении подлежащего несколькими существительными, сказуемое стоит во множественном числе. Ср. ¹Išpūinini ^{1D}Sardureḫe ¹Menua ¹Išpūinihe atqanaditu ^DḤaldie piḫbe (19₂₆₋₂₃) "... Ишпуини, сын Сардури, (и) Менуа, сын Ишпуини, пожертвовали богу Халди скот(?)". Однако, когда это не мешает пониманию, сказуемое может согласоваться в числе не с подлежащим, а с прямым дополнением. Ср. ^šiḫištuli inili É. GALMES (266₁₅) "(я) построил эти крепости" (если мы не имеем здесь дело с причастным образованием)¹⁴³. Подобное согласование является особенностью урартского языка. Когда речь идет о нескольких вещах или явлениях, сказуемое обычно, как при единственном субъекте, стоит в единственном числе. Ср. ^Dšūini ¹Menua ¹Išpūiniēḫine ¹Inušpua ¹Menuahinie ulguše, piḫuše, alsuiše (95₄₋₇) „да будет со стороны бога Шивини Менуа, сыну Ишпуини, (и) Инушпуа, сыну Менуа, жизнь, радость, величие" [ср. гр. ἀντὲ τῆ πτόλεμος τῆ (F)αστὸ τὸδ'ἀμφι-ῶεδηε „крик и война разгорелась вокруг этого города"]. Как во многих древних и.-е. языках (древнеиндийском, древнегреческом, латинском и т. д.), также и в урартском употребление местоимения 1-го лица необязательно: оно ставится лишь в тех случаях, когда надо выделить подлежащее, т. е. когда на него падает логическое ударение.

§ 76. В урартском языке имеют место такие характерные для индоевропейских языков явления, как употребление слов в собирательном значении (ср. ¹aše „мужчина; мужчины“, ^{SAL}lutu „женщина; женщины“, ^{GUD}raḫini „бык; крупный рогатый скот“) и наличие формы множественного числа при значении единичности [pluralia tantum; ср., например, название стран, городов и т. д. ^{KUR}Bāinili, ¹Menuahinili, ¹Argištiḫinili, ¹Rusahinili и др., имена вещей, рассмотренных как совокупность частей: ^{še}(i)štili „ворота“, ^{tar}(a)-^{maḫ}^{a/e}, ^{ili} -- название какого-то сооружения и т. д.]. При этом наблюдаются параллели между урартским и другими языками; ср. урарт. ^{tar}(a)-^{maḫ}^{a/e}, ^{ili} и гр. τέρεμνα, τέραμνα „кров, жилище“ (только во множественном), урарт. ^{še}(i)štili и ст.-

¹⁴³ Ср. § 65.

сл. *врата*, лит. *vartai*, урарт. ^{KUR}Віаіііі „страна Бианна (Бианнилы), урарты“ и арм. *Ռայկ* „Армения, армяне“ и др.

§ 77. Прилагательные в функции определения согласуются с определяемыми словами в числе и падеже. В индоевропейских языках согласование происходит и по роду, однако в урартском языке дело, по-видимому, обстоит несколько иначе. Во-первых, наличие эргативной конструкции, с резким противопоставлением лиц (и вообще одушевленных предметов) не-лицам (неодушевленным предметам), как активное начало неактивному (пассивному), делает второстепенным такое различие, так как и мужчины, и женщины могут выступать в активном падеже. Во-вторых, как было уже сказано, среди имен лиц различие между оформлением мужских и женских имен имело больше словообразовательное, чем морфологическое значение. В-третьих, не исключено, что в некоторых формах прилагательных и местоимений на *-i* мы имеем дело с приметой женского рода, а не местного падежа или множественности, как предполагают исследователи урартского языка (ср. § 24).

Однако бывают случаи, когда 1) имеет место согласование в числе, но не в падеже, т. е. падежное окончание получает только определяемое слово, но не определение (ср. *šusine išlīpti* (265₃) „одним походом“, ^{ŠADU}*babania kugine* (266₁₂₋₁₃) „в могучих горах“ и т. д.)¹⁴⁴; здесь следует иметь в виду следующее: во-первых, это явление характерно для так называемых агглютинативных падежей, при которых падежные окончания еще не полностью превратились в настоящие, и, во-вторых, при этом возможно, что определения стоят в древних формах соответствующих падежей (в вышеприведенных примерах *šusine* может отражать древнюю форму творительного (и.-е. *-ē), *kugine*—древнюю форму местного падежа (и.-е. *-ei); 2) имеет место согласование в падеже, но не в числе (ср. ^D*Ḫaldinaue KÁ-iei* (38₁) „халдовских ворот“, ^{KUR}*lulunani KUR-nini* (278₄) „из вражеской страны“ и т. д.)¹⁴⁵. Следует сказать, что данный

¹⁴⁴ Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 80—81.

¹⁴⁵ См. Т. В. Гамкрелидзе, К вопросу о склонении имен в урартском языке, „Труды Ин-та языкознания АН ГрузССР“, серия языков Передней Азии, I, 1954, стр. 116—117.

тип согласования не является чем-то обособленным. Так, в древнеармянском языке определение может и не согласоваться в падеже, иногда и в числе со своим определением; при этом интересно отметить, что указательные местоимения *soin*, *doin*, *poip* „этот самый, тот самый“ при определяемом слове в отложительном падеже имеют форму дательного падежа (ср. *ի քաղաքէ* „из того самого города“).

§ 78. В урартском языке имеет место явление, характерное для тохарского¹⁴⁶ и славянских языков (а также для лувийского и ликийского): употребление формы прилагательного на *-ni* вместо родительного падежа принадлежности (*genetivus possessivus*), причем это бывает в тех случаях, когда определяемое слово не имеет артикля или окончания с элементом *-n-*; ср. урарт. *Ḫaldinili še(i)štīli* (74₃) „ворота бога Халди, Халдовы ворота“, *Ḫenuainiei* ^{SAI}*silaie* (111_{1,4}) „дочери (царя) Менуа“ и тох. В *paṇe poysi* *ṃṃ e* „блеск Будды“, *Dharmasomā* *ṃṃ e* *Udanalankarne* „в Уданаланкаре Дхармасомы, дхармасовской Уданаланкаре“. При этом надо отметить генетическую связь между урартским и тохарским поссессивными суффиксами.

§ 79. В урартском языке, как и в других древних индоевропейских языках, порядок слов более или менее свободный, хотя здесь также существует привычный порядок слов, и налицо тенденция установить определенный порядок. В этом отношении характерно отражение противопоставления конструкций с переходным и непереходным глаголами в порядке слов. При переходных глаголах подлежащее обычно предшествует сказуемому (ср. *Ḫenuaše inī pīli agupī* (43₁₋₃) „Менуа, сын Ишпуини, этот канал провел“, при непереходных — наоборот (ср. *uštabi* *Ḫenuani* *Ḫšpuineḫī* (30₅₋₆) „выступил (в поход) Менуа, сын Ишпуини“). Однако имеются случаи и обратного расположения (*Ḫaldini uštabi* (128A2₁) „Бог Халди выступил (в поход)“]. Это говорит в пользу того, что в данном случае, как и в других, мы имеем дело

¹⁴⁶ В. Краузе, Тохарский язык, „Тохарские языки“, М., 1959, стр. 60—61.

с индоевропейским обычаем ставить на первом месте главное слово; этот обычай, может быть, частично видоизменен в урартском языке в связи с противопоставлением двух конструкций, но отнюдь не превращен в настоящее правило (ср., например, употребление у Гомера сказуемого, выраженного непереходным глаголом, на первом месте для подчеркивания прихода Афины, говорящей: ἤλθον ἐγὼ παύσασα τὸ σὸν μένος (A 207) „пришла я укротить твой гнев“).

В урартском языке определение обычно ставится перед определяемым словом, особенно, когда определение выражено указательным местоимением или существительным в родительном падеже [ср. *inili* ^{KUR}*ebanili* „эти страны“, ¹*Menai pili* „канал (царя) Менуа“, ^D*Haldinili še(i)štili* „ворота бога Халди. Халдовы ворота“ и т. д.]. Часты и случаи обратного расположения слов, особенно если определение выражено прилагательным [ср. *LUGAL al(a)suine* „царь великий“, *LUGAL* ^{KUR}*šugane* „царь вселенной“ и т. д.]. В последнем случае мы, по-видимому, имеем дело с экспрессивным оборотом. Как известно, индоевропейский язык характеризовался тем, что определяющее слово обычно стояло перед определяемым (ср. гр. ἀγαθὸς ἀνὴρ „хороший человек“, др.-инд. *devānam dīk* „страна богов“ и т. д.), а изменение этого порядка означало, что надо обратить внимание на определение; так лат. *homines tres* скорее значит „люди числом три“, чем „три человека“¹⁴⁷; ср. также употребление числительного *šusine* „один“ в урартском перед определяемым словом и после него.

§ 80. В урартском, как и в индо-иранских, греческом и армянском языках существует, кроме отрицания *ue/i*, также запретительное отрицание *me(i)*. Последнее употребляется с сослагательным будущим, как и в древнеиндийском, где оно выступает с сослагательным или с так называемым инъюнктивом¹⁴⁸.

§ 81. В урартском языке распространено употребление местоименных энклитик, сливающихся с глаголом. Такое

¹⁴⁷ А. Мейе. Введение... стр. 370.

¹⁴⁸ А. Мейе. Введение... стр. 374.

же положение существует в тохарских и кельтских языках, а также в некоторых литовских говорах (например, в жемайтском). В хеттском энклитическое употребление местоимения имеет место в тех случаях, когда глагол выносится на первое место.

§ 82. В урартском языке можно вскрыть также несколько других архаичных черт: наличие местоименных частиц, употребление наречий в качестве послелогов, слабая дифференцированность родительного и т. д.¹⁴⁹.

§ 83. В урартском языке очень распространено бессоюзное соединение предложений, находящихся в сочинительной связи: предложения ставятся рядом без каких-либо сочинительных союзов [ср. ¹Rusaše ¹Dsardurihiniše all LUGAL ^{KUR}Uelikuhi karubi ERUM aštubi KUR-nedini tamhubi ^{LUEN}NAM edia terubi (265₁₋₄) „Руса, сын Сардури, говорит: царя страны Великухи я победил (и) поработил, из (его) страны я (его) увел (и) там правителя области поставил“]. Именно такое положение вещей предполагают компаративисты для индоевропейского языка (ср. лат. veni, vidi, vici „пришел, увидел, победил“). Хотя имеется слово e'a (eia, eai) „и, также, а также“, но его употребление ограничивается подчеркиванием соседнего слова.

§ 84. Чужая речь вводится без особых союзов, как и прямая. Относительное местоимение в урартском языке развилось из неопределенного, в свою очередь восходящего к местоименному корню. В индоевропейских языках известны оба случая: относительное местоимение может восходить как к указательному, так и к определенному местоимению. In „когда“ (=ассир. ki) имеет одинаковое происхождение с индо-иранским и греческим относительным местоимением. Как известно, из всех видов придаточных предложений только относительное можно возвести к индоевропейской эпохе. Такое же положение вещей мы имеем в урартском.

¹⁴⁹ Ср. соответствующие черты тохарских, характеризованные В. В. Ивановым в сб. „Тохарские языки“, М., 1959, стр. 33—37.

ЛЕКСИКА

§ 85. Наличие материала дает лишь одностороннее представление о лексике урартского языка. В надписях речь идет главным образом о военных походах, строительных работах и культовых мероприятиях. Кроме того, идеографическая передача многих слов и понятий, достаточная с точки зрения историка для понимания текста, является для языковеда лишь препятствием при желании выявить словарный состав урартского языка. Вот почему некоторые категории слов представлены очень слабо или вообще не представлены. Сюда относятся названия родства, частей тела, животных и растений, цветов, имена числительные и т. д. Так, например, мы знаем общие урартские названия животных и названия домашних животных, но не имеем никакого представления о названиях диких животных, не знаем многих важнейших названий деревьев и растений, очень мало знаем о названиях частей тела и т. п. А все это очень важно для сравнительно-исторической характеристики урартского языка.

Рассмотрим урартские слова, имеющие параллели в индоевропейских языках, по отдельным категориям¹⁵⁰.

1. Имена существительные

§ 86. а) Общие имена лиц и названия родства

агтuзи „семья(?)“ <*ог-то- (*er-to-?); ср. арм. агт „корень“, агтаf „корень, племя, поколение“, z-агт „племя, поколение“.

¹⁵⁰ Значение урартских слов дается главным образом по вышеуказанной книге Г. А. Меликишвили. Цифры после приведенных примеров указывают на расположение надписей у Меликишвили. Явные производные формы даются под основными.

arše „дитя, отрок, молодой человек, юноша“ < *r̥sen; ср. ав., др.-перс. aršān „мужчина, муж, самец“, гр. ἀρσῆν „мужской, мужественный“, арм. ар̄п „дикий баран“.

āše „мужчина“ < *uesen от *ues- „влажный“, причем корень выступает и в обозначениях самцов; ср. др.-инд. ústra „буйвол, верблюд“, ustar, uṣta „бык, вол“, ав. uštro „верблюд“, Zaraḫustro (личное имя, Заратустра); для развития значения ср. arše < *rsen (от *rs- „течь“).

hīni „сын“ < *k'ēno-; ср. др.-инд. kaṇīna „юный“, ka-nyā „девушка, девочка“, др.-ирл. cenél „род“, ср.-ирл. сапо, сапа „волчонок“, ст.-сл. сѣдо, русск. чадо „дитя, ребенок“ (если ст.-сл. слово не заимствовано из др.-в.-нем. kind).

^{SAL}iutu(ni) „женщина“ < *leudh-; ср. ниж.-нем. lūd, lūt „женщина, баба, девушка“.

paḡa(ni), paḡi „народ“ (в значении родственников?) < *peḡ-; ср. др.-инд. pāḡ- „человек, мужчина“, pāḡi „женщина“ гр. ἀνῆρ „муж, мужчина“, ἀνδρῶπις „человек“, арм. ай, род. арп „муж, мужчина“, корн. perth „мужественность, войско“.

^{SAL}mathi „мать“ (??- Г. Д.)¹⁵¹ < *matēr „мать“.

sila(-ae, -aie) „дочь“ < *sē-la; ср. кимр. hil „семья, потомство“, гот. frasts [*pro-s(a)-tis] „ребенок“¹⁵².

taršua(ni) „человек“ (taršua-tuhi „мужество“) < *r̥su-a от *ters- „сухой“); ср. лат. terra „земля“ и terrestis „земной, живущий на земле“, terrēnus „земляной, земной, смертный“; для развития значения ср. лат. humus „земля“ и homo „человек“, humanus „человеческий, человеческий“.

uedia(ni) „женщина“ < *uedia; ср. др.-инд. vadhū-ḥ „невеста, молодая женщина“, ав. vadu „молодая жена, женщина, невеста“, русск. невеста.

¹⁵¹ Если SAL является детерминативом („женщина“), что не исключается исследователями, то нельзя найти для mathi более подходящего значения. Тогда формула ^{SAL}mathi KURx значит „мать-страна x, метрополия x“ (ср. арм. maḡ erkiḡ).

¹⁵² Однако не исключается происхождение этого слова из возвр. местоимения *s(u)e, откуда алб. vajë (*varīa) „девушка“, лит. svainė „сестра жены“ и др. образования для обозначения родственников.

zil(i)bi/e „семя, потомство“ <*del-b-o-; ср. пракр. dala, -ī „ветвь“, др.-англ. telga „ветвь“, telgor, telgra „ветвь, отпрыск“. алб. djal „мальчик, юноша; побег; отпрыск; сын“, др.-ирл. delb „образ, форма“.

б) Названия животных

raŋ'an/e „бык, крупный рогатый скот“ <*rek'(u)-; ср. др.-инд. rāsu-, ав. rasu-, лат. pecu, -ūs, др.-в.-нем. tihu, др.-англ. feoh, др.-исл. fe „скот“.

uduli (и uldi/e) „виноградник“ <*o-dholo-; ср. гр. θάλος „отпрыск, побег, молодая ветка“, арм. deļ „персик“, ср.-ирл. duille „листья, листва“, др.-в.-нем. tola „виноградная кисть, гроздь, ветвь, лоза; виноград“.

zar'e „(фруктовый) сад; роща“ <*der(u)-; ср. др.-инд. dru- „дрова, дерево, ветвь“, гр. δρῦς „дерево, дуб“, ἀρό-δρῦον „плодовое дерево“ (преимущ. в мн. ч.), δρῦά (ср. р мн. ч.) „лес“, хетт. taḡu „дерево, дрова“. русск. *дерево*.

в) Другие существительные

alsu(i)šē „величие“, al(a)s(u)in'e „великий“ <*altjo-; ср. лат. altus „высокий; благородный; великий, величественный“, гр. ἄλτος (*αλτιος) „священная роща“.

a(n)da(ni) „область (?), поле (?-Г. Д.)“¹⁵³ <*andha; ср. арм. and „поле“, тох. А ant, В ante „равнина“.

arti(ni) „сторона“ <*pten-; ср. гр. πτερόν „перо; крыло; конец, край; боковая пристройка, крыло здания“, πτέρυξ „крыло; оборка, полá“, арм. t'eg (*pter-) „сторона“, может быть и t'ev „крыло; край, конец“.

ar(a)pi „милость“ (и arpiš- „приходить на помощь“?) <*ar-p; ср. др.-инд. ga-ti „готовый, услужливый“, арм. š-ar „злой, недобрый“, гр. ἀρξίσιω „улаживать; умиротворять; умиловать, располагать к себе, быть угодным,

¹⁵³ Ср. URUŪqu'ani adani aladuni 60э-10 „облагодетельствовал(?) он (= канал—Г. Д.) поле города Укуани“, где значение „область“ не подходит.

нравиться; быть приятным, угождать, ἀρέσκω „прилаживать, удовлетворять, нравиться“, ἀρεστός „приятный, угодный“, ἄβυ-ἀρής, ἄβυ-ἡρής „приятный сердцу, милый, дорогой“.

ardise „сила, власть, повеление, приказ“ <*arti- (*rti-ʔ) или *ardi- (от *ar-); ср. др.-инд. ṛtām „закон, право, священное право“, ав. aipi-əgəta „установленный, точно указанный“, гр. ἀρτὸ(ν)ω „располагать, приводить в порядок“, ἀρτω-νος, ἀρτωνας „управитель, артин“ и др.-инд. gadhnoti, gādhyati „приводит в порядок“, гот. ug-gēdan „устанавливать, решать“, может быть и лат. ordo, -inis „порядок“, ordinō, -are „приводить в порядок, устраивать, управлять“ (отсюда франц. ordonner „распределять, устраивать; приказывать, предписывать; располагать, распоряжаться“ и др.).

*arī „зернохранилище“ <*arī- (?); ср. др.-инд. vrtī „ограда, забор, обнесение забором“, vara „прикрытие, укрытие, защита“, алб. varr „могила“, vathë „ограда, двор, загон, овчарня“, др.-ирл. ferann, ferann „земля, поле, пашня“ („загороженное место“), др.-англ. weorð „двор, хозяйство“.

arpišē „деяние, подвиг, создание“ <*ar-n-; ср. арм. arnem „делать, совершать, создавать, строить“, arak-kc „дело, деяние, создание“.

aruse „милость, благодеяние“ <*ar-; см. ar(a)ni, arpiša- (по Меликишвили от ar- „дать“, что менее вероятно).

asunī „праздник“ <*atī-; ср. лат. sol-ennis, умбр. sev-asni, per-asni „ежегодно празднуемый; торжественный, праздничный, священный“, оск. умбр. akno „год, праздник, жертвоприношение“.

atqana „жертвоприношение“ (atqana-du- „совершать жертвоприношение, пожертвовать, посвящать“) <(a-!)*kpea; ср. др.-инд. ks'apōti „ранит“, гр. κτείνω „убивать, умерщвлять, казнить“, может быть и гот. hunsl „жертва“ (последнее слово вероятнее возвести к *k'cep- „праздничный; священный, освящать“; не относится ли уарт. слово сюда?).

baušē „слово, приказ, повеление; вещь, предмет“ <*bhā-; ср. др.-инд. bhānati „говорит“, арм. ban „слово, речь; вещь, предмет“, гр. φημί (дор. φᾶμι) „говорить“, др.-в.-

нем. *ban* „приказ“, лит. *байта* „слух, молва, толки, сплетни“.

burga „раб“ < **bhorā* ? (от **bher-*); ср. лит. *bėrnas* „юноша; слуга, раб“.

burgana „крепость(?); подкрепление(?), войско(?)“ < ?¹⁵⁴; ср. гот. *burgs* „город, башня“, др.-в.-нем. *burg* „укрепленный замок“, гр. (<пеласг.) *βύργος* „башня, крепость“.

dainal^a/itini- название какой-то категории рек(?) < **dhen-*(?)¹⁵⁵; ср. др.-инд. *dhānvati* „бежит, течет“, др.-перс. *danvatiy* „течет“, лат. *fons, -tis* „источник“, тох *AB tsan* „течь“, мессап. назв. поля *Ardannoa* (**ar-dhonoa*) „приреченская(?)“.

ebani „страна“ < **ē-bheu-nī*? (или **ē-bhūā-nī*?); ср. др.-инд. *bhavanam* „становление; местожительство“ [= алб. *banë* „жилище, остановка“ (**bhoṇonā*)], *bhū-* „земля, страна, мир“, *bhūman* „земля, страна, мир, бытие“¹⁵⁶.

eri(e)li „царь“ < **ereliu-*; ср. праск. *erilaR*, др.-исл. *jarl* „муж, мужчина; знатный мужчина, граф“, др.-англ. *eorl* „муж, храбрый человек, знатный человек, вождь, граф“, др.-исл. *jǫfurr* „князь“.

esi „место“ < **uesiu-*(?); ср. др.-инд. *vasā-* „пребывание, ночевка“, *vāstu-* „место, жилище, дом“, др.-перс. *āvahanam* „местожительство“, кимр. *gwas* „местожительство, жилище“.

garini „крепость (?)“ < **g'her-* „хватать, охватывать“; ср. хетт. *gurtās* „крепость“ (**g'hor-to-s*), русск. *город* (**gher-dh-*, **g'her-dh-*).

gie „кладовая для вина (?)“ < **g'heio-*; ср. гр. *χτραίος* „нора, логово, пещера“, *χτραίος* „большая раковина“, *χτρῶς* „сундук, ларь“, др.-исл. *gīta* „отверстие“, н.-исл. *geimr*

¹⁵⁴ Ср. § 176.

¹⁵⁵ Но здесь трудно объяснить переход *e* < *ai*. Возможно, что имеет место написание *ai* вместо *a* (см. § 18₉), как в (*ka*(*i*))*ni*, *a*(*i*))*ni* и др. Ср. также **da-ni-* „река“.

¹⁵⁶ Но ср. др.-инд. *avani* „земля, страна“, курд. *awan* „здание, поселение“. Арм. *avan* „поселок, поселение“ считают заимствованием из иранского источника (ср. др.-перс. *avahana* „местожительство“ от **ues-* „пребывать, жить, ночевать“).

„большое пустое помещение“, может быть в др.-инд. *vī-
bhayas* „пустое помещение“.

giniṣe „битва, бой, война, сражение“ (*giniṣini* „воен-
ный, боевой“) < *g^hhono-s-; ср. гр. φόνος „убийство“, φονή
„убийство, резня“, др.-ск. *gudg*, *ginnr* „битва, бой, война,
сражение“, арм. *gān* (*g^hhən-) „побой“.

halu-l'e (мн. ч.) „церемонии (?), ритуалы (?“ < *kai-
lo- или *kai-lu-; ср. кимр. *seil* „предзнаменование“, др.-
ирл. *sel* „прорицание, предвещание“ (из брит.), др.-англ.
hcel „счастливое предзнаменование, счастье“, др.-в.-нем.
heilison „предвещать, предсказывать, прорицать“, др.-в.-
нем. *heilag*, н.-в.-нем. *heilig*, н.-англ. *holy* „священный,
святой“.

haragi „благополучие (?), мир (?“ < *eǵəro-; ср. ав. *ai-
ripe* „тихо, спокойно, мирно“, гр. ἐρώη „прекращение, зату-
хание (боя)“, ἀρά-μεναί „быть в состоянии покоя“ (по Геси-
хию), др.-ск. *gō*, др.-в.-нем. *ruowa*, н.-в.-нем. *Ruhe*
„спокойствие, покой, отдых, тишина, мир“¹⁵⁷.

hage „дорога, поход“ < *eǵé (?); ср. гр. ἐρχομαι „идти“
арм. *yaṣnem* „подниматься, вставать“, др.-в.-нем. *geisa* „по-
ход, путешествие“.

hubi „долина (?), территория (?), область (?“ < *kum-
b(h)o-; ср. кимр. *switn*, др.-англ. *sumb* (< прабрит. *kum-
bos) „долина“, галло-ром. *sumba* „долина, корыто“.

huradi „воин, войско“ < *kog-; ср. лит. *kāgas* „война“,
kārias „войско“, *kāgė* „война“, *kaγys* „воин“, др.-прусс. *kaγa*
„войско, народ“, гот. *harjis*, др.-в.-нем. *heri* „войско“¹⁵⁸.

huṭu-tuḥi „слава“ (?—Г. Д.)¹⁵⁹ < *kūdos* „слава“ (от
*kēu-); ср. гр. κῆδος „слава“, русск. *чудо*.

¹⁵⁷ Ср. также гр. εἶρηνη „мир, спокойствие“, которое К. Бругман
связывает с ἀρρήστω, ἀρρήστω [см. под аг(a)ni „милость“] от аг- „связывать,
прилаживать, устраивать; успокаивать“.

¹⁵⁸ Однако вероятнее, что урарт. слово заимствовано из аккад. *qu-
gati*, если не предположить контаминацию.

¹⁵⁹ Ср. Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 430: „урартские цари не
раз подчеркивают, что среди других благодеяний Халди им даровал так-
же и *huṭutuḥi*“ (*huṭu-||-tuḥi*- суффикс абстрактных имен).

irdi „правитель“ <*er-dho-; ср. арм. y-ordorem „увещивать, побуждать“.

isl „арык (?—Дьяк.)“ <*itjo- (от *ei- „идти“); ср. др.-инд. ití- „ходьба, шествие, itya „ходьба, шествие, течение“, лат. itio „хождение, движение“, iteg „путь, движение; переход, поход; дорога“¹⁶⁰.

išrušē „счастье(?)“ [išruini „счастливей(?)“, может быть и [nušrua] <*sp(h)ōi-; ср. др.-инд. sphítí- „успех, удача“, лат. pro-sper(us) „благоприятный, удачный, счастливый“, др.-англ. spowan „преуспевать, процветать, удаваться“, русск. *у-спех, у-спевать, у-спеть*, хетт. išrāi- „наестся (досыта)“.

karí—название одной из мер сыпучих тел <*karí-; ср. др.-инд. karatí „две косточки“, др.-перс. (>гр.) κάρτι „два хеника“, гр. κάρτις „мера емкости“¹⁶¹.

kirí „чаша“ <*k^herjo-; ср. др.-инд. caṅi „котел, горшок“, kaṅkaṅi „чаша“, др.-ирл. coige, кимр.raig, корн. rēg „котел“.

kubiše „шлем“ <keubho-s-; ср. др.-инд. ka-kúbh- „вершина, головка“, гр. (<фрак.?) κούβη „голова“, κούβηχος „острие шлема“, др.-в.-нем. hūba „колпак, шапка“¹⁶².

kulme „благосостояние(?), богатство(?)“ <*k^hu-l-men? (от *k^heu-); ср. др.-инд. śīpā- „рост, развитие, процветание, счастье, благополучие“, гр. κῆρος „власть, сила, обеспечение, залог“, κῆρος „достояние, собственность, имущество“, лат. simulās „куча, грудa; верх, высшая степень, совершенство, завершение“¹⁶³.

kuḡi „нога“ <*geu-go-; ср. гр. γῆλον „член тела, конечность, рука, нога“, лит. giḡnas, латыш. giḡus „бедро“, арм.

¹⁶⁰ Ср. „образования от того же корня гр. ἰσθμός „узкий) проход, переход“, лит. eile „ряд, борозда“.

¹⁶¹ Арм. karis (название одной из мер сыпучих тел) считается заимствованием из пехлевийского; ср. *P. Ачарян*, Этим. корневой сл. арм. яз., III, стр. 990.

¹⁶² Но ср. лат. cucullus „чепец, капюшон“, может быть и cūdo, -onis „шлем из сыромятной кожи“, близкое по значению ав. хаба, др.-перс. хауда „шляпа, шапка, шлем“. Вероятнее предположить заимствование из аккад. kubšu „шапка“ (Меликишвили).

¹⁶³ Ср. также culmen, colūmen „верх, вершина, высшая степень.“

kuṙn „спина; место соединения руки с плечом“, арм. диал. kuṙ „рука“¹⁶¹.

mankalī—название какого-то вида масла <*menkə-lo-; ср. гр. ион. μαζω, атт. μάτω „месить, массировать“ (гр. глагол парадигматически связан с μαγῆμαι „месить“ из *magʰ-, откуда русск. *масло, мазь*), др.-англ. (ge-)mang, ср.-в.-нем. ge-manс, -ges „смесь“, лит. minkau, -yti „месить“ (тесто)¹⁶².

manī „укрепление (?)“ <*mei-go- (от *mei- „укреплять; свая; деревянная постройка“); ср. лат. murus (др. форма moiros) „стена (преимущественно городская), вал, плотина; край, оплот, защита“, герм. *maīna „(пограничный) столб“.

meše „дань“ <*mei-; ср. гр. (сицил.) μοῖτος „вознаграждение, плата“ (заимств. из итальяиск.), гот. maifins „подарок“, лат. mīpus (др. форма moepus) „обязанность; задание; дар, подарок; жертва, пожертвование“, ит-тūpis „свободный от повинностей, освобожденный от податей, налогов“, русск. *мена*.

mīpa „река (?)“ <*moīnā; ср. название рек: галл. Moepus (Майн), ср.-ирл. Moīn, польск. Miępʹ и др.

parahia „усмирение(?)“ <(па= русск. *на*+)*pākʰ-iā; ср. ав. išābīš „узами, оковами“, гр. πάγη „силок, западня, ловушка“, лат. рах, -cis „мир, мирный договор“, расō, -ēge „успокаивать, усмирять“, др.-ирл. assaī „наложение оков, заковывание, сковывание“.

patarʰ/e „город“ <*petə-ro- (-rī-?); ср. гот. faṙa, ср.-в.-нем. vade „ограда, забор“¹⁶⁵.

pīlʰ/e „канал“ <*belo-?; ср. арм. реҕет „копать, выкапывать, раскапывать, рыть (колодец и т. д.)“, ср.-ирл. belach „ущелье, перевал, дорога“, кельт. *bolko-, -a в кимр. bwlich „щель“¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Ср. также *kei- „сгибать, сгибать в суставе, сустав“.

¹⁶⁵ Для значения ср. русск. *город* и *огораживать, огород* Урарт. слово напоминает др.-инд. pat-tap-a- „город“ (суффикс -ter-/ten-). Неправоммерно сравнение с лик. wedri „город“ (из *uost-rī-).

¹⁶⁶ Менее вероятно возведение к *rel- „течь, лить, наполнять“. Впервые указал на связь урартского слова с армянским реҕет: Н. Я. Марр.

pisuse „радость“ (pisušini „радостный“) < *pek'io-(?) ; ср. гот. faheþs „радость“, гот., др.-в.-нем. faginon, др.-в.-нем. gifehan „радоваться“.

pulus'e „стела (с надписью), надпись (в значении самого памятника)“ < ? ; ср. др.-инд. pasapā, pasyā „камень“, гр. πέλλα „камень“, др.-в.-нем. felis, н.-в.-нем. Fels „скала“.

qarb'e „скала(?)“ < *kor-p-; ср. алб. karpë, karmë (*kor-p-) „скала, утес“, фрак. Καρπάτης (ὄρος) „Карпаты, скалистая (гора)“, болг. днал. (из фрак.) кагра „скала“¹⁶⁷.

qarmeñi „празднество“ < ? ср. алб. geg. kreme, тоск. kremte „праздник, празднество“.

qarqaranı „панцирь“ < *karkar-; ср. др.-инд. karkara „шероховатый, жесткий, твердый“, kaṅkata- (kaṅkṛta)- „панцирь“.

qı(ı)ñı „земля“ < *k'eı-га и *k'i-u-га(?); ср. гр. κώμη „деревня, селение“, гот. haıms „селение; (мн. ч.) сельская местность, поля“, др.-в.-нем. heıms „родина, дом, жилище“, лат. cıpaе (мн. ч.) „колыбель, гнездо“, cūnabula „колыбель; родина“.

sus'e — название какого-то вида культового сооружения | > арм. sius, род. -ı „загороженное место для охоты(?)“¹⁶⁸ или „храм(?)“¹⁶⁹ < *skeu-skıo-; ср. др.-инд. kōsa (без начального s) „хранилище, сокровищница“, др.-исл. skaiı „хижина, комната“, skjöl „убежище, приют“.

šali „год“ (= хурр. šauala „год“) < sañeliño-; ср. др.-инд. ved. sūvar „солнце, свет, небо“, гр. ἥλιος „солнце; день“¹⁷⁰.

šani „сосуд“ < *am-po-; ср. гр. ἀμψ „ведро“, ἀφίς „ночная посуда; ладья“, лат. sentīna „нижняя часть корабля для стока нечистот, клоак“, может быть и др.-инд. sāta „сосуд, блюдо“.

šauēi „правитель(?)“ < *šauo- ? (от *seu-) Ср. др.-инд. šau- „побуждение, повеление, оживление; побудитель, повелитель“, Savitār „побудитель, бог Савитар“.

¹⁶⁷ В. Георгиев, Исследования..., М., 1958, стр. 120.

¹⁶⁸ Данное значение слова впервые установлено Р. Ачаряном, „Известия Ереванского университета“, I, стр. 169—170.

¹⁶⁹ Ср. М. Израелян, Аринбердский храм SUSI и его надписи, „Изв. АН АрмССР“, 1957, № 9.

¹⁷⁰ По-видимому, у урартийцев и хурритов солнце считалось мерью года, как луна (месяц)—месяца.

šēisti-lī (мн. ч.) „ворота“ < *sei-sti-; ср. др.-инд. sayatvā- „связь, соединение, прикрепление, укрепление“, setu- „связь, узы, мост, плотина, пограничный знак“, лит. sijà „(мостовая) балка“, siēna „граница, стена“, латыш. siēna „стена“.

sur(g)¹/e(nī) „оружие“ < *sur-g- (при *suer-); ср. ав. xʰara „рана, ранение“, др.-в.-нем. swert „меч“, др.-англ. sweorð, др.-исл. sverð из sver-ðā- „колющее оружие“.

šir¹/e „вселенная, мир, империя, (царство)“ < *som- „воедино, вместе, с“? + *gei- „владение, вещь“? (для šu- ср. šūsini „один“, šūni- „весь(?)“, все(?)¹⁷¹).

šurīšhi (É šurīšhi) „конюшня(?)“ [= „(дом) охранения скота“] < *soresko-; ср. ав. haurva „стерегущий, охраняющий (скот)“, лат. servo, -are „следить, сторожить, охранять, оберегать“, servus „раб, слуга“ [первоначально „наблюдающий (за скотом), охраняющий (скот)“].

tar(a)man²/l, e-lī (мн. ч.) — название какого-то сооружения < *terəbno-, *terəbna(?); ср. гр. τέραμιον, τέραμιον (употребляется во мн. ч.) „кров, жилище“ (> русск. *терем*)¹⁷².

tāše „дар, подарок“ < *do- или *dā-; ср. др.-инд. dāti- „дар, подарок“, ав. daiti „дар“, гр. δῶμα, δῶμα-ν „дар“, лат. dōs, dōnis „дар“, datio „дар, подарок“, арм. tur-k² „дань“, русск. *дар, по-дар-ок*.

tīni „имя“ (tī(a)u- „сказать, говорить“) <? ср. хетт. te „сказать, говорить“¹⁷³.

t¹/erusi — название одной из мер емкости < *dru-s(k)u-; ср. др.-инд. druvāya- „деревянный сосуд, деревянная коробка барабана“, гр. δοῦτη „корыто, ванна“, лат. trua „ковш, черпак“.

¹⁷¹ Для значения ср. лат. ūnus „один“ и universus „вселенная“.

¹⁷² Менее вероятно сравнение с хетт. tarṣa- „щель, козырек“, tarṣatar „укрепление, соединение“ из *terṣan „пограничный столб“.

¹⁷³ Возможно, что в урартском и хеттском (хетт. te выводит из *dhe- „ставить, положить“, что маловероятно) налицо сходство в этом значении *dei- „сиять, видеть“, откуда *deik'- „показывать, указывать; сказать; говорить“ (> лат. dico, -ere „сказать, говорить“, гот. wateihan „извещать, возвещать“, др.-ск. tea, tia „показывать, изображать, уведомлять“).

uaniše „удовольствие (?—Г. Д.), победа (?—Г. Д.)“¹⁷⁴
 <*uepi- (от *uep-); ср. др.-инд. vāpi- „желание“, тох А
 vāpi, В wīp „удовольствие“, др.-в.-нем. vīni „друг“, др.-
 инд. vāpati, vāpōti, „желает, любит, приобретает, побеж-
 дает“, ав. vanaiti, vanaoiti „побеждает“.

ubar-du-ia „повеление(?) , приказ(?), желание(?)“ [ubar-
 du-du- „повелевать(?), приказывать(?)“] <*ureg- „на(д),
 сверху“ (=гр. ὑπέρ, арм. veg, гот. ufar, др.-в.-нем. ubig,
 ubari)+dho- (от *dhē- положить, установить“, урарт. du-
 „сделать, заставить сделать“) + *-ia; ср. гр. θω(ι)ή „кара, нака-
 зание“. Для формы образования ср. па-раḥ-ia.

ueli „собрание(?), отряд(?)“ [ueli-du- „собирать“, uelisine
 „собранный (народ)(?), войско(?), отряд(?)“] <*ueli-; ср. гр. εἴλη
 „толпа, группа, отряд“, эол. ἀλλήεις „собранный вместе, сплю-
 тившийся“, ἄλιω „собирать“, ион. ἄλιη, дор. ἀλία „собрание“,
 русск. *великий, валом валить, вальмя, наваливать*.

uīguše „жизнь“ <*oi-k-o-; ср. арм. oīj „целый, невре-
 димый, живой“, amb-oīj „целый, весь“¹⁷⁵.

urišlī „оружие“ (urišhusi „оружейный, оружейная, дом
 оружия“) <*uresko- (от *uer-); ср. др.-инд. vṛskāti „отсе-
 кает, срубает, колет, валяет“¹⁷⁶.

ušgi „сила(?), мощь(?)“ (ašgu- „захватывать“) <(u-+)
 sg'hi- (от *seg'h-); ср. др.-инд. sāhas- „власть, сила, победа“,
 гр. ισχυρός (Fi-тхῶ-ς) „сила, могущество, мощь“.

ušmaše „мощь, сила“ <*uk-s-mā ?(от *aueg-, *ug-) или
 *uog'-s-mā ?(от *ueg'-); ср., с одной стороны, др.-инд. ójas-
 „сила, =ав. aojah, aogah-, пехл. ož (>арм. oiz „сила“) и, с
 другой стороны, др.-инд. vāja- „сила, быстрота, состязание,
 приз“, др.-исл. vaskr „бодрый, проворный, ловкий“¹⁷⁷.

¹⁷⁴ Ср. „Да будет Сарлури, сыну Аргишти, жизнь, величие... ми-
 лость, могущество, радость, uaniše“ 1712,4–5, 1714–5.

¹⁷⁵ Арм. слово сравнивают с гот. alls, др.-в.-нем. all „весь“, хо-
 тя урартское слово указывает на неверность восстановления для oīj пра-
 формы *oiyo-. Пизани сравнивает с гр. ὀλῆιος „счастливый“ из *oiḡ^hios.

¹⁷⁶ Ср. также ав. vaḡda „оборонительное оружие“, осет. vast „щиты“
 от *ueg- „закрывать, покрывать; защищать“.

¹⁷⁷ И.-е. корни *aueg- и *ueg'- несомненно связаны.

ustipte „поход“ [ср. ušta- „выступать (в поход); направляться, отправляться“] <*stī-p-tet- (от *sta-; ср. русск. *выступление, ступать* из другой распространенной формы данного корня).

zase „сила(?)“ [zašili „сильный, могучий, многочисленный“ zasu- „усиливать(?), укреплять(?)“] <*dens-; ср. гр. *δαρός* „густой, плотный“, лат. *dēnsus* „густой, плотный; частый, стойкий, упорный, суровый“, *dēnsō*, -ēre „сгущать, плотно смыкать, скоплять“, *denseo*, -ēre „сгущать, уплотнять, скупивать“, хетт. *dašsuš* „сильный, крепкий; тяжелый; важный“.

2. Имена прилагательные

§ 87. agupuni „укрепленный“ (причастная форма?) <*augopo-; ср. др.-инд. *ugrā*- „сильный, могущественный“, лат. *augēō*, -ēre „умножать, увеличивать, расширять“, *austus* „большой“, др.-латыш. *aukts* „высокий“, арм. *ašem* „расти“ (<*əgio?); гр. *αὐξάνω* „увеличивать, усиливать, расширять“, лит. *āukštas* латыш. *aūksts*, „высокий“.

anarduni „независимый(?)“ <*n- (ср. др.-инд., ав., др.-перс. *an*-, *a*-, гр. *αν*-, *α*-, арм. *an*- „не“) + *artupo- (*rīu-no-; ср. гр. *ἄρτυνος*, *ἄρτυνας* „управитель, артин“) или *ardo-; см. и примеры под *ardīse* „сила, власть, повеление“.

badusi(e) „величественный(?)“, великий(?) <*bhad-os(k)-io-¹⁷⁸; ср. др.-инд. *bhadrā*-h „отрадный, счастливый, хороший“, *sū-bhadra*-h „великолепный“, гот. *batiza* „лучший“.

eguhū- „свободный, не предназначенный для жертвоприношения“ <*ē-? (ср. др.-в.-нем. *a*- в *a-maht* „бессилие, обморок“ от *maht* „сила, мощь“) + *g'heu-to-? [от *g'heu- „лить (и в значении жертвенного возлияния)“; ср. др.-инд. *juhōti*, *juhutē* „льет в огонь, делает жертвенное возлияние, жертвует“].

gazuli „прекрасный, отличный, хороший“ <g'haiu-(?); ср. гр. *χάσιος* „хороший, отличный, полезный“ (по Гесихию),

¹⁷⁸ Менее вероятно возведение к *bhā-(d-) от *bha- „сиять, светить“.

лак. $\chi\acute{\alpha}'\tau\omicron\varsigma$ ($\chi\acute{\alpha}'\tau\iota\omicron\varsigma$) „хороший“, алб. *zot* „сильный, порядочный, дельный“.

hurishi „ороситель(ный) (?)“ < **uresko-* (от **ur-*); ср. др.-инд. *vāg*, *vāgī* „вода“, ав. *vāg* „дождь“, тох. А *wāg*, В *wag* „вода“, А *yāg-s*, В *yag-s* „купазь“, др.-ск. иг „мелкий дождь“¹⁷⁹.

kuḡli /e „могучий, мощный, высокий (о горе)“ < **ku-*го- „вздутый; сильный; герой“; ср. др.-инд. *sūga* „сильный, крепкий; герой“ = ав. *sūga*, гр. **κῶρος* в *ἄ-κῶρος* „неправомочный, лишенный силы“.

maḡi „милостивый(?)“, милостиво(?)“ < **maḡo-*го-; ср. лит. *mėgsti* и *mėgti*, *mėgti* „любить, быть расположенным, быть милостивым“.

nuḡi „истинный, верный“ < **nu-*го- (от **neu-* „двигать“); ср. гр. *βῆνω* „защищать, оборонять, стоять на защите кого-л.“, *ἀνιστής* „защитник, вступник“¹⁸⁰.

quḡli /e „пустынный(?)“ (имеет ли связь с *kuḡli* „оставлять, покидать, отпустить, забросать?“)¹⁸¹ < **ku-*l-dh-? (от **keu-*l-, **ku-*l- „пустой, полый“); ср. др.-в.-нем. *hol* „пустой, полый“.

vaizi „крутой(?)“ < **zke-*l-(?) ; ср. др.-ирл. *ske(i)llec* „скала“, русск. *скала*, *щель*, арм. *ծեկ*-em „колоть, разрывать“, *celum* (< **sk'ei-*) „колоть“.

siluini „расположенный(?)“ [*silua-* „быть расположенным (хорошо, милостиво к кому-либо)“] < **sel-*u-po-; ср. гр. ат. *ἰλέω*, ион. *ἰλέω*; и гом. *ἰλ(φ)ός*; аркад. *ἰλάω* „благоклонный, милостивый; доброжелательный, любезный“.

šua „вражеский(?); дьякий (?—Дьяк.)“ < **su-*ia ? (от **sei-*, ср. *šau* /e „правитель(?)“]; ср. ав. *hunaīd* „достает, стремится достать“, хетт. *šuaḡ-* „толкать, напирать, теснить“.

šukun „призванный(?)“, вызванный(?)“ < **sok* II-го-; ср. гр. *ἐν(ν)έπω* „рассказывать; звать, именовать; обращаться,

¹⁷⁹ Ср. и русск. *роса*, *орошать* < **rova* (от **re-*s, **tes* „течь“; для отношения этого корня к *(a)ḡeg, см. др.-инд. *āvatī* „течет“, *ṛṣahha* II „бык“ и *vāg* „вода“, *vṛṣahha-* II „бык“.

¹⁸⁰ Данную этимологию мы даем на основании таких параллелей, как хайасск. *Mutti-* < **Muḡatti-* (по И. Фридриху) из **neu-* и лит. *Motlū*.

¹⁸¹ Ср. и **keu-* „сгибать, впадина, углубление полость“?

просить, вельдь", лат. *insecō* (*insequo*) „извещать, возвещать“, др.-в.-нем. *sagen* „сказать“.

tara(g)ʼ/e „могущественный, сильный; много“ (*tarauihi* „могущественный, сильный“, *targini* „могущественный, могучий“, *tardini* = *targini*?) <*ter(ə)-; ср. др.-инд. *tāras* „продвижение, энергия“, *tara* „сильный“, хетт. *tarḫ-* „побеждать, принуждать, преодолевать; (без *za*) побеждать, быть могущественным, мочь“, *tarḫiili* „сильный, могучий, могущественный“.

tua(x)ʼ/e „чистый(?), блестящий(?)“ (возможно также, что это урартское название золота) <*tuei-g- (от *tuei-; ср. *tuei-s- „сверкать, искриться“).

3. Имена числительные

§ 88. *siziṇi* „один“ [ср., может быть, также *širi/e* „вселенная, мир, империя (царство)“, *širi* „весь(?), все(?)“?] <*zoi-e- (-šik-?) (от <*sem-; ср. тох. А *saš*, В *še* (древн. *šes* из *zoi-s в *šes-ke* „только“; в сложениях: А *šoma-* из *semo-, Б *somo* из *zomo-) „один“, гот. *sums* „один, кто-то“.

aiḫi „десять тысяч“ <(a- +) *tēu-o-; ср. тох. В *tumane*, *tmanē*, А *tman* „десять тысяч“, гот. *fūsiundi*, др.-в.-нем. *thūsunt*, *ūhsunt* „тысяча“, русск. *тысяча*, арм. *tsiv* „число“; ср. также др.-инд. *atīva* „чрезмерно, очень много, совсем“¹⁵².

4. Местоимения

§ 89. а) Личные, притяжательные и указательные местоимения:

teḫe „я“ <*egʼ-¹⁵³ (-i-še) „я“; ср. др.-инд. *ahām* (*egʼh-om), гр. *ἔγω*, лат. *ego* (*egʼo), арм. *es* (н.-арм. *yes*), лит. *aš* (древн. *eš*), латыш. *es* (*egʼ), русск. *я* и др.

¹⁵² Наличие числительных *taranī* „во второй раз(?)“ и *siziṇi* „в третий раз(?)“ вызывает сомнение. Если эти слова не являются наречиями, не имеющими отношения к числительным, и если нельзя их отнести к *tuei- „три“ и *tueks-i(i)- „шесть; (шестой)“, то *taranī* можно возвести к *tue-go- или *tue-go- (при *tueo-; ср. др.-инд. *dva*, *dvau*, *di*, *dva*, др.-грч. *dau*, *dō*, *di* (проклитич. форма), гот. *twaī*, *twos*, *twa* „два“, хетт. *tan* „во второй раз“ и др. Для -ni ср. лат. -ni (<*no-), суффикс, образующий разделительные числительные (*binī*, *ternī*, *quaternī* и т. д.).

¹⁵³ Если правы исследователи, выделяющие в и.-е. *egʼ(h)- компоненты *e- и *gʼ(h)- и считающие *gʼ(h)- частицей, то возможно, что урартский язык сохранил данный местоименный корень в „чистом“ виде.

-me „мне, меня“ (энклитич. форма косвенных падежей) <*me—косвенная форма личн. местоним. 1-го л. ед. ч. [им. п. *eg'(h)om]; ср. др.-инд., ав. mā, гр. με, лат. me, др.-ирл. -m.

ma-ni „он, его“ <(ma¹⁸⁴-+)*no-; ср. арм. -n (опред. артикль), хетт. anniš „он, тот“, лит. anās, aĩs, русск. он (она, оно)¹⁸⁵.

-ni „ему, его“ (энклитич. форма косвенных падежей) <*no-; см. примеры под ma-ni „он, его“.

i-ki „мой“ (упогребляется постпозитивно: ka(i)uki „передо мной, ко мне“, ebañuki „моя страна“) <(*ǵ-+)*k'e-; ср. хетт. kī, kā- „этот“, арм. -s (артикль: tard-s „этот человек“, н.-арм. arjev-s „передо мной“), sa „этот“ и др.

ma-si(e) „свой“, <(ma-+)*se(ǵo-?)¹⁸⁶; ср. лат. se „себя, собою“, sius (др.-лат. sovos) „свой“, гот. sik, др.-в.-нем. sik „себя“, гот. seins, др.-в.-нем. sin (*sei-no-s) „свой“ и др.

ini „этот (эта? это?)“ [в сложениях inu-: inusi(ni) „такой, таковой“, inukani, inukañini „такой, таковой, этот“, ina-: inani, inañini „таковой, такой, этот“] (i-¹⁸⁷+)*no-; ср. др.-инд. anēna, anāya „этому, этой“, арм. so-in (*k'o-en-os?) „этот самый“, этрусск. an „этот (эта, это)“; ср. также хетт. e-ni „только что упомянутый, этот, тот“.

*iši „этот(?)“ [ср. išani „с той стороны(?)“, откуда(?)“] <(i+)*so-; ср. др.-инд. sā, ē-śa, ав. ha, aē-ša „этот“; гр. ἰ, ἦ (артикль), ἰ (*sī) „она“, οἰ „ему“, др.-лат. sum, sam „его, ее“, алб. a-ǵ, a-jó „тот, та“, др.-ирл. sī, гот. si, др.-в.-нем. sī, si „она“, праск. si-ainar „тот“, sa-si „этот“; ср. также хетт. ši- „он, она, оно“.

iki „тот“ (в сложениях iku-: ikuki „тот самый“, ikukani, ikukañini „тот, тот самый“) <(i-+)*ko'-; ср. гр. ἐ-καῖνος, др.-

¹⁸⁴ Ср. и ma-si „свой“; для ma- см. ниже.

¹⁸⁵ Урарт. конечное -i результат редукции в неударном (конечном) положении.

¹⁸⁶ Если не предположить выпадение интервокального -ǵ-, то можно восстановить для si(e) праформу *seio-. Но ср. также хетт. -si „его, ее“.

¹⁸⁷ i- здесь и в i-si, i-ki восходит к местрименному корню *e-, *i- „тот, он“; см. ниже.

лесб. $\kappa\eta\nu\omicron\varsigma$ „тот“ [$*(\varepsilon)\kappa\varepsilon-\varepsilon\nu\omicron\varsigma$], оск. *ekas* „эти“ (ж. р. $*e-ko-$), др.-сакс. *hē, he, hie*, др.-в.-нем. *hē, heg*, др.-англ. *hē* „он“¹⁸⁸.

aki (в сложениях *aku-*: *akuki*)- местоимение, значение которого не совсем ясно $\langle (a-+) *k'o-$; см. *iki* „тот“, *u-ki* „мой“.

dani (форма отлож. п.)— местоимение неясного значения¹⁸⁹ $\langle *d-$ ($*de-$, $*do-$; указательный корень, частично указывающий на говорящее лицо) или $*t-$ ($*to-$, *ta-* „тот, та“)¹⁹⁰; ср. также $-(i)di$ -оконч. направит. падежа, восходящее к первому корню.

astani (форма отлож. п.)— местоимение неясного значения¹⁹¹ $\langle *ei-s-to-?$ ¹⁹². Ср. также хетт. *-aš* „он и т. д.“.

i-— местоименный корень, выделяемый в *i-ni* „этот“, *i-si* „тот(?)“, *i-ki* „тот“, *išti(ni)* „там“ (= лат. *is-ti* „там“) $\langle *i-$; ср. лят. *is, id* „этот, это“, гот. *is* „он“, лит. *jis* „он“ иер.-хетт. *iš* „этот“.

$-li$, $-ali$ — суффикс мн. ч. существительных и показатель множественности объектов при глаголах $\langle *(a)l-$? (ср. урарт. *ali* „который; что“, *uli* „другой“).

ma- „?“ (в *ma-ni* „он, его“, *ma-s'i/e* „свой“) $\langle *(s)mā$? (местоименный корень); ср. кимр. *ma* „этот“. др.-ирл. *mā* „если“, хетт. *maḥ* „как; если, в случае, будто“, *maḥḥan*

¹⁸⁸ Ср. и *u-ki*, где сохранено первоначальное значение корня, указывающего на говорящее лицо; затем данный корень приобрел значение „тот, он“, как видно из примеров.

¹⁸⁹ Ср. у Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 152: „*dani*, по всей вероятности, слово такого же характера, как *išani, inani* и т. д.“ (*dani artini* „с... стороны“).

¹⁹⁰ Наличие начального звонкого вместо глухого, по-видимому, можно объяснить первоначальным энклитическим употреблением, как при арм. $-d$, *da* $\langle *to-$.

¹⁹¹ Ср. у Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 152: „*astani*, по-видимому, слово такого же характера, как *išani, inani, dani* и т. д. (*astani artini* „с... стороны“).

¹⁹² Хотя урарт. слово очень похоже на арм. *ast* „здесь“, *astēn* „именно здесь; отсюда“, но в этих словах $-s-$ восходит к $*k'$; возможно, что в армянских словах имеет место контаминация с урартским *astani*, как и может быть при арм. *es* „я“ (н.-арм. *yes*) и урарт. *iese*.

„когда“, *masis* „сколько“¹⁹³, иер.-хетт. *man* (ma-na) „когда“, фесс. *má* (= гр. *ὅτι* „а, же, однако, также и т.п.“), тох. В *mant* „как“, А *māttak*, В *makte* „сам“.

-*si* „в (?)“ или местоим. корень (?-Г. Д.) <**ti-* (**to-*, **ta*).

б) *Относительные, определительные и неопределенные местоимения:*

ali(e) „который, что, каковой“ (*alu-ki* „?“, *alu-še* „кто, который“, *al¹/e-k¹/e* „некоторый“¹⁹¹, *al¹/e-k¹/e—al¹/e-k¹/e* „некоторые—некоторые, одни-другие“, *ali—alipi* „некоторые—некоторые, одни-другие“) <**ali-*, **alio-*(?); ср. лат. *alis*, *alius* „другой“ (= гр. *ἄλλος*, арм. *ail* и др.), *ali-quis* (-*qua*, -*quid*) „кто-либо, что-либо, какой-либо, некоторый“, тох. А *aiya-k³*, В *aiye-k³* „кто-то, другой“.

a(i)piei „кто-то, кто-нибудь, кое-кто, некто; иной (—Мещ.), какой-либо (—Мещ.)“ <**apio-*; ср. др.-инд. *apya-*, ав. *apya-*, *apya*, др.-перс. *apya-* „другой“; вполне возможно допустить контаминацию с **oi-*но-, откуда др.-инд. *e-pa* „он“, лат. *ipus* (др. форма *ipnos*) „одни, кто-то“, *illius* [**oin(e)los*] „какой-нибудь“, гот. *ains*, др.-в.-нем. *ein* „один“, н.-в.-нем. *ein*—неопредел. артикль¹⁹².

k¹/e „кто-то (?—Г. Д.), что-то (?—Г. Д.)“ [в *al¹/e-k¹/e* „некоторый“, *al¹/e-k¹/e—al¹/e-k¹/e* „некоторые—некоторые: одни—другие“] <**k¹o-*, **k¹e-* (полударные формы—вопросительные, безударные—неопред. местоимения); см. под. *ali(e)* „который, что, каковой“.

šuni „весь(?)“, *все(?)* <**som-* (?от **sem-* „один, единый, вместе, с“; ср. *šusini* „один“, *šur¹/e* „вселенная, мир,

¹⁹³ Данное хетт. слово очень напоминает урарт. *mas¹/e* „свой“, хотя по значению не совпадает с ним. О хетт. слове см. Н. Кронассер, *Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen*, Heidelberg, 1956, стр. 149.

¹⁹¹ И. И. Мещанинов, *Грамматич. строй урарт. яз.*, М.—Л., 1958, стр. 110, дает форму *aliki(d)*, схожую с лагинским.

¹⁹² И. И. Мещанинов, в ук. соч., стр. 110, считает *ain* формой им. п., *ainei*, *aini*, *aini*—формами ред. п.

империя, царство"); ср. арм. amēn „весь, всякий“. др.-инд. samā- „кто-то“, sam- „вместе с“¹⁹⁶.

ulī(e)-še „другой“ <*olīos (от *ol-, побочной формы *al-, откуда *alios „другой“: гр. ἄλλος, лат. alius, арм. ail).

5. Глаголы

§ 90. aba- „желать(?)“, хотеть(?)“ <*au- [ср. также урарт. ušhanu- „жаловать(?)“, даровать(?)“ от *(a)ues-?]; ср. др.-инд. āvati „любит, желает, требует; благоприятствует, содействует, помогает“, лат. aveo, -ere „страстно желать“, avagus „алчный, жадный“, кимр. ewyllŷs „желание, воля“, корн. awell „желание, требование, потребность“.

abifidu- „присоединять, прибавлять“ <*obhel-; ср. гр. ὀφέλλω „увеличивать, умножать“, арм. у-avelum „присоединять, прибавлять, увеличивать“, ar-avelum „увеличивать, умножать“, aveli „больше“¹⁹⁷.

agu- „проводить (канал), уводить (пленных)“ <*ag-; ср. др.-инд. ājati „гонит“, ав. azaiti „гонит, уводит“, гр. ἄγω „водить, гонять, изгонять“, лат. ago, -ĕre „вести, гнать, уводить, угонять“, арм. асем „вести, приводить, приносить“ и др.

aia- „находиться(?)“ [aie „местонахождение(?)“, резиденция(?)“] <*ai-; ср. гр. αἰώμαι „брат, хватать, снимать“, хетт. paī (с глагольн. приставкой re- „от, прочь“) „даёт“, тох. В. ai-, А е- (инфин. В aitsi, А essi) „давать“¹⁹⁸. Ср. также haic- „захватывать, завоевывать, похищать, уносить, уводить“.

aišti- „прыгнуть“ (о коне по имени Arsi-bi-ni = арм. аг-си из *agšivī „орел“) <*eis-; ср. гр. οἰζύω „устремляться,

¹⁹⁶ Однако не объяснимо выпадение -m, если не предположить позднее образование—после выпадения -m (в su-s-im, su-g'e). По форме более вероятно вывести из *s(e)ue- (возвр. местоим.).

¹⁹⁷ Возможно допустить для арм. корня заимствование из урартского.

¹⁹⁸ Разница в значении урарт. глагола определяется его непереходностью („браться, даваться“ от *ai- „давать; брать“; ср. ит. aini ištini aini 136 „никто там не находился“).

бросаться, кидаться“ (о хищных птицах, как и вед. *esati*).

al(a)d/tu- „позаботиться(?), облагодетельствовать(?), беречь(?), щадить(?)“ < **al-d(h)-* (от **al-* „расти; растить, питать“); ср. др.-инд. *ṛdhanóti*, *ṛnádhi*, *ṛdhāti*, *ṛ'dhyati* „преуспевает, удаётся, благоприятствует, совершает“, гр. *ἀλθάνω*, *ἀλθω* „лечить“, *ἀλθάνω* „вращивать питать, укреплять“, *ἀλδέσσω* „расти, выращивать“¹⁹⁹.

агуа- „приходить на помощь“ [ср. также *аг(а)пи* „милость“] < **аг-п-*; ср. др.-инд. *āgamkaḥ* „приготовлять; служить“, *arāi-* „слуга“, ав. *gaiti* „услужливый; слуга“, гр. *ἀραρίσσω* „улаживать; умиротворять, умилоствлять; располагать к себе, быть угодным, нравиться: быть приятным, угождать“, *ἀρέσσω* „прилаживать, удовлетворять, нравиться“.

агу- „давать, даровать, преподносить“ [*агi-* отглагольное имя от *агу-*; *аг'ede-*—инфинитив от *агу-*(?); *арду-* „давать“; *ардаіе* „приношение(?)“ от *арду-*; *аршу-* „свладевать“] < **аг-* „уделять; (мел.) присваивать, получать“, ср. ав. *аг-* „предоставлять, ручаться“, гр. *ἄρρωσαι* „добывать, получать“, арм. *arḥum* „брат“ (значение от медиального „уделяю мне“; ср. др.-инд. *dādami* „даю“ и *a dade* „принимаю, беру“); хетт. *арḫumī* „доставлять“ более склонны отнести к **ег-* „двигать(ся)“.

аґу- „захватывать“ [ср. также *иґгi* „сила(?), мощь(?)“, может быть и *заґу-* „умерщвлять, убивать“ < **de-sg'h-*?] < **sg'h-* (: **seg'h-*); ср. др.-инд. *sāhatē* „преодолевать, может, выручает“, гр. *ἔχω* (аор. *ἔσχον*) „держат, брать, хватать, захватывать, владеть“.

аґһи- „выполнять(?), исполнять(?), устраивать(?), совершать(?)“ < **sk(eu)-?*; ср. гр. *σκηναῖω* „готовить, готовить, изготавливать, устраивать“, др.-исл. *heuja*, др.-англ. *hīegan* „выполнять, исполнять, совершать“, чеш., польск. *skutek* „дело, действие“²⁰⁰.

¹⁹⁹ Менее вероятно возведение к **uel-* „смотреть“ (или **uel-d-* „желать, выбирать“), хотя обычно восходит к **u*, и в билингве Тоузаву урарт. *'aldubi*, по-видимому, соответствует ассир. *al-ti-'i-su* от *se'u* „видеть, смотреть“; искать; заботиться“.

²⁰⁰ Ср. и хетт. *assanu-* „устраивать, готовить“ и *essa-* (*issa-*) „действовать, создавать“ (от *ia-* „делать“=иер.-хетт., лув. *aḫa-* „делать“).

asta- „направляться(?)“ <(*ē-?+)*stā-; ср. др.-инд. a-sta- „отправляться, вступать, находиться.“

aś/du- „превращать, предназначать(?), определять(?)“ <*st(a)-; ср. гр. ἵστημι „ставить; становиться; поднимать, превращать“²⁰¹, русск. *стать, становиться*.

aśu- „оставлять(?), покидать(?), отталкивать(?), преследовать(?); усаживать (?—Кап.), уселять, (?—Кап.), населять (?—Кап.)“ <*ēs- „сидеть“; ср. др.-инд. āstē, ав. aste „он сидит“, гр. ἵθισι. атт. καθίσαι „сидеть“ хетт. eš-, aš- „сидеть, садиться; (пер.) занимать, овладевать“.

aṭhu- „строить(?)“ <*tk- (:*tek-); ср. арм. t'ek'em „ковать, точить, строить; сгибать“²⁰².

atu- „есть; разорять“ <*ed-; ср. др.-инд. ādmi, āti „ем, ест“, гр. ἔδομαι, арм. utem (*ōd-), хетт. et-/ad-, иер.-хетт. at-, пал. at, лув. az, русск. *есть*.

badgulu- „окружать(?)“ <*bhendh-(+gulu-?); ср. др.-инд. badhnāti, bandhati „связывает, заковывает в кандалы, берет в плен и др.“, гот., др.-англ. bindan „связывать“, др.-англ. bos, н.-англ. boose „конюшня“.

bidia- „вернуться, поварачиваться“ [bidu- „вернуть, возвратить“, b'/ed'/e „обращенный(?), возвращенный(?), обратный(?), сторона(?), берег(?)“, b'/edini „со стороны“, biduiaše „по возвращении“] <*bhedh-; ср. др.-инд. jñu-bādh- „преклонивший колени“, алб. bint, (мед.) bindem „гнуть, преклоняться“, тох. В peti, А poto „почитать“.

du- „сделать, заставить сделать“ [za-du- „делать, совершать, создавать“, zaduše „совершение(?)“] <*dh(ē)- [урарт. zad(u) <*de-dh-]; ср. др.-инд. dādhāti „ставит“ (перф. dadhāu), гр. ἵστημι „ставить“, арм. dñem „ставить, положить“, лат. facio (с распространением *-k-) „делать, совершать, создавать, строить, сооружать“, др.-в.-нем.- tuon „делать, совершать“ [прет. teta „я (с)делал“], русск. *делать, дело*.

²⁰¹ Для перехода значения ср. арм. daḡnam „стать“, daḡjanam (кауз.) „превращать“. Не произошла ли контаминация *sta- и *sd-:scd- „сидеть“?

²⁰² Совпадение значений арм. и урарт. слов делает еще более очевидной связь между *tek- „ткань, плести“ и *tek'p- „плести; плотничать, строить“.

durba- „восставать(?)“ [durbaie „восставший(?) мятежник(?)“] <*dheur-; ср. др.-инд. dhura „насильственно“, dhaṭī „нападение, ночное нападение“ (от *dhvaṭī „атаковать, нападать“?), лит. padūgtai „буйно, стремительно“²⁰³.

eiršidu- [—eršid(u)-] „поселять, водворять“ <*ertjo- „земельный“ (от *er-t- „земля“; ср. герм. *erþō „земля“ в гот. airþa, др.-ск. jōrd, др. в.-нем. erda) †du- „сделать“²⁰⁴.

erida- „являться(?), приходиться(?), идти(?)“ <*ereī-; ср. арм. (повел.) aṗ „поднимайся! встань! иди!“, лат. orio, -ī „вставать, восходить, появляться; начинаться, возникать, начинаться, возникать, брать начало“, а также гр. ἐρχομαι „приходить, идти“, алб. (аор.) erḗ „я пришел“, др.-ирл. (повел.) eirg „иди!“.

haīu- „захватывать, завоевывать; похищать, уносить, уводить“ [hī- „похищать(?), уводить(?), уносить(?)“; ср. также aia- „находиться“] <*aī-; ср. гр. αἰμαί „брать, хватать, снимать“²⁰⁵.

harharšu- „разрушать“ <*k'erk'er-s- [от *k'er- „ранить, вредить; (непер.) распадаться, рушиться“]; ср. др.-инд. śṛṅgāti „разломает, раздробляет“, ав. sārī- „крушение, разрушение, гибель“, гр. κεραιῶ „разорять, опустошать, разрушать“, тох. А кагуар, В керер „вред, ущерб“ и др. Арм. хагхагеі, хагхалеі „разрушать“. хагхул „развалившийся, разрушенный“ по всей вероятности заимствованы из урартского.

hašia- „прислушаться“, hašu- „слышать, слушать“

²⁰³ Менее вероятно возведение к *turḡ- (с ассимилятивными переходами *t > d), откуда лат. turbo, -age „приводить в волнение, волновать; приводить в беспорядок; тревожить, беспокоить; волноваться, возмущаться“ (turbatur „происходят волнения“), turba „смятение, суматоха, беспорядок; беспорядки, бунт“, turbo, -onis „вихрь, смерч; смятение, смута“.

²⁰⁴ Для формы образования ср. сегі „отдельно, отдельный“ и se(i)-r(i)du- „отделять, выделять, скрывать“.

²⁰⁵ И.-э. корень aī- „давать; брать“ в словаре WP не отделяется от aī- „наступать на... гнать, преодолевать, обижать“ (др.-инд. inoti, invati „наступает на, преодолевает“, ав. aēpah „насилие, злодеяние“), что не лишено оснований. В словаре Покорного они даются отдельно. Можно предположить и конгаминацию в урартском.

<*keu-s-; ср. гр. ἰκνῶω „слышать, слушать, прислушиваться“, гот. hausjan „слышать“.

ḥiṣu- „бросать, выбрасывать“ <*ku-s- [от *(s)keu- „бросать, кидать, стрелять, травить“, встречающийся с распространениями -b-, -bh-, -d-, -ḡ-, -k-]; ср. др.-инд. cōdati, cōdāyati „подгоняет, напирает“, н.-в.-нем. диал. hutzen „подгонять, травить, толкать“, русск. *кидать*; ср. урарт. suldu „выбрасывать, отбрасывать“ (<*skeud-?).

ḥiṣia- „взмолиться(?)“ <*ud-(:*ued-); ср. др.-инд. vādati (прич. udita) „говорит“, vandate, -ti „хвадит, восхваляет, чувствует с благоговением“, хетт. uddaniṣa- „говорить, заговаривать, заклинать, очаровывать“, uttar „слово, речь, разговор, молва“²⁰⁶.

īptu- „скрывать(?), утаивать(?)“ <*pt(o)-(:*pet-); ср. гр. πτῆσσω „пугать, устрашать; со страху прятаться, укрываться, убежать, садиться в засаду“, арм. t'ak'ec'im (аор. t'ak'ec'ay) „скрываться“, t'ak'ec'alem (кауз.) „скрывать, утаивать“.

igbu- „забирать, захватывать“ (ср. игри- приносить в жертву, жертвовать) <*gr- (:*ger-); ср. лат. „хватать, вырывать, выхватывать, отнимать, завладевать, захватывать“, лит. ар-gerpti „хватать, схватывать“.

igidu- „изменять (место)“ <*eg- „двигать(ся), поднимать(ся), двигать(ся) назад“?

īspuiu- „осчастливить(?), облагодетельствовать(?)“ <*sp(h)oi-; см. примеры под īspuiše „счастье(?)“.

īṣti- „выступать, отправляться“ <*sti^y- (*stā-); ср. ašta- „направляться“, uṣṭipte „поход“.

kaḡu- „победить, побороть“ [ср. kurun'/e „могучий, мощный, высокий (о горе)“] <*k'eu-g-(?); ср. др.-инд. śv-āyati „вздувается, становится сильным, мощным“, śūra- „сильный“, ав. sūra- „сильный, могущественный“.

kⁱ/edapu- „посылать, отправлять“ <*kēi-d-: kī-d-; ср. гр. κέειω „гнать“, κινέω „двигать“, лат. cieō, -ēre „приводить

²⁰⁶ Этимология хетт. слов—Стуртеванта. Педерсен сравнивает с др.-инд. api-vatati „понимает“, кимр. dy-wedut „сказать“.

в движение“, cito, -āre „двигать“, гот. haitan „велеть, называть“, арм. օի „отход, переход, перелет, выступление“.

kuīu- „воздвигать“ (с вставлением -g-: kuguīu-, возможно и kusu „воздвигать, строить“) <*k^uoi- (:k^uei-: kušu- <*k^uoi-s-) ²⁰⁷; ср. др.-инд. cinōti, sāyati- „кладет слоями, ставит в ряд, собирает, накапливает, связывает, соединяет, сооружает, воздвигает“, гр. ποιέω „делать, производить, готовить; строить, воздвигать“, русск. *чинить*.

kuīu- „оставлять, покидать, отпускать, забросать“ <*kuī- „пустой“? Ср. quldin¹/e „пустынный(?)“.

kuīuagī- „бежать, сбежать“ <*k^uoi- (:*k^uei-); ср. др.-инд. cāgati „двигается, странствует“, гр. πέλω „двигаться, устремляться“, может быть и герм. hīauran „бежать“ (*k^uei- r-, -b-) ²⁰⁸.

kuīa-, kuīu- „продвигаться к(?), доходить до(?)“ <*keud- (*skeud-); ср. др.-инд. cōdati, cōdāyati „торопит, напирает“, skūndate „спешит, торопится“, ср.-в.-нем. hossen, hotzen „быстро бежать“. русск. *кидать(ся)*.

lakudu- „повредить(?)“ <*(s)leg^u-; ср. гр. λώβη „оскорбление, бесчестие, мучение, обезображение, увечье, повреждение, гибель“, λωβήματα „бесчестить, оскорблять, уродовать, увечить, губить“, лит. slogà „мучение, бедствие, народное бедствие“, латыш. slaga „вред, ущерб, недуг, затруднение“, sluodzit „обременять, давить, бить“ ²⁰⁹.

mapu- „быть, существовать“ <*map-; ср. гр. μένω, μέμνω „оставаться, пребывать“, лат. maneo, -ēre „оставаться“, арм. տրամ „оставаться“, тох. А, В māsk „быть, существовать“.

paḥa- „приходить, восходить (на царское место, на трон)“ (paḥu- „приносить, уносить, уводить“, pupa- „прийти, при-

²⁰⁷ Менее вероятно возведение к *(s)keu- „устраивать, исполнять, совершать“; ср. др.-исл. heuja, др.-англ. hiegan „выполнять, исполнять, совершать“ и др. В этом случае aḥu- (см.) и kusu- восходят к одному и тому же корню.

²⁰⁸ Менее вероятно возведение к *kel-(eu-); ср. др.-инд. kālayati „гонит, приводит в движение“, гр. κέλλω „гнать“, κέλομαι „торопить“, ἵππο-κέλευθος „наездник, ездящий верхом“, лит. kelīauji „ездить“.

²⁰⁹ Менее вероятно сравнение с лат. lacina „впадина, полость; бо-лото; дыра; пробел; ущерб, урон“ из *laku- „накопление воды в яме, луже, озере“.

ходить“) < *nei-(k-?) ; ср. др.-инд. pāyati, ав. paueiti „ведет, водит“, хетт. pai- „направлять(ся); вести, посылать, обращаться(ся)“, паппа- (пеппиа-) „гнать; (непер.) идти, ходить“²¹⁰.

pikidu- „орошать(?)“ < *pig^h- (:*neig^h-); ср. др.-инд. pē-pēk-ti „моет, стирает“, гр. πύω „мыть, умывать“, ирл. pígid „моет, стирает“.

nuldu- „править, управлять“ < [n- = русск. на? Ср. паpаhа „усмирение(?)“] + *ul-dh-? (при *ual-dh-); ср. гот. waldan, др.-в.-нем. waltan, н.-в.-нем. walten „господствовать, царить, управлять“, русск. *владеть, власть, властвовать*.

ragu- „угнать, увести“ < *reg-; ср. др.-инд. rīpartī „переводит, проводит, ведет“, гр. πρῆβω „везти, перевозить“, алб. rriga „приносить, нести, приводить, вести“, гот. fagan „ехать“, хетт. rarḫ-zi „гонит, уводит“²¹¹.

qabqagu- „овладеть(?)“, завладеть(?)“ [qabqayu- „овладеть(?)“] < *kab(h)- или *gab(h)- (*kap-); ср. лат. capio, -ere „брать, захватывать, завладевать“, н.-перс. çapsīdan, çafsīdan „хватать, брать“) + *keg- ? (ср. латыш. kert „хватать, схватывать“).

silua- „быть расположенным (хорошо, милостиво к кому-либо)“ < *sel-u-; см. silunīni „расположенный“.

suidu- „выбрасывать (стрелу со своего места), отбрасывать (войска противника)“ < *skeud-; ср. др.-исл. skjóta, др.-англ. scēotan „бросать, швырять, кидать, толкать, стрелять“, др.-в.-нем. sciozan „стрелять, бросать, кидать“²¹².

sulušti- „пасть ниц“ < *sol- (:*sel-); ср. др.-инд. tsarati „крадется, подкрадывается“, ав. srvant, sgravant „крадущийся, подкрадывающийся“, лит. selū, séletī „красться, медленно ступать“, др.-ирл. *selid „крадется, ползет“, может быть и арм. soḫim „ползать, пресмыкаться“, soḫoskim „лезть: подкрадываться“²¹³.

²¹⁰ Хетт. паппа- является удвоенной формой от pai-, как и, может быть, урарт. пипа- от paha-.

²¹¹ В. Нгозпi, Bogh. St., III, стр. 10, прим. 1.

²¹² Менее вероятно возведение к *suei-d- от *suei- „гнуть, вертеть, быстро двигать“; ср. др.-исл. sveiþa- „бросать, кидать, швырять“, др.-в.-нем. sweiþan „двигаться туда и сюда“.

²¹³ Не исключено, что арм. слова заимствованы из урартского.

su¹/duqu- „отторгнуть, вырывать, отрывать, удалять, устранять“ <*skeut-; ср. др.-ирл. scothaid (*skūtati) „отрезает, отделяет“, лит. skutū, skusti „сдирает, снимает (кожицу и т. д.)“.

šeruiaru- „портить“ <*k'sār-(?) ; ср. гр. σήπω „гнить“, γαπρός „гнойный“, лит. šurū, šupti „гнить“.

šidu- „строить, воздвигать“ [šida(g)ur/e „было построенно“, šidis(i)tu „строить, сооружать“, может быть и šatu „брать(?) ; захватывать; охватывать, обнимать (ноги), занимать (место); приступать (к устройству—šuhi)“] <*sed-; ср. гр. ἕζω „сажать, усаживать; помещать, ставить, устраивать, сесть; воздвигать, строить“, н.-в.-нем. setzen „ставить, положить; устанавливать, воздвигать“, а также гр. ἕδος „сидение, седалище; местожительство, жилище; храм“, ав., др.-перс. hadiš „жилище, дворец“²¹⁴.

šū- „устанавливать, создавать“ [šuhi/e „устройство(?)“; ср. и šau^e/i „правитель(?)“] <*seu-? (šuhⁱ/e <*seu-k-?) ; ср. др.-инд. sūvāti „приводит в движение, возбуждает, оживляет“, ав. hāv- „приводить в движение“, др.-ирл. so(a)id „вертит“, sūa(i)nem „веревка, нить“, хетт. šuāi- „толкать, теснить“, лит. sukū, sūkti „вертеть“.

tañhu- „удалять“ <*tem-(k-?) ; ср. гр. τέμνω (гом., ион., дор. τάρνω) „резать, вырезать, извлекать, отрезать, отрубать“, τμήγω „разрубать, рассекать, разделять, рассеивать“, τέμαχος „кусоч“, лат. temō, -ēre „презирать, отвергать“.

tanu- „делать, создавать, сооружать, <*dēm-; ср. гр. δέμω „строить, сооружать, воздвигать, устраивать, проводить“, а также арм. tun „дом“, tanutēr „хозяин (дома)“²¹⁵.

tašmu- „пленить(?)“ (tašmuše „пленник(?)“) <*des- или *dēs- „находить, выслеживать“(?) ; ср. гр. δῆω „я найду“; др.-инд. abhi-dasati „относится враждебно, преследует, враждует“ считается образованием от dasa-ḥ „раб, враг“²¹⁶.

²¹⁴ šidis(i)tu- <*sedis-+du- „сделать“, с ассимилятивным переходом d>1?

²¹⁵ Ср. также хетт. tanpu- „устанавливать, организовывать, приводить в порядок, подкреплять“, этимология которого не ясна.

²¹⁶ Ср. также др.-инд. dasyati- „чувствует недостаток, тоскует“, норв. диал. fase „слабый человек“, tasma „утомляться“, fasa „лишиться

tequ- „повергать“ <*tek^h-; ср. др.-инд. tākīi „спешит, стремится, устремляется, пускается, стремглав падает“, алб. ndjek „преследует“, гот. þius „слуга, раб“, апаѠиwap „принуждать, порабощать, делать рабом“, хетт. ца-tku-zi „прыгает“.

tegu- „класть, поставить, установить, устроить (сады, виноградники, посевы)“ [tera(g)^h/e „поставленный, установленный“, terdu- „класть, ставить, поставить“; ср. также tara(g)^h/e „могущественный, сильный; много“] <*ter-?; ср. др.-инд. tārati- „переправляет, превосходит, преодолевает“, алб. shtir, sh-tij „переправляю, привожу в действие (движение), затеваю, устраиваю“.

tiau- „сказать, говорить; ср. tini „имя“.

tubardu- „вручать(?)“ <*do-u- (от *dō- „давать“); ср. др.-инд. dā-dāti „дает“ dāvānē „чтобы дать“, dadāu „я дал“, гр. δίδωμι „давать, отдавать, вручать“, (инф. аор. δοῦναι), арм. tam „давать“ (аор. etu), русск. *дать, давать*.

turu- (перед -lie теряет часть -ru- :tulie „разобьет“) ²¹⁷ „разбивать, уничтожать“ <*tor- (:*ter-); ср. гр. τρίβω „тереть, растирать, утаптывать, уничтожить“, кимр. taraw „бить“, др.-брет. torewsit „стер, расстроил, расшатал, истребил, уничтожил“.

ubardudu- „повелевать(?), приказывать(?)“; см. ubarda- dūa „повеление(?), приказ(?), желание(?)“.

uediadu- упоминается в отношении некоторых правителей (царей) завоеванных стран; Г. А. Меликишвили, ук. соч., стр. 410, объясняет как „скоплять“=uedia- „женщина“+du- „сделать“; хотя данное объяснение вероятно, но, имея в виду первичное значение *uedh- „вести, вести домой, жениться“, откуда урарт. uedia(ni) „женщина“, можно толковать uediadu- как „вести домой, пленить“.

uelidu- „собирать“; ср. ueli „собрание(?), отряд(?)“.

сил“, tose „дряхлый человек, человек выбившийся из сил“ и др. из *d-es- от *dā-:dā- „делить, разделять, разрезать, раздирать“.

²¹⁷ Именно поэтому полной формой глагола rītu- „разбить, уничтожить“ надо считать rītugi-, так как часть rītu- встречается перед -lie, и, таким образом, rī—считать префиксом, соответствующим хетт. re- „оттуда“.

ula- „идти“, ulu- „вести(?)“, водить(?)“ [uluštia- „идти во главе(?), предшествовать(?)“] <*ol- (:*el- „гнать, приводить в движение; двигаться, идти“); ср. гр. ἐλάω. ἐλαύνω „гнать, уводить, преследовать, направлять; ехать, путешествовать, доходить, продвигаться“, ἐλθόν (аор. с *dh-) „я пришел“, арм. elanem „выходить“.

ulhu- „повелевать“ <*ul- (:*uel-); ср. лат. volo „желать, решать, устанавливать, постановлять“, умбр. ehvelklu „приказ, указ“, гот. wiljan „желать“, русск. *воля, велеть, повелевать*.

ugri- „приносить в жертву, жертвовать“ [urpue- „жертва(?)“, жертвоприношение(?)“; ср. также igbu- „забирать, захватывать“] <*gr- (:*ger-); ср. др.-инд. gāras- „увечье, повреждение, поранение“, garitā- „жалкий, убогий (поврежденный)“, гр. ἐρέπτομαι „пожирать“, лат. gario „хватать, вырывать, отнимать силой, похищать, подвергать чему-либо, делать жертвой“, алб. gjer „сдирать“, герм. gafisjan „подвергать телесному наказанию“²¹⁸.

ušta- „выступать (в поход), направляться, отправляться“ (uštu- „преподносить, дарить, посвящать, отправлять, направлять“) <*stā-; ср. ašta- „направляться“, ast/du- „превращать, предназначать(?), определять“, istī- „выступать, отправляться“, uštipe „поход“.

zadu- „делать, совершать, создавать, строить“ [zaduše- „совершение(?)“; удвоенная форма от du- „сделать, заставить сделать“] <*de-dh-; ср. др.-инд. dadhāu, dadhimā, ав. (3-е л. ед. ч.) daḍa, гр. τέθειμαι, лат. -didi, оск. pru-ffed, др.-в.-нем. tata и др. (основные формы и значения даны под du- „делать, заставляя делать“).

žasu- „усиливать(?), укреплять(?)“ <*dens-; ср. žase „сила“.

žieldu- „притеснять, угнетать“ <*del-; ср. гр. ὀφλέματι „ранить, калечить, портить, убивать, нарушать, грабить, вре-

²¹⁸ Для значения ср. также хурр. игришпа DÚ „резать“, игришппе „мясник“.

дить“. *βαλλει* „причиняет вред, разрушает“, лат. *doleo*, -ere „страдать; причинять боль“, латыш. *dēlīt* „мучить“²¹⁹.

6. Наречия

§ 91. *absiēi* „прежде(?)“ <*ar-s? ср. лат. *ab-s* „вслед за, после“, гр. *ἄφ* „назад, обратно; вновь, опять“²²⁰.

ada(ni?) „снова“ <*ato-; ср. др.-ирл. *aith-* и (в предударном положении) *ad-* „снова, опять, пере-; от, -у-“ (ср.-кимр. *at-*, н.-кимр. *ad-*, *ed-*), русск. *от*²²¹.

a(i)še(i) „когда-нибудь; всегда“ [*mei a(i)sei* „никогда“], *aše* „когда“ <*ei (ср. гр. *εἰ*, эп.-дор. *ai* „так, если“, русск. *и*, гот. *-ei* „который“) или *e (ср. арм. *e-iʿe* „что; если“) +*s(e)це (ср. лат. *sī* „если, когда“, умбр. *sve, sue* „если; когда“, гр. *ὅς* „как, когда“; ср. также урарт. *šu-ki* „как(?)“.

ali „когда(?)“ [ср. *ali* „который; что, (вот) какой, каковой“]²²² <*ali от *al-, причем от побочной формы этого корня образовано лат. *olim* „когда-то“.

ane „где(?)“, *aniēi* „где-нибудь(?), куда-нибудь(?)“ <*aŋei (местн. п. от *au- „тот“)?

edia „там“ [*edīn(i/e)* „оттуда“] <*ei форма местн. п. от *e-*, *ei-* „тот. он“ + *dhi (частица)²²³; ср. лат. *ibi* „там“, умбр. *ife* „там“ (*i-dhei, i-dhe?*); ср. также хетт. *edi* „ему“ (д. п. ед. ч. от *a-* „он, она, оно“); по ту сторону, прочь“.

²¹⁹ Некоторые исследователи объединяют *del- „кологь, резать“ с *del- „метить, считать; преследовать, коварно вредить“ (ср. гр. *δολω* „ловить, обманывать“, др.-ск. *tāl* „обман, коварство“, др.-в.-нем. *zala* „преследование, гонение, опасность“, *zālon* „вырывать, похищать“, др.-англ. *tōel* „порицание, клевета, насмешка“), считая их распространенными формами *da-: *dā- делить, разделять, разрезать, разрывать“.

²²⁰ Менее вероятно сравнение с лат. *ab-s*, *op-s* „к, перед, вследствие“, гр. *ἄφ*, эол. *ἄψ* „потом, после“ из и.-е. *op-s.

²²¹ Менее вероятно сравнение с др.-ск. (срав. ст.) *epdr*, *epn* „прежде, снова; после“ из *anta.

²²² Для развития значения ср. арм. диал. *vor* (др.-арм. *ot*) „который; что; когда“.

²²³ Данное наречие схоже с оконч. наир. п. *-i(i)di*. однако последнее, по-видимому, восходит к *de (=гр. *-δε*).

iu „когда“ <*to- (основа относ. местоимения: др.-инд. yās, yā, yād, ав. yo, гр. ὅς, ὅ, ὅ „который“, может быть и лит. jei, гот. jabai „если“)²²⁴.

išti-ni „там“ (ištinī-ni „оттуда“) <*i-s „тог, он“ + *tei (мест. п. от *to-); ср. лат. is-tī „там“ (*is-tei, местн. п. от iste „тог“).

šeri „отдельно“ [se(i)r(i)du „отделять, выделять, скрывать“] <*se(ue)-rī ?[от *se, *s(e)ue- первоначально „в стороне, раздельно, отдельно, для себя“, затем возвратное местоимение]; ср. лат. se(d) „без; себе; в стороне, в сторону“ (как присавка выражает отделение, устранение), гр. ἰδίος (*ueidios) „свой, собственный, частный, арм. iur (*seuego- или seçogo-) „свой“.

7. Предлоги и послелог

§ 92а) Предлоги:

ka(i), kani „перед“ [ka(i)uki передо мной, ко мне“] <*ka, *kom; ср. др.-инд. kām (ставится после дат. п., образуя dativus commodi и finalis), ст.-сл. къ(п) „к“, русск. к, ко²²⁵.

ra(i)e „до, к“ <*re(i) (местн. п. от *per); ср. др.-инд. ra(i) „через; напротив; с“, ав. ra(i), др.-перс. ra(i) „впереди, через; с“, гр. περί, περί „вокруг; из-за, ради; у, при“; ср. также хетт. ra(i)na(n) „через, по ту сторону“, ra(i)an „перед, к“, арм. ar „у, при; к“, русск. при, перед и др.

б) Послелог:

edīa „к, в направлении к“ (edīni „из, от, из-за, ради“, īni edīni, īnukani edīni, īkukani edīni, īkukahīni edīni „потом, впоследствии, вслед за тем“) <*ei-dī-; см. edīa „там“ (наречие; для значения ср. др.-инд. ādhā „затем, потом, после

²²⁴ Для развития значения ср. арм. диал. vor (др.-арм. or) „который; что; когда“.

²²⁵ Менее вероятно возведение к *kom „у, при, с“.

того, впоследствии, для этого, ради этого, поэтому“, ав. *ada*, *aōa* „затем, потом, после того; и; так...“, образованные из того же корня).

ištine „к, для“ < **is-tei-*; см. *ištini* „там“²²⁶.

kaī „перед“, *kaipi* „спереди“ < **kā*, **kom*; см. *ka(i)*, *kaipi* „перед“ (предлог).

pī „под, под условием(?)“ < **po-*; ср. русск. *по*, *по-ō*²²⁷.

8. Союзы

§ 93. *eaī*, *eia*. *e'a* „и, также, а также, как“ (*eaī—eaī* или *e'a—e'a* „и—и; или—или; будь то—будь то; как—так“) < ?*īai* (какое-то образование от местоименного корня **e-*, **ei-*, **i-*); ср. гот. *jaī* „да, именно, так, действительно“, н.-в.-нем. *je* „когда-нибудь, по и т. д.“ (*je-je* „чем-тем“), хетт. *ia* „и“ (*ia—ia* „и—и, как—так“, тох. А *yo*, В *wai* „и“, русск. *и* и др.

mei „но“ < *(*s*)*me*²²⁸; ср. хетт. *ma-* „но“, лит. *me* „и, дальше, затем“²²⁹.

šuki „как(?)“, когда (?-Г. Д.) < **šuo-* „так; как, когда“ [от **se-*, **s(e)ue-*] + **k'e*; ср. гр. *ὅς* (*Fos* < **šuo-s*) „так“, оск. *svai*, *svae*, умбр. *sve*, *sue* „когда“, др.-лат. *sō-c* (=урарт. *su-ki*), лат. *sī* (из формы местн. п. **sei*), *sī-k* „так“, гот. *swe* „как“, *swa*, др.-в.-нем. *sō* „так“; о частице *-ki* < **k'e* см. в разделе частиц.

²²⁶ Ср. и *-ašte-* оконч. напр. п. мн. ч. и *aštani*—какое-то местоимение.

²²⁷ Менее вероятно возведение к **pī* (**epi*) „за, позади“. Среди послелогов урартоведы рассматривают и *-šī/e* „в“, однако, по-видимому, это слово является не послелогом (с местным п), а указательным местоимением из **tjo-* „тот“; значение „в“ выражается формой местного падежа на *-a*.

²²⁸ От местоименного корня; ср. кимр. *ma* „этот“, др.-ирл. *ma* „если“, хетт. *ma-p* „как; в случае, будто“, *maḥpan* „когда“. Данный корень сохранился в урарт. *ma-pi* „он“, *ma-sī/e* „свой“ [из *(*s*)*mā*, побочной формы *(*s*)*me*].

²²⁹ Г. А. Меликишвили отождествляет с *me(i)* „пусть не“, что менее вероятно.

9. Частицы

§ 94. *ge, gi* (*gi, gi-i, gi-e, gi-e-i*)—энклитич. частица, употребляемая для усиления предшествующего слова—отрицания (—Г. Д.)²³⁰ <*ghe [ḡg̃(ḡ)je] или *g̃(ḡ)j̃: ср. др.-инд. *gha* (*gho), *ha* (*ghe), гр. *χι* (οὐ-χι = урарт. *uḡieḡ*?), русск. *же*.

-ki [*v̄ḡu-ki* „как(?)”, когда(?)“] <*k̃e; ср. гр. *κα* лат. *-se, -c* (носсе „этот”, *sī-c*, др. лат. *so-c* „так”), гот. *-h* (*sa-h* „этот”), лит. *-š* (*eik-š* „иди сюда”). Ср. также урарт. *i-ki* „тот”, *u-ki* „мой”, восходящие к тому же корню.

ku¹/e „же, даже (усилит. частица); также, а также (в значении союза)“ <*k̃e; ср. др.-инд. *sa*, ав. *ṣa*, др.-перс. *ṣa* „и” (энклитич. частица), фриг. *κα*, гр. *κα*, лат. *que* „и, же” (урарт. *me kuḡ=лат. ne-que*, гот. *ni-h* „и не”).

me(i) „пусть не” (запретительная отрицательная частица) <*m̃e; ср. др.-инд., ав. др.-перс. *ma*, гр. *μή*, арм. *մի*, тох. В *ma* „не, пусть не, чтобы не”.

ri (в *aliri :ali—aliri* „некоторые—некоторые, один—другие“) <*re?; ср. гр. *περ* (*περ* „именно”), лат.-ре (*quis-ре* „ибо”, *quis-ri-am* „кто-нибудь, какой-либо”), лит. *-r* (*kai-r* „как”).

uḡ/ue „не” (отрицательная частица); ср. гр. *οὐ* „не”²³¹.

²³⁰ По Меликишвили: „что-нибудь”, по Гетце: „когда-нибудь, когда-либо, всегда”, причем мнение Гетце оспаривается Меликишвили, ук. соч., стр. 394—395. Наша интерпретация оправдывается как по контексту, так и этимологически (ср. урарт. *uḡieḡ=гр. οὐ-χι*).

²³¹ Греческое слово не имеет достоверной этимологии. Некоторые сравнивают его с арм. *o-s* „не”. Так, например, У. Кауджил, „Language”, 1960, № 3, стр. 347—350, арм. *o-s* вместе с гр. *οὐ-χι* выводит из **oḡu-k¹id* (**oḡu-* при **aiu-*, **aiu-* „жизненная сила, век, вечность”).

УРАРТСКИЙ, ХУРРИТСКИЙ, ХАЙАССКИЙ, АРМЯНСКИЙ

§ 95. Вышеприведенный сравнительный анализ лексики и фонетического и грамматического строя урартского языка выявил большое количество общих черт с индоевропейскими языками. Однако, если все это дает нам основание говорить о родстве урартского языка с индоевропейскими, то мы не можем с той же уверенностью говорить о родстве хурритского и индоевропейских языков, хотя в последнее время почти все ученые склонны признать их близкие родственные связи. Дело в том, что в области изучения урарто-хурритских языковых связей еще много пробелов, и это не только потому, что ученые мало работали в этом направлении. С одной стороны, налицо большое количество общих слов и даже словообразовательных и словоизменяемых морфем. С другой стороны—разительная разница в фонетическом строе, явное несовпадение таких важных категорий слов, как имена числительные, названия родственных отношений и т. д., невозможность привести к общему знаменателю многие грамматические особенности. Именно так обстоит дело и в области изучения индоевропейско-хурритских отношений. Несмотря на явные совпадения между хурритским и урартским в тех случаях, для которых мы установили урартско-индоевропейские соответствия, все же имеется много расхождений. Окончательное решение всех этих вопросов—дело будущего. Ниже мы приводим те элементы хурритской лексики и грамматики, которые совпадают с урартскими словами и морфемами, имеющими индоевропейское происхождение.

Слова. --а) *Имена существительные*: урарт. eban „страна“ (<*ē+*bhān или *ē+*bhen-nī)—хурр. imin „страна“²³²; урарт. hare „дорога“ (<*gē)—хурр. har „дорога“; урарт. hurati „воин“ (<*kor—хурр. hurati „воин“; урарт. pili „канал“ (<*belo)—хурр. pala „канал“; урарт. rišūše „радость“ (<*rek'io)—хурр. ris „радоваться“; урарт. sila „дочь“ (<*sē-la)—хурр. šala „дочь“²³³; урарт. salī „год“ (<*saue-lijo)—хурр. savala „год“; урарт. taše „дар, подарок“ (<*dā-s)—хурр. taše „дар(?)“; урарт. tarsuani „человек“ (<*irsuā)—хурр. tarsu(u)anni „человек“; урарт. tinj „имя“ (<*dei-no-? или *dhe-no-?) и ti(a)u „говорить“—хурр. iini „слово“; б) *Местоимения*: урарт. iēse „я“ (<*eg'+se)—хурр. isaš „я“; урарт. ma-ni „он, его“ (<*ma+no)—хурр. -ma, -me „его“; урарт. uli(e) „другой“ (<*oio)—хурр. uli „другой“; урарт. aini(ei) „кто-нибудь“ (<*aino- или *oi-no-?)—хурр. aenne/a „кто-нибудь“²³⁴; урарт. iu „когда“ (<*io)—хурр. ia-/ie—относит. местоимение; урарт. šiini (<*som-? или *sue-?) „весь(?)“; урарт. sue(ne) „весь, все“; в) *Глаголы*: урарт. agu- „уводить (пленных); проводить (канал)“ (<*ag'-)—хурр. ak- „вести, проводить“; урарт. aḫi- „давать“ (<*ag-)—хурр. ag- „давать“, ardu- „давать, преподносить“ (<*ag-dh)—хурр. ardi „подарок“; урарт. durba- „восстановить(?)“ [<*dheur-? или *turb-]—хурр. dururi „волнения, беспорядки“; урарт. haṣu- „слушать; услышать“ (<*keu-s)—хурр. haš „слушать, слушать“; урарт. tapu (<*men-) „быть, существовать“—хурр. tap(n) „быть, существовать“; урарт. tapu- „делать, создавать, сооружать“ (<*dām-?)—хурр. tap „делать“; урарт. игри- „жертвовать,

²³² Урарт. -b- и -u- в хурр. может соответствовать -m- (ср. eban—imini, šiini (бог солнца)—šimigi).

²³³ Соотносительные пары pili—pala и sila—šala говорят о том, что в хурритском, в отличие от урартского, *e перед l переходит в a.

²³⁴ Соотносительные пары salī—šavala, aini(ei)—aenne/a, ase—ases (см. ниже) говорят в пользу контракции в урарт. группы -aie- в a, с сохранением ee в хурритском. Если хурр. группа aie действительно является первичной (но ср. урарт. -li(e) < *lio- и хурр. leia), то этимологию урарт. слов следует пересмотреть. Для хурр. aenne/a и ases ср. хетт. iag „как“ и ia(r) „что“ (оба слова неясного происхождения).

совершать жертвоприношение“ (<*gr-:*ger-)—хурр. ирритма DÚ „резать“; г) *Наречия, послелог, частицы*: урарт. aše „когда“ и aišei „когда-нибудь“ (<*ei-sei)—хурр. ašes „когда(?)“; урарт. edini (послелог) „для, ради, из-за“ (*e-de-?)—хурр. edi (eti, ede—предлог) „для, ради, из-за“; урарт. u/ue „не“ (<*oiu?)—хурр. uđa „не“²³⁵.

2) *Морфемы*.— а) *Словообразовательные*: урарт. -še (<*s-)=хурр. -še; урарт. -hi (<*k-?)²³⁶—хурр. -he; урарт. -ni (<*no-, -ni-)-хурр. -ne; урарт. -a(i)e (<?)—хурр. ae; урарт. -ul- (глагольный суффикс)—хурр. -ul; б) *Словоизменительные*: урарт. -š(e), мн. ч. -a-se (оконч. эрг. п.) [<*s-, *(e)s]—хурр. -š, мн. ч. -sus; урарт. -ni (опред. артикль, оконч. „оформленного“ падежа)—хурр. n-; урарт. -ue (оконч. род. п. мн. ч. (<?))—хурр. ue; урарт. -ue оконч. дат. п. мн. ч. (<*bh-)-хурр. -ua; урарт. -a (оконч. местн. п.) (<?)—хурр. -a; урарт. -e/idi и -ašte (оконч. напр. п.) (<?)—хурр. -da-, -šta; урарт. -di (оконч. 1-го л. ед. ч. непереходн. гл. (<*t-ī или *t-ai)—хурр. -tta; урарт. -li (оконч. 3-го л. мн. ч. неперех. гл. (<?))—хурр. -lla (употребляется и как слово в значении „их“); урарт. -bi (оконч. 1-го л. ед. ч. перех. гл. (<*u-ī или *u-ai)—хурр. aff (или -au); урарт. -li(e) (оконч. сослагат. будущего) (<*lo-)-хурр. -leuə; урарт. -i/e (оконч. 2-го л. ед. ч. повелит. накл.) (<*e)—хурр. -e/i; урарт. -itu (оконч. 3-го л. мн. ч. повелит. накл.) (<*etu?)—хурр. -idu.²³⁷

Кроме вышеприведенных лексических совпадений между урартским, хурритским и индоевропейскими языками можно указать на ряд хурритско-индоевропейских параллелей:

²³⁵ Имеются и общие названия богов и богинь: урарт. Šuini (бог солнца)—хурр. Simigi; урарт. Tešeba (имя бога)—хурр. Tešub; Haba (богиня)—хурр. Heba.

²³⁶ Хотя явно совпадение с лик. -hi, восходящим к оконч. род. п., но в урарт. не наблюдается переход *s>h.

²³⁷ Итоги сделанного в области изучения урартско-хурритских параллелей подводятся в следующих работах: Г. А. Меликишвили, *Ук. соч.*, стр. 89—92; J. M. Diakonoff, *A Comparative Survey of the Hurrian and Urartean Languages*, „Paper for the XXIV International Congress of Orientalists“, Moscow, 1957. См. также В. G. Warren, *JAOS*, 1960, № 2, стр. 102—104.

ai- „присутствие; перед; если, ли, разве“ <*ei-: ср. гр. *ei*, гр. диал. *ai* „если, если бы, ли“ и др.

aggu „один из двоих; один—другой“ <*an-ghó; ср. лит. *angu* (*an-gho) „или“, др.-прус. *anga—anga* „ли-ли, или-или“ и др.

ammati „дед; предок; старейший“ <*amma- (Lallwort): ср. гр. *ἀμιάς. ἀμμία* „мать“, лат. *amicus* (*amī- „друг“, *amīta* (*amī-) „тетка по отцу“, др.-в.-нем. *amma* „мать, кор-милица, мамка“ и др.

ān- „и“ <an; ср. гр. *ἄν*, лат. *an* „ли, или, неужели“, гот. *an* „же“ и др.

anti „тот, упомянутый“ <*antios (от *anti: др.-инд. *anti* „напротив, впереди, близко“, арм. *and* „там“, гр. *ἀντί* „против, вместо“, лат. *ante* „перед, впереди“, хетт. *ḥanti* „спереди, особенно“ и др.); ср. гр. *ἀντίος* „противоположный, встречный“ и др.

āppli „колодец“ <*er-en-? ср. др.-инд. *āpā-* „волнующийся; волна, поток“, *pā-* „впадающий в реку, текущий“, гот. *pippan*, *paip* „течь, струиться, бежать“, др.-англ. *gype* „бег, течение, река“, ирл. *piap* „море“ и др.

artarten(nu)tu „locatio operis“ <*ar-t- или *rt-; ср. арм. *ard-* „строй, форма украшения“ и др.

ašti „жена, супруга“; ср. ав. *-ašti* „друг“ (в иранских личных именах)²³⁶.

atī „так“ <*au-ti (?); ср. ав. *uiti*, гат.-ав. *uiti* „так“, гр. ион. *αὔτις* „на месте, там“ и др.

attai „отец“ <*atta (Lallwort); ср. гр. *ἄττα* „папа, отец“, гот. *atta* „отец“, русск. *отец* и др.

au- „смотри“ <au-; ср. др.-инд. (*ud-*, *pra-*)*avati* „внимательно смотрит, рассматривает“, хетт. *uḥḥi* „смотрю“, ав. *aušzi* „смотри“ и др.

aue „какой-нибудь, какой-либо, какой-то“ <*au-: ср. др.-инд., ав., др.-перс. *ava-* „тот“, ст.-слав. *овъ—овъ* „один—другой“ и др.

edi-ni „он дал“ <*e-dot (?); ср. арм. *et*, др.-инд. *adat* „он дал“ и др.

²³⁶ F. Justi, *Iranisches Namenbuch*, стр. 486. Г. Капанцян сравнивает с арм. *astel* „свататься“, *astoł* „сватающийся, жених“.

henni „теперь, сейчас“ <enei(?) (от *eno-; ср. др.-инд. anéna, anāya „этим“, умбр. ene, enem „тогда“ [при epo(m), eppom], хетт. appiš „тот“, appišan „когда-то“ и др. (ср. также урарт. in)).

hīaruḥhi- „золото; золотой“ <*kei-; ср. др.-инд. syéṇī (*k'iei-) „светлый, белый, красноватый“.

hīl- „сообщать“, hīlīsu- „он говорил“ <*kel-; ср. гр. κλέω „звать, называть, именовать, призывать“, лат. calo, -are „звать, созывать“, лит. kalbà „язык“.

hīnzuri „яблоко; яблоня“ <*kendo-; ср. др.-инд. kanda- „ком“, kandúka- „мяч, шар“, гр. κούρολα „опухоль“, лит. kānduolas „зерно, ядро“ и др.²³⁹

hīnzuri=угарит. hnzr (Гетце) „девушка“ <*ken-; ср. др.-инд. kapuá, род. мн. ч. kapīnam, „девушка“ и др. (ср. также урарт. hīni „сын“).

hīšūḥ „обижать, оскорблять“ <*k'es-; ср. лат. castigo, -are „порицать, бранить, упрекать, наказывать“.

hūbrušhi (сосуд; „миска?“) (= хетт. huprušhi „миска?“, угарит. hbrs) <*kupro-(?); ср. гр. κύπελλον „чаша, кубок“, лат. cūpa „бочка, кадка“ и др.

hūri „ночь“ <*kūgo- [от *(s)keu-]; ср. лат. obscurus „темный“, др.-исл. skūmi „сумерки“, hūm „полумрак, сумерки“ и др.

hūrubbi „шпага(?)“ <*krop- или *krob- [от *(s)ker-]; ср. др.-инд. kṛpā- „меч“, kṛpāṇī „ножницы; кинжал“, гр. κρῶπιον (*krop-) „серп“, ср.-ирл. corpan (*korp-) „серп“ и др.²⁴⁰.

hutan „счастливая судьба“ <*k'eu-t-; ср. др.-инд. śva-tā- „успешный, процветающий, сильный“ и др. (ср. также урарт. kulme).

hute- „отмечать; писать“ <*(s)keu-t-(?); ср. ср.-ирл. scothaid (*skutati) „отрезает“ и др.

inu- „как“ <i*-no-; ср. др.-инд. nā (*ne) „как“, др.-лит. ne „как“, лит. pėi, польск. pi (*ne-i) „как“ (ср. также хурр.-пип „право, поистине“?).

²³⁹ Из хурритского заимствовано арм. хոյոգ „яблоко“.

²⁴⁰ Хуррит. слово сравнивают, хотя с сомнением, с др.-евр. hereb.

gnih- „посылать, отправлять“ <*eg-ni-; ср. др.-инд. ṅpōti, ṅpātī „поднимается, двигается“, гр. ὀρῶμι „поднимать, побуждать“, арм. у-агпет „подниматься“, хетт. агпи- „двигать, доставлять“ и др.

ištani- „середина, друг друга“ <*sta-no-(?); ср. др.-инд. sthana, ав., др.-перс. stana- „стоянка, место“, русск. *стан* и др.

itt- „итти“ <*ei-t-; ср. др.-лит. eiti, русск. *итти* и др.

makanni- „подарок, дар“ <*magh-; ср. др.-инд. magha- „мощь, сила, богатство, дар“, арм. mar-tʿankʿ (*mag-thra) „вспомогательное средство, пособие“ и др.

-man „но, а, между тем“; ср. хурр. -ma-, урарт. mei „но“.

midisu- „он платит“ <*med-; ср. гот. mitan, др.-в.-нем. mezzan „мерить“, др.-исл. meta „оценивать“, др.-англ. mot „сдача, пошлина“, гот. mota „пошлина“ и др.

namiša- „он снял, взял напрокат, в аренду“ <*nem-; ср. гр. νομίζω „иметь обычай; употреблять, пользоваться; перенимать в качестве обычая, усваивать, заимствовать“, гот. niman „брать“, лит. piõta „арендная плата, аренда“ и др.

rahiṅ (rahi) „хороший“ <*rekʰ-; ср. гот. raigs „голый, подходящий“, др. исл. raḡg, др.-англ. faeger „красивый“, и др.²⁴¹.

rališu- „он говорил“ (ср. также ral- „спрашивать, судить?“) <*(s)pel-; ср. тох. rāl-, rāl „хвалить“, арм. aḡa-spel „легенда, миф, сказание, загадка“, гот. spillon „возвещать, проповедывать, сообщать“, spili „рассказ, сказание, басня“, др.-англ. spellian „говорить, рассказывать“, ср. в.-нем. spellen „рассказывать, говорить, болтать“ и др.

šali- „дом“, šaianni [*šalan(e)n-niʔ] „храм“ <*seli- (от *sel-; ср. ср.-в.-нем. sal „жилище, зал“, лангоб. sala „двор, дом, здание“, др.-сакс. seli „жилище, зал, храм“ и др.

šaiṅani „кольчуга“ <*seḡo-; ср. гот. saḡwa, др.-в.-нем. saro „вооружение“ и др.

²⁴¹ Но ср. рi- = урарт. piḡuse „радость“ (заимствование того же корня из какого-либо и.-е. языка сатемного характера или смягчение вследствие последующего *-i-).

śitti „вместе“ <*sm-to- (от *sem-); ср. др.-инд. sa-hā-sadhā, satra „вместе“ в др.

seja- „вода; река“ <*sei- „капать, течь, струиться“²⁴².

šena- „брат“ <*sue-n-; ср. лит. svainis „брат жены“ и др.

sitta (sinta) „семь“ <*septm(?); ср. хетт. šipta, др.-инд. sapta, арм. eut'n, гр. ἑπτά, лат. septem „семь“ и др.

su „я“ <*so-(?) ср. др.-инд. sā, sah „этот“ и др. (ср. также урарт. iši).

šuka- „вдоль, по“ <*sok^u- (от *sek^u-; но возможна ли делабиализация в хурритском?); ср. др.-инд. sākām „вместе с, рядом“, sāsā „вместе с, у, перед лицом“, haciti „сопровождение“ и др.

šuramašt- „ускорять, торопить“ (ср. также šurumma „немедленный, безотлагательный“) <*sor-(.*ser-); ср. др.-инд. sīsarti, sārati „течет, спешит, преследует“, гр. гом. ῥόρα: „быстро двигаться, спешить, торопиться“ и др.

daki „очаг“ <*dheg^h-hios; ср. др.-инд. dāhati, ав. dažaiti „жжет, сжигает“, лат. foculum „жаровня“, focus „очаг“ и др.

teulae „чрезвычайно, много“, teunae „много“ <*teu-l-, *tēu-n-; ср. др.-прусс. tūlan „много“ и др. (ср. также урарт. atibi „десять тысяч“).

tīhan- „передавать“ <*dhē-k-; ср. лат. facio „делать, действовать, предоставлять“, хетт. dakkešzi „делает, представляет, ставит“ и др.

turr- „быть сильным, обширным, мощным, равным“, tubue „сильный“ <*tū-ph-, *tū-bh- (от *teu-; ср. хурр. teulae, teunae); ср. др.-инд. tavīti „силен, мощен“ и др.

duruhhi- (trh-) „мужской“ <*tū-ro- (от *teu-; ср. хурр. teulae, teunae, turr-, tubue); ср. гр. τί-τιρος „козел, сатиρ“, ταῦρος, лат. taurus „бык“ и др.

tučenni [tuue-(e)n-ni] „божественный стол“ <*dočen- (от *dou- „почитать“)²⁴³.

²⁴² Данный корень засвидетельствован в разных и.-е. языках только с формантами *-l-, *-m- и др.

²⁴³ Ср. также лат. divinus „божественный“.

tuəlan „бить“ <*dheubh-; ср. герм. *đub-* „бить“ и др.
urhi „истинный, верный“, urhupī „остаться верным“
<*ur- (при *ueg-); ср. гр. *ερίηρος* „задушевный, верный. пре-
данный“, русск. *вера, верный* и др.

це „ты“; ср. и.-е. *ces „вы“.

ues „происходить, случаться“ <*ues-; ср. др.-инд. *vāsati*
„задерживается, живет, ночует“, арм. *goy* „есть, имеется,
существует“, гот. *wisan* „быть, существовать, находиться,
оставаться“ и др.

cutki (putki) „сын, дитя, ребенок“ <*cut-ko- (от *uet
„год“ в образованиях, обозначающих годовалых, молодых
животных); ср. др.-инд. *vatsā-* „годовалое животное, теле-
нок“, *vatsakā-* „теленки“, алб. *vjetë* „теленки“ и др.

zallati- „сдержанный, медленный, медлительный“ <del-;
ср. лит. *delsti* „медлить, колебаться“.

zariam (=sarjani) „кольчуга“ <*der(i)-; ср. гр. *δέρρις* „ко-
жа (для защиты от метательных снарядов)“, *δερμά* „кожа“
и др.

Наличествуя и слова, и.-е. происхождение которых
не вызывает сомнения, хотя звуковое оформление вызывает
трудности (заимствование из какого-либо и.-е. языка са-
темного характера?). Ср. *išši(ia)* „лошадь“ (?) <*ek'uija; ср.
др.-инд. *āsva-h*, ав. *aspa*, др.-перс. *asa-* „лошадь“, др.-инд.
aśv(i)ya-, ав. *asrua-*, гр. *ἵππος* „лошадиный“, лит. *ašvienis*
„жеребец“, арм. еж. род. *išo* „осел“ и др.²⁴. Ср. также
гр. *ὄνος*, лат. *asinus* „осел“ и др.

§ 96. В своей статье, посвященной хайасскому языку²⁵,
мы говорили о хайасско-урартских совпадениях и.-е.
происхождения. В настоящее время, когда выявлено мно-
го урартских корней с и.-е. параллелями, можно подвести
итоги: урарт. *aišti-* „прыгать“—хайас. *aiš-* (*Aiššiaš*); урарт.
hai- „захватывать, завоевывать, уносить, уводить“—хайас.
hai- (*Haiaša*); *gazuli* „красивый, хороший, отличный“—хайас.

²⁴ Хурритское слово считается заимствованием из индийского
(ср. Н. Otten, *Zur grammatikalischen und lexikalischen Bestimmung
des Luvischen*, Berlin, 1953, стр. 25), но наличие *i-* на месте индийского
a- делает данное предположение сомнительным.

²⁵ „Archiv orientální“, 1961, № 3.

Gazu; урарт. *muṣi* „истинный“ (<*meu-tio)—хайас. *Mutti-*; урарт. *raḥ'an/e* „бык, крупный рогатый скот“ (<*pek'-) -- хайас. *rahu* (*Paḥḥuteia*); *raḡu-* „угонять, уводить“ и *raḡ/e* „до, к“ (<*per-)—хайас. *raḡ(r)-* (*Paḡraia*); урарт. *patari(e)* „город“ (<*pet-)—хайас. *pat-* (*Pateu-*); урарт. *silua-* „располагаться (хорошо, милостиво к кому-либо)“—хайас. *sil(l)-* (*Šillili-* или *Šilluli-*); *tanu-* „делать, создавать, сооружать“ (*dēm- от *dem-)—хайас. *tam-* (*Tamatta*); урарт. *ṣaniše* „удовольствие(?)“; победа(?)“ (<*uepi—хайас. *Ṣanniš*.

§ 97. Между урартским и армянским языками можно вскрыть три слоя лексических совпадений: 1) общеиндоевропейские, 2) армянские заимствования из урартского языка и 3) урартские заимствования из армянского языка (языка арменов).

Как показал сравнительный анализ урартского языка, близких родственных связей между армянским и урартским в этом отношении не наблюдается. Армянский относится к урартскому языку примерно так же, как остальные языки *saḫem*.

Выше было указано на возможность заимствований из армянского языка в тех случаях, когда урартские слова имеют и.-е. параллели, но отражают особенности сатемного языка. Было указано также на возможность заимствования таких слов, как урарт. *Arsibini* (имя коня) <*arçivi при др.-арм *aḡsi* „орел“ (<*r̥girdo-) и др.

Более многочисленны армянские заимствования из урартского языка²⁴⁶: арм: *aveli* „больше, у-avelum „прибавлять“ <урарт. *abili-du* „присоединять, прибавлять“ (<*obhel-); арм. *babaḡ* „холм“ <урарт. *baba* „гора“; арм. *lurgn*, род. *brgan* „башня, пирамида“ <урарт. *burgana* „крепость (?)“; -*evan* (в географических названиях) <урарт. *ebani* „страна“ (<*ē-bhuanī?); *auri-ord-* „девушка (знатного происхождения)“ (для -*ord* ср. *ordi* „сын“) урарт. *euḡi* „господин, владыка“; арм. *xaḡxaḡ-em* „приводить в упадок,

²⁴⁶ Значительная часть нижеследующих урартско-армянских совпадений выявлена Г. Капанцянном, но без необходимой дифференциации и без указания на заимствованный характер армянских слов и корней.

делать шатким" < урарт. *ḥarḥaršū-* „разрушать“ (< *k'erk'er-s-; арм. *katorem* „разрубать, рубить на куски“ < урарт. *cuṭura-* „разрубать(?), рубить на куски(?), разбивать(?)“²⁴⁷; арм. *hovit* „долина“ < урарт. *ḥubī* „долина“; арм. *p'xig-* „хрупкий“ (при *p'sur* „крошка“) < урарт. *i-rḥu-* „разбивать, ломать“; арм. *raḥ-gē* „крупный рогатый скот“ < урарт. *raḥ-inī* „бык, крупный рогатый скот“ (< *pek'-); арм. *soṭ-im* „ползать“ < урарт. *sul-uš'i-* „пасть ниц“; арм. *sius* „загороженное место для охоты(?); храм(?)“ < урарт. *susi(e)*—название какого-то вида культового сооружения (< *skeu-skio-?); арм. *sov*, род. *covu* „море“ < урарт. *ṣue* „озеро; море(?)“²⁴⁸; арм. *saṇ* „котел“ < урарт. *ṣanī* „сосуд“ (< *sem-ni-?); арм. *ṣert* „полоса“ < урарт. *ṣer(i)du-* „отделять, выделять, скрывать“; *t'iv* (в выражении *t'iv asel* „декламировать, говорить стихами“) < урарт. *ti(a)u-* „сказать, говорить“²⁴⁹; арм. *giuṭ, geuṭ*, род. ед. ч. *geṭṭ*, мн. ч. *giuṭ-i-ṣ* „деревня“ < урарт. *ueli* „собрание(?), отряд(?)“ (< *uel-); арм. *uṭ*, род. *uṭu* „верблюды“ < урарт. *uṭu(ni)* „верблюды“ (< ассир.)²⁵⁰.

²⁴⁷ Н. В. Арутюнян, Новая клинописная таблетка из раскопок Гармир-блуга, „Festschrift Johannes Friedrich“, Heidelberg, 1959, стр. 43.

²⁴⁸ Если арм. *sov* восходит к и.-е. *g'obho-, то следует урарт. слово считать заимствованием из армянского.

²⁴⁹ Возможно, однако, что арм. слово связано с *t'iv* „цифра“.

²⁵⁰ Обычно указывают и на такие урартско-армянские совпадения, как ^{G15} *sur(g)¹/e(ni)* „оружие“(?)—*sur* „меч“, *zar¹/e* (*zar¹/e*) „(фруктовый) сад, роща“—*saṛ* „дерево“, *suh¹/e* „устройство(?)“—*suk^r* „блеск, великолепие“, *uṣgi(ni)* „сила?“—*uṣgin* „сильный, сильно“, *ul¹/eṣe* „другой“—*uṣis* „другой“, *uṭa-* „идти“—*uṭi* „путь, дорога“. Однако характер этих совпадений не ясен. 1) Первые три арм. слова возводятся, как известно, к и.-е. корням, причем, во-первых, отражают особенности языка *satəm* (*sur* < *k'o-go-, *saṛ* < *g'iso-, *suk* < *k'uo-ko-), во-вторых, склоняются, как основы на -o-, между тем как при заимствованности из урартского имели бы основы на -i- и, в-третьих, урарт. слова ^{G15} *sur(g)¹/e(ni)* и *zar¹/e* имеют вполне закономерные и.-е. параллели, отличные от армянских. 2) Арм. *uṣgin* образовано от *oiṣ* „сила“, заимствованного из пехл. *oṣ*. 3) Арм. *uṣis*, во-первых, на месте урарт. -l- имеет -g-, во-вторых, более древней и обычной его формой является *ogos* со значением „определенный, отдаленный“, которое менее соответствует значению урарт. слова. 4) Арм. *uṭi* восходит к и.-е. *u-l-* (от **eu-l-*) „труба, продолговатая полость“, по своему значению далеко стоящему от урартского глагола.

Влияние урартского языка на армянский наблюдается и в области фонетики и грамматики. Ударение на предпоследнем слове в протоармянском, преобладание в ед. ч. основ на -i- и во мн. ч. основ на -a-, обилие основ на -n, потеря различия в долгих гласных, тенденция к закрытию неударных слогов, появление после гласных a, o, e этимологически необъяснимой конечной гласной (если не имеет место действие аналогии) и т. д.,—во всем этом, по-видимому, сказывается урартское влияние.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 98. На основании проведенного сравнительно-исторического анализа урартского языка можно прийти к некоторым основным выводам.

1) И.-е. элементы в урартской лексике и грамматическом строе являются явно подавляющими. Если даже отбросить этимологии не совсем убедительные, все же останется большое количество общих корней, суффиксов и окончаний, в „индоевропейности“ которых сомневаться нельзя. И хотя мы не имеем еще полного представления об основном лексическом фонде урартского языка, тем не менее можно указать на большое количество важнейших слов, индоевропейские параллели которых не вызывают сомнения. По нашему глубокому убеждению, дальнейшие исследования приведут к еще более убедительным результатам в области выявления индоевропейских параллелей в урартской лексике и грамматическом строе. Все это дает нам основание утверждать, что урартский язык находится в близких родственных связях с индоевропейскими. Трудно пока установить точный характер этих родственных связей. Если родственность языков действительно определяется наличием определенного количества изоглосс, охватывающих их основной лексический фонд и грамматический строй, то урартско-индоевропейские изоглоссы именно такого характера. Следует однако сказать, что, во-первых, урартский язык не имеет особо тесных связей ни с одной из и.-е. групп языков (в том числе и дрезнеанатолийской), имея с каждой из них ряд более или менее важных совпадений, во-вторых, он обнаруживает большее количество архаичных черт, чем

какой-либо и.-е. язык. Поэтому можно сказать, что урартский язык не является прямым потомком и.-е. языка-основы, а его боковым родственником, потерявшим с ним связи в эпоху, когда еще существовала эргативная конструкция. Ясно, что и.-е. язык-основа не был чем-то обособленным, он имел родственные языки еще в эпоху „единства“, лишь частично засвидетельствованные, как урартский язык.

2) Урартский язык в дальнейшем не полностью потерял связи с индоевропейскими языками. Некоторые и.-е. лексические элементы в урартском языке, отклоняющиеся от общих закономерностей, по-видимому, следует объяснить влиянием и.-е. языков, с которыми урартский язык в тот или иной период приходил в соприкосновение. Среди них можно упомянуть пеласгский или какой-либо близкородственный язык (ср. урарт. *burgana* „крепость“ и пеласг. *ποργος* из и.-е. **bhrǵ-*), иранские (ср. урарт. *karī*—мера емкости сыпучих тел и др.-перс. >гр. *καπίθη*, причем из иранского источника и арм. *karic*), армянский (ср. урарт. *Aršibini*—имя коня и арм. *arçui* из **arcivi* „орел“) и др. Таким образом, если часть урартско-греческих совпадений в области собственных имен объясняется наличием общеиндоевропейских корней и суффиксов, то другая часть, по всей вероятности, является результатом исторических связей.

3) Пока с меньшей вероятностью мы можем говорить о родственных связях хурритского с индоевропейскими языками, чем урартского. Исходя из данных лингвистической географии, можно сказать, что урартский язык, по-видимому, в эпоху „единства“ занимал среднее положение между хурритским и индоевропейским, причем можно предположить существование и других, в историческое время исчезнувших языков, которые представляли переходные ступени, характеризовавшиеся определенным количеством переходных черт. Однако, как показывают некоторые факты, в отдельных случаях хурритский сохранил более близкие к индоевропейским языкам черты (ср. наличие относительного местоимения *ia-īe-*, в то время как в урартском относительное местоимение сохранилось в другом значении: *iū* „когда“), и дальнейшая работа над хурритским языком

(как и над урартским) является необходимой. Одновременно надо указать на недостаточность сравнительно-исторического анализа урартско-хурритских связей. Весьма вероятно, что многие слова, которые в настоящее время приводятся как доказательство родства этих языков, в действительности являются лишь обоюдными заимствованиями вследствие долгого общения хурритско-урартских племен. Особенно много заимствований должно быть в урартском языке из хурритского.

4) Первоначально мы были склонны объяснить общие индоевропейские корни хайасского и урартского языков как результат влияния хайасского языка на урартский. В настоящее время мы вправе утверждать, что значительная часть этих совпадений является общеиндоевропейской. Вместе с тем, нельзя отрицать возможность взаимного лексического влияния хайасского и урартского языков. Недостаточность хайасского языкового материала пока не дает нам возможности сделать вполне достоверные выводы, но можно сказать, что хайасский язык занимал среднее положение между древнеанатолийскими и урартским языками. В частности, можно указать на такое важное различие, как сохранение долгой гласных в хайасском и их потерю в урартском (и хурритском).

5) Урартский язык оказал большое влияние на армянский. В условиях наличия урартского субстрата в армянском языке, это влияние проявилось не только в лексике, но и в грамматическом строе и фонетических особенностях армянского языка. Одновременно очень большое место в армянской топонимике занимает урартский или близкий к нему элемент. Если, таким образом, дальнейшие исследования выявят в армянской топонимике много и.-е. корней, то это никсим образом нас не должно удивить в условиях новой трактовки характера хайасского, урартского и близких им языков. Но изучение армянской топонимики в этом направлении фактически еще не начиналось, и мы будем рады, если данное исследование явится в какой-то мере толчком к исследованиям в этой области. При этом сле-

дует иметь в виду, что урартский не является близкородственным армянскому языку.

б) Урартский язык, несомненно, оказал большое влияние и на кавказские языки, в частности на грузинский. Оставляя в стороне неудачные попытки доказать, что грузинский является потомком урартского (М. Джанашвили), аналогичные попыткам И. Сангалджяна и других в отношении к армянскому, ученые должны серьезно заняться изучением характера и степени влияния урартского и близкородственных языков на кавказские. Многие „индоевропейские“ элементы грузинской лексики и топонимики, несомненно, объясняются урартским влиянием.

ՈՒՐԱՐՏԵՐԵՆԸ ԵՎ ՀՆԴԵՎՐՈՊԱԿԱՆ ԼԵՁՈՒՆԵՐԸ

Ա. մ փ ո փ ու մ

Ուրարտերենի բառապաշարի և քննականական կառուցվածքի մեջ առանձին հնդեվրոպական տարրեր մասնանշվել են ուրարագիտության առաջին խի քայլերից սկսած: Մասնավորապես նշելի են այդ տարրերի հայտնաբերման և մեկնաբանության հետևյալ փորձերը:

1) Հետազոտողների մի մասը (Կ. Փ. Լեման-Հաուպտը, Պ. Նրոնցմերը, Ռ. Ալթերը), ուրարտացիներին համարելով եկվորներ Փոքր Ասիայի արևմուտքից և նախնակ փորձելով նրանց («վերին» խավը) կապել հնդեվրոպացիների հետ, ցույց են տվել այնպիսի զուգահեռների առկայությունը (գլխավորապես անձնանունների և տեղանունների մեջ), *ինչպիսիք են ուրարտ. patari «քաղաք»—լիկ. Patara (քաղաքի անուն), ուրարտ. Lutipri—լիկ. lada, ուրարտ. lutu «կին»+խուռ. ipri—ուրարտ. euri «տեր», ուրարտ. Menuaše—հուռ. Mivoc. ուրարտ. Argištiše—հուռ. Ἄργιστος «փալլոն» և այլն: Առանձնապես աչքի ընկնող են Բրանդենշտայնի բերած լիդիա-ուրարտական զուգադիպումները:*

2) Հետազոտողների մի այլ մասը (Ա. Գ. Մորտմանը, Հ. Սանտալյանը), ելնելով այն սկզբ տեսակետից, թե ուրարտերենը հայերենի հնագույն վիճակն է, փորձել է բացահայտել հայ-ուրարտական ընդհանրությունները, ընդ որում Սանտալյանը հաճախ դիմել է նաև մյուս հնդեվրոպական լեզուների տվյալներին: Ինչպես ցույց են տվել այս կոնցեպցիայի քննադատները (առանձնապես Ա. Գ. Սելսը, Հ. Հյուբշմանը, Հ. Աճառյանը), բերված զուգահեռների գերակշռող մեծամասնությունը հավաստի չէ և չի հենվում պատմա-համեմատական լեզվաբանության գիտական խիստ սկզբունքների վրա:

3) Առանձնապես մեծաթիվ են Գ. Ղափանցյանի բերած զուգահեռները: Նա ոչ միայն ցույց է տվել հնդեվրոպական մի շարք «տարրեր» ուրարտերենի բառապաշարի և նուրբիակ քերականական կառուցվածքի մեջ, այլև առանձին համեմատություններ է կատարել ուրարտերենի և հայերենի ու խեթերենի միջև: Սակայն նրա համեմատության ոչ խիստ մեթոդը և ընդհանուր կոնցեպցիայի արատավորությունը (հայերենը և խեթերենը ուրարտերենի, խուռերենի և մի շարք այլ հնդեվրոպական ու ոչ հնդեվրոպական լեզուների հետ միասին «ասիանիկ» լեզուների մեջ դնելը) զգալի չափով իջեցնում են նրա կատարած համեմատությունների արժեքը:

4) Վերջապես, արդի հետազոտողները, ընդունելով, որ ուրարտերենը և խուռերենը լեզվաբանական մի ուրույն խումբ են կազմում, կամ անուշադրության են մատնում ուրարտերենի և մասամբ խուռերենի «հնդեվրոպական տարրերը», կամ, լավագույն դեպքում, դրանք համարում են շրջապատող հնդեվրոպական ցեղերի ու ժողովուրդների ազդեցության արդյունք (Ի. Մ. Դյակոնով և ուրիշներ):

Սկզբնապես վերջին տեսակետին էր նաև ներկա աշխատության հեղինակը, որ փորձում էր ուրարտերենի «հնդեվրոպական տարրերը» բացատրել հնդեվրոպական լեզուների (այդ թվում և հայերենի) ազդեցությամբ: Սակայն հետագա աշխատանքը ուրարտերենի ուսումնասիրության ուղղությամբ ի հայտ բերեց այնքան «հնդեվրոպական տարրեր» և այնպիսի որակի, որ այդ բոլորը սովորական փոխառություններ կամ սուբստրատային ազդեցությամբ բացատրելը դարձավ անհնար:

Ուրարտերենի հնչյունական կառուցվածքի պատմա-համեմատական ըննությունը նարավորություն է տալիս բացահայտել հետևյալ հիմնական օրինաչափությունները.

1) Բառասկզբում հնդեվրոպական շնչեղ-ձայնեղներին (*bh, *di, *gh) համապատասխանում են b, d, g-ն, ձայնեղներին (*b, *d, *g)՝ p, t (l), k-ն, խուրերին (*p, *t, *k)՝ p, t, k (q, h)-ն:

2) Բառամիջի համար հնարավոր չեղավ սահմանել հնդեվրոպական բաղաձայնների շրջալ երևք կարգերի համապատասխանության որոշակի օրինաչափություններ, որ բացատրվում է մասամբ ուրարտական (տիկազական) սեպագրության առանձնահատկություններով, մասամբ էլ թերևս ուրարտական որոշ հնչյունների անցումնային վիճակով:

3) Հնդեվրոպական քմայնացած բաղաձայններին (*g'h, *g', *k') համապատասխանում են չքմայնացածները. այսինքն՝ ուրարտերենը centum լեզու է:

4) Հնդեվրոպական շրթնայնացված ետնալեզվայիններին (*g^h, *g^h, *k^h) համապատասխանում են gu, ku կոպպիցու-թյունները, բայց առաջին շարքի ձայնավորներից առաջ տեղի է ունենում ապաշրթնայնացում:

5) Հնդեվրոպական ձայնորդներին (*r, *l, *m, *n, *i, *u) սովորաբար համապատասխանում են r, l, m, n, i (i), u (u)-ն, վանկարար ձայնորդներին (*r, *l, *m, *n, *i, *u)՝ ar, al, a(m), a(n), l, u-ն:

6) Հնդեվրոպական *s-ին սովորաբար համապատասխանում է š-ն, երբեմն (սովորաբար առաջին շարքի ձայնավորներից առաջ)՝ s-ն:

7) Ուրարտերենն ունի որոշ լուրահատկություններ՝ ա) քմայնացման հետևանքով *d > z, *t > s անցում, բ) ետնալեզվայինների (հատկապես ջ-ն) անկում ալլ բաղաձայնների առջև զոնված գիրքում, գ) բառակցքի r-ից և բաղաձայնների կապակցություններից (šp, ši, šk, šh և այլն) առաջ ձայնավորների հավելում և ալլն:

8) Ուրարտերենը չի պահպանել հնդեվրոպական հիմնալեզվին հատուկ՝ երկար և կարճ ձայնավորների տարբերությունները:

9) Հնդեվրոպական *ā, *ā-ին համապատասխանում է a-ն. *ē, *e-ին՝ որոշ դիրքերում e, i-ն, ալլ դիրքերում՝ a-ն. *ō, o-ին՝ u-ն (*ō-ին՝ որոշ դեպքերում a-ն):

10) Ուրարտական պրոթյան առանձնահատկությունները հնարավորություն չեն ապահովում պարզելու երկարբառերի վիճակը, լայց դեպքերը գերակշռող մեծամասնությունը ցույց է ապրիս գրանց պարզեցում:

Ուրարտերենի քերականական կառուցվածքի և բառապաշարի մեջ կարելի է մատնանշել հետևյալ «հնդեվրոպարանությունները».

1) Քերականական կառուցվածքի մեջ՝ էրզատիվ կամ ակտիվ հոլովի եզ. թվի -š(e) վերջավորությունը (հմմտ. հնդեվրոպ. ազգ. հ. եզ. թ. *-s-ն), «ուղղական» կամ պասիվ հոլովի եզ. թ. -ni-ն (հմմտ. հնդեվրոպ. հայց. հ. եզ. թ. *-n-ն կամ *-nn-ն), սեռ. հ. եզ. թվի i-ն (հմմտ. լատ. սեռ. հ. եզ. թ. -i-ն, կելտ. -i-ն), էրզատիվ կամ ակտիվ հոլովի հոգն. թվի -(a)š(e)-ն [հմմտ. հնդեվրոպ. *(e)s-ը],

անցողական բայերի հոգն. թվի 3-րդ դեմքի -i-tu-ն (հմմտ. հնդեվրոպ. միջին սեռի բայերի հոգն. 3-րդ դեմքի *-eiu-ū-ն), արգելական հրամայականի հոգն. թ. 3-րդ դեմքի -e,itu-ն (հմմտ. խեթ. kunantu «թող խփեն» = հին հնդկ. hánantu), միջին կամ կրավ. սեռի եզակի 3-րդ դեմքի -ri-ն (-uri, -auri) (հմմտ. խեթ. -ri) և ալլն:

2) Բառապաշարի մեջ՝ ա) գոյական անուններ՝ a(n)da(ni) «չրջան (?), գավառ (?), գաշտ (?» (հմմտ. հայ. անդ, բրբռ, հանդ, թոխ. A ant, B ante «հարթավայր»), armuzi «ընտանիք (?)» (հմմտ. հայ. արմ, գ-արմ), arnuše «արարք, սիրազործություն, ստեղծագործություն» (հմմտ. հայ. առեմ, արարք), arše «մանուկ, պատանի, երիտասարդ» (հմմտ. ավեստ., հին պրսկ. aršan «այր, տղամարդ, արու»), bauše «բառ, խոսք, հրաման. իր, բան, առարկա» (հմմտ. հյ. բաձ, բառ, հին վ. գերմ. ban «հրաման»), buršana «ամրոց (?), օժանդակ գորք (?), գորք (?» (հմմտ. հին վ. գերմ. burg «ամրոց», հուն. <պնլազգ. πύργος «աշտարակ, ամրոց»)¹, gunuše «ճակատամարտ, կռիվ» (հմմտ. հուն. πόνοσ «սպանություն», հին սկանդ. gudr, gunnr «ճակատամարտ կռիվ») hubi «հովիտ (?), տերիտորիա (?), շրջան (?» (հմմտ. կիմր. cwmn, հին անգլ. cumb <հախաբրիտ. *kumbos «հովիտ»), išpuše «երջանկություն (?)» (հմմտ. հին հնդկ. sphiti- «հաջողություն», սուս. y-cnex «հաջողություն», լատ. pro-sperus «բարեպատեհ, հաջողակ, երջանիկ», խեթ. išpai- «ուտել-հաղենալ»), kapı—մի չափի | հմմտ. հին հնդկ. kapalī «երկու բուռ» (չափ), հուն. καπέτιε—մի չափի, lutu(ni) «կին» (հմմտ. ստորին գերմ. lüd, lüt «կին, աղջիկ»), pah'an/e «եզ, խոշոր եղջերավոր անասուններ» (հմմտ. հին հնդկ. pasu-, լատ. pecu, հին վ. գերմ. fihu «անասուններ»), pil'e «ջրանցք» (հայ. պեղեմ), qarb'e «ժայռ (?)» (հմմտ. ալբ. karpë «ժայռ»), qarmehi «տոն» (հմմտ. ալբ. գեգ. kreme «տոն»), iar(a)man^a/i,e-li (անեզ.)—մի տեսակ շինվածք (հմմտ. հուն. τεραμνον, τερενον «բնակարան», գործածվում է սովորաբար անեզաբար), iaše «նվեր» (հմմտ. հին հնդկ. dati- «նվեր», լատ. dōs, dotis «նվեր», հայ. տար-ք), uduli «խաղողի այգի» (հմմտ. հին վ. գերմ. tola «խաղողի վայր, խաղող»), uedia(ni) «կին» (հմմտ. հին հնդկ. vadhū- «հարս, երիտասարդ կին»), ueli «ժողով (?), հայաքույթ (?), ջոկատ (?)» (հմմտ. հուն. εἰλι «ամբուխ, խումբ, ջոկատ»), zar'e «այգի, պուրակ» (հմմտ. խեթ. taru,

¹ Ուրարտ. բառը հավանաբար փոխառություն է:

ուս. дерево «ծառ»), zaše «ուժ (?)» (հմմտ. խեթ. dašsuš «ուժեղ, ամուր»), zil(i)b'/e «սերժ, սերունդ» (հմմտ. հին անգլ. telga «ճյուղ», ալբ. djal «տղա, զավակ, որդի») և այլն. բ) անվան անուններ՝ badus'/e «հոյակապ» (?)» (հմմտ. հին հնդկ. bhadrā-h, «երջանիկ, լավ», su-bhadra-h «հոյակապ»), gazuli «գեղեցիկ, լավ» (հմմտ. հան. 𐎡𐎠𐎢𐎡 «լավ. օգտակար»), hurišhi «ուռգիչ (?)» (հմմտ. թուր. A wār, B war «ջուր», հին սկ. ur «բարակ անձրև»), kurun'ye «հզոր, բարձր (լեռան մասին)» (հմմտ. հին հնդկ. śūra- «ուժեղ, ամուր, հերոս»), šukuri «կոչված (?)» (հմմտ. հան. 𐎱𐎠𐎢𐎡 «պատմել, կանչել, կոչել, դիմել, հրամայել»), հին պ. գերմ. sagen «ասել»), tara(g)'/e «հզոր, ուժեղ, շատ» (հմմտ. հին հնդկ. tarā- «ուժեղ», խեթ. tarhuili «ուժեղ, հզոր») և այլն. գ) քվակաճ անուններ՝ šu-sini «մեկ» (հմմտ. թուր. A sas, B še «մեկ», գոթ. sums «մեկը, ինչ-որ մեկը»), atibi «ասա հագար, բյուր» (հմմտ. թուր. B tumane «ասա հագար», ուս. ты́сяча, հայ. քյււյ. գ) դերանուններ՝ ie-še «ես» (հմմտ. հնդկերոպ. *e-g'(h)- «ես», որտեղից հայ. ես, և սերարա. -še), -me «ինձ» (հմմտ. հին հնդկ. mā, հուն. με, լատ. mē «ինձ»), -ni «նրան, նրա» (հմմտ. խեթ. annis, ուս. он «նա», հայ. նա, -ն), u-ki «իմ» (հմմտ. խեթ. kī «ասա», հայ. սա, -ս), ali(e) «որ, որպիսի», aluše «ով, որ», al'/e-k'/e...al'/e-k'/e, ali... alipi «ոմանք... մյուսները», uli(e)še «ուրիշը» (հմմտ. լատ. alius, alis «ալլ», aliquis «ով-որ, ինչ-որ»), a(i)ni(ei) «մեկը, ինչ-որ մեկը» (հմմտ. հին հնդկ. anya-, ափեստ. anya-, ainya, հին պարսկ. aniya- «ալլ» կամ լատ. ūnus, հին ձև oinos «մեկը, ինչ-որ մեկը», գոթ. ains «մի, մեկ») և այլն. ե) բայեր՝ aba- «ցանկանալ (?)» (հմմտ. հին հնդկ. ávati «ցանկանում է. պահանջում է, աջակցում է»), abildu- «ավերացնել» (հմմտ. հուն. ἀβίλλω «մեծացնել, շտտացնել», հայ. աւելի, յաւելում), agu- «անցկացնել (ջրանցք), տանել (գերիներին)» (հմմտ. հուն. ἄγω «տանել, քշել») aru- «տալ, շնորհել, մատուցել» (հմմտ. ափեստ. ar- «տալ, շնորհել, մատուցել, երաշխավորել»), ašgu- «գրավել» (հմմտ. հուն. ἄσχω, աոր. ἔσχω «պահել, բռնել, գրավել, տիրել»), ašta- «ուղևորվել (?)», aš'/du- «գարձնել, սահմանել» (հմմտ. հին հնդկ. ā-sta- «ուղևորվել, ոտք դնել, դանվել», հուն. ἰστέμαι, աոր. ἔστη «դնել, կանգնեցնել, դանալ, դարձնել, սահմանել»), atu- «ուտել, սպառել, ոչնչացնել» (հմմտ. հին հնդկ. ādmi, ātti «ուտում եմ, ուտում է», հայ. ուտեմ), du- «անել, անել տալ», zadu- «անել, կատարել, ստեղծել» (հմմտ. հին վ. գերմ. tuon «անել, կատարել», teia

«արեցի»), erida «երևալ (?), գալ (?), դնալ (?)» (հմմտ. ալբ. աոր. erōa «եկա», հայ. հրամ. արի'), hašia- «լսել, հնադանդվել», hašu- «լսել» (հմմտ. գոթ. hausjan «լսել»), manu- «լինել, գոյություն ունենալ» (հմմտ. լատ. maneo «մնալ», թուր. AB māsle «լինել, գոյություն ունենալ»), paru- «քշել, տանել» (հմմտ. խեթ. parh- «քշել», հուն. παραίω «տանել, անցկացնել, ուղարկել»), silua- «բարրացված լինել» (հմմտ. հուն. հով. 𐎱𐎠𐎢𐎡 «բարրացված»), sulušti «երեսի վրա բնկնել» (հմմտ. հայ. սուլիճ, սողսլիճ, հին իռլ. séid «քարշ է գալիս, սողում է»), sidu-, sidis(i)tu- «կառուցել» (հմմտ. հուն. *ἴδω «դնել, տեղավորել, սարքել, կառուցել», ափեստ. հին պարսկ. hadlš- «բնակարան, պալատ»), tiau- «ասել, խոսել», tini «անուն» (հմմտ. խեթ. te- «ասել»), tubardu- «հանձնել (?)» (հմմտ. լիտվ. daviaū «տվեցի», հայ. տամ, աոր. եան), ula- «գնալ», ulu- «տանել (?)», uluštia- «ասաշնորդել (?)» (հմմտ. հուն. ἐλάω, ἐλαύνω «քշել, տանել, առաջնորդել, գնալ, ուղևորվել, մեկնել») zieldu- «ճնշել» (հմմտ. հուն. θλίβομαι «վերավորել, վնասել, սպանել, ոչնչացնել, թալանել», լատվ. dēlit «տանջել, նահատակել») և այլն. զ) մակբայներ, նախորդություններ և ետադրություններ, շղկապներ, մասնիկներ՝ ali «երբ (?)» (հմմտ. լատ. olim «մի ժամանակ»), autie «որտեղ (?)» (հմմտ. հնդկերոպ. *au-, u-, *uē-. վերջին ձևից թուր. B wa-t «որտեղ»), iu «երբ» (= իտալ. ie-/ia- «որը», հմմտ. հին հնդկ. yás, yá, yād, ափեստ. yo «որը»), išti-ni «աջնտեղ» (հմմտ. լատ. istī «աջնտեղ»), pari(e) «մինչև, դեպի» (հմմտ. հին հնդկ. pári «միջով, դիմաց», հայ. առ), eai, eia, e'a «և, նաև, նույնպես և, ինչպես» (հմմտ. խեթ. -ia «և, նաև, նույնպես և», թուր. A yo, B wai «և»), šiki «ինչպես (?), երբ (?)» (հմմտ. հին լատ. sō-c «այրպես», լատ. sī «երբ, եթե», գոթ. swē «ինչպես»), ge, gi, gie, giei—մասնիկ, որը սովորաբար գոյածանում է նախորդ բառի ուժեղացման համար և զբոլում է հատկապես ժխտականի հետ (հմմտ. հուն. οὐ-χί «ոչ» — ուրարտ. ui giei), ku'/e «իսկ, նույնիսկ, նաև, նույնպես» (հմմտ. լատ. que «և, իսկ») me(i) «ի՞նչ է..., մի» (հմմտ. հուն. μή, հայ. մի'), -pi (ali... ali-pi «ոմանք... մյուսները») (հմմտ. լատ. -pe), ui «ոչ» (հմմտ. հուն. ous «ոչ») և այլն:

Վերևում բերված փաստերի, ինչպես նաև ուրարտերենի և իտալերենի, հայասերենի ու հայերենի ընդհանրությունների քնննությունը հանգեցնում է հետևյալ հիմնական եզրակացությունների.

1) Քանի որ ուրարտա-հնդեվրոպական իզոգլոտները ընդգրկում են քերականական կառուցվածքի և բառապաշարի հիմնական շերտը, ապա կարելի է ասել, որ ուրարտերենը ակնհայտ ցեղակցական կապերի մեջ է եղել հնդեվրոպական լեզուների հետ: Մյուս կողմից, քանի որ ա) ուրարտերենը հատուկ մերձավոր կապեր չունի հնդեվրոպական լեզվախմբերից որևէ մեկի հետ, բ) պահպանել է ավելի շատ արխայիկ դժեր, քան թերևս հնդեվրոպական լեզուներից որևէ մեկը, և գ) նրա որոշ գծերը (օրինակ՝ էրզատիվ կառուցվածքը) չեն կարող անմիջականորեն բխեցվել հնդեվրոպական հիմնալեզվից, ուստի և նրան չի կարելի համարել այդ հիմնալեզվի ուղղակի հետնորդը, այլ այսպես կոչված կողմնական ցեղակիցը, որը պայմար կորցրել է նրա հետ այն ժամանակ, երբ դեռևս գոյություն է ունեցել էրզատիվ կառուցվածքը: Պարզ է, որ հնդեվրոպական հիմնալեզուն առանձնակի կանչնած չէ եղել, ունեցել է ավելի կամ պակաս մերձավոր ցեղակիցներ, որոնցից մեկը պետք է եղած լինի ուրարտերենը:

2) Ուրարտերենը հետագայում կապերը լիովին չի խզել հնդեվրոպական տարբեր լեզուների հետ և ազդվել է ու ազդել նրանց վրա: Ընդհանուր օրինաչափություններից շեղվող որոշ բառեր ուրարտերենը անշուշտ փոխ է առել շրջակա որոշ հնդեվրոպական լեզուներից՝ պելագերենից կամ որևէ ցեղակից լեզվից (հմմտ. ուրարտ. burgana և պելագո. βούργος), ինչպես արևելքից կամ իրանական այլ լեզուներից (հմմտ. ուրարտ. արի և հին պարս. >հուն. αργή, ընդ որում իրանական աղբյուրից է ծագում և հայ. կապիճ-ը), հայերենից (հմմտ. ուրարտ. Aršibini—ձիու անուն և հայ. արծուի) և այլն: Այդպիսով, եթե ուրարտա-հունական, ուրարտա-հիմնատոլիական և այլ զուգադիպումների մի մասը բացատրվում է ուրարտա-հնդեվրոպական ընդհանրություններով, ապա մյուս մասը (հատկապես անձնանունները և տեղանունների մեջ) արդյունք է հունարենի, ինչպես անատոլիական և այլ հնդեվրոպական լեզուների ազդեցություն:

3) Առաջին ավելի փոքր հավանականությունը կարելի է խոսել խուռա-հնդեվրոպական ցնդակցություն մասին (նկատի չունենք խուռերենի՝ հին հնդկական փոխառությունները): Կարելի է թերևս ասել, որ «միանունության» շրջանում ուրարտերենը սփռնի դիրք է զբաղել հնդեվրոպական հիմնալեզվի բարբառների և խուռերենի միջև, ոչ ոք որում կարելի է ենթադրել անցման դանդաղ աստիճաններ ներկայացրած և պատմական շրջանում անհետացած այլ լեզուների և բարբառների գոյությունը ևս: Միաժամանակ նկատի

ունենալով խուռա-ուրարտական զուգահեռների ուսումնասիրության դեռևս անբավարար վիճակը, կարելի է ասել, որ որպես այդ լեզուների ցեղակցության ապացույց բերվող բառերի մի մասը կարող է փոխառություն արդյունք լինել:

4) Եթե ճիշտ է մեր այն կարծիքը, թե հայասերենը հնդեվրոպական լեզու է և մերձավոր ցեղակից Նին անատոլիական լեզուների¹, ապա ուրարտա-հայասական ընդհանուր բառերի մի մասը պետք է դասել ուրարտա-հնդեվրոպական զուգահեռների շարքը: Որոշ մասն էլ պետք է համարել փոխադարձ ազդեցության արդյունք: Ինչպես որ հայասական ցեղերը տերիտորիապես միջին դիրք են զբաղել հին անատոլիական լեզուների և ուրարտերենի միջև, ուստի և հայասերենը որոշ դեպքերում պետք է փոխանցող օղակ հանդիսացած լինի:

5) Ուրարտա-հնդեվրոպական ունիզվածքով բացատրվող հայ-ուրարտական զուգադիպումներից պետք է տարբերել փոխադարձ ազդեցության արդյունք հանդիսացող ընդհանրությունները: Առանձնապես ուշագույն է եղել ուրարտերենի ազդեցությունը: Հայերենի մեջ ուրարտական սուբստրատի առկայության պայմաններում այդ ազդեցությունը արտահայտվում է ոչ միայն բառապաշարի (ուրարտ. baba «բաբ» > հայ. բաբայ «բլուր», ուրարտ. burgana «ամրոց» > հայ. բուրգո, սեռ. բրգան, ուրարտ. ebanı «երկիր» > հայ. -եռան՝ տեղանունների մեջ, ուրարտ. harharšū- «կործանել» > հայ. խարխարել և այլն), այլև քերականական կառուցվածքի և հնչյունական որոշ առանձնահատկությունների մեջ (եզակի թվում -ի-ով և հոգնակիում -ա-ով հիմքերի գերակշռությունը, -ն-ով հիմքերի առատությունը, երկար և կարճ ձայնավորների տարբերության վերացումը, նախահայերենի վերօրնթեր շնշարը, շեշտազուրկ վանկերի երկարբառների ու ձայնավորների փակ դառնալը, թերևս բառադիրքում ա, ո, ն ձայնավորներից հետո յ-ի հաղկումը՝ -այ, ոյ, է. հետագա զրու-թյամբ և այլն): Հավանաբար մեծ թիվ է կազմում ուրարտական տարրը հայկական տեղանունների մեջ, մի հարց, որ կարող է հետագա ուսումնասիրության:

6) Ուրարտերենը անշուշտ մեծ ազդեցություն է թողել կովկասյան լեզուների, հատկապես վրացերենի վրա: Վրացերենի բառապաշարի և տեղանունների «հնդեվրոպական» թվացող շատ տարրեր պետք է բացատրել ուրարտական ազդեցությամբ:

¹ Հմմտ. „Archiv orientalni“, 1961, № 3, էջ 353—405:

THE URARTEAN AND INDO-EUROPEAN LANGUAGES

SUMMARY

Indo-European elements have been perceived in the vocabulary and grammatical structure of the Urartean language even at its early stages of development. The following efforts to discover and define these are especially noteworthy.

1) Some of the researchers (K. F. Lehman-Haupt, P. Kretschmer, R. Eisler) considering the Urartians as having migrated from the western part of Asia Minor and even attempting to relate (the „upper class“) to the Indo-Europeans, call attention to the existence of such parallels (especially in personal and place names) as: Urart. *patari* „tawn“—Lyc. *Patara* (the name of a city), Urart. *Lutipri*—Lyc. *lada*, Urart. *lutu* „woman“ + Hurr. *ipri*—Urart. *euri* „master“, Urart. *Menuase*—Gk. Μένωρ, Urart. *Argistise*—Gk. Ἀργεστης „bright“, etc.

The Lydian-Urartean coincidences given by Brandenstein are particularly interesting.

2) Another group of researchers (A. D. Mordtmann, H. Sandaljian) basing their observations on the erroneous belief that the Urartians were the ancient predecessors of the Armenians have endeavoured in bringing to light similarities in the Urartean and Armenian languages, Sandaljian often going to the other Indo-European languages for facts. As the critics of this conception have pointed out (especially A. G. Sayce, H. Hübschmann, H. Ajarian) the majority of examples are unreliable and not founded on the strict scientific laws of comparative linguistics.

3) G. Kapantsyan has found an exceptionally great number of parallels. He has not only uncovered numerous „Indo-European elements“ in the Urartean vocabulary and even in the grammatical structure, he has made separate comparisons with the Urartean, Armenian and Hittite languages as well. However, the value of his comparisons, has considerably decreased due to the laxness of his method and the fallaciousness of his general conception (having classed Armenian and the Hittite language with Urartean, Hurrian and a number of other Indo-European and non-Indo-European languages in the „Asiatic“ group).

4) Lastly, the contemporary researchers, by accepting the fact that Urartean and Hurrian form an independent linguistic group, either ignore the Urartean and partly the Hurrian „Indo-European elements“, or at the most, consider them to have come from the Indo-European tribes and peoples neighbouring the Urartians (I. M. Dyakonoff and others).

At first, the author of this work was in agreement with the latter theory which endeavoured to explain „the Indo-European elements“ in Urartean as having been influenced by the Indo-European languages (Armenian included). However, further study into the Urartean language brought to light so many „Indo-European elements“ and of such quality as to make it impossible to consider them all as simply borrowings or substratum.

A comparative study of the phonetic structure of the Urartean language has shown the following basic correspondences.

1) At the beginning of a word the Indo-European voiced aspirates (*bh, *dh, *gh) correspond to b, d, g; the voiced consonants (*b, *d, *g) correspond to p, t(t), k; the voiceless consonants (*p, *t, *k), to p, t, k (q, h).

2) In the middle of a word it was not possible to discover any conformity in relation to the three groups of Indo-European consonants mentioned which may be partially accounted for by the peculiarity of the Urartean (Accadian) cuneiforms, and, perhaps, by the transitional state of some of the Urartean sounds.

3) The Indo-European palatal consonants (*g'h, *g', *k') correspond with the non-palatal sounds, i. e. the Urartean language is a Centum language.

4) The Indo-European labio-velars (*g^hh, *g^hu, *k^hu), correspond with the combinations gu. ku, however, no labialization occurs before front vowels.

5) The Indo-European sonants (*r, *l, *m, *n, *i, *u) usually coincide with r, l, m, n, i, (l), u (u), and the syllabic sonants (*r, *l, *m, *n, *i, *u) with ar, al, a(m), a(n), i, u.

6) The Indo-European *s as a rule corresponds to s, sometimes (before front vowels?) to š.

7) The Urartean language has some idiosyncrasies: a) transition of *d > z, *t > s due to palatalization; b) loss of velars (especially g) before other consonants; c) development of vowels sound before r at the beginning of a word and before consonant groups (šp, št, šk, šh, etc.) etc.

8) The Urartean language has not retained the distinction between short and long vowels specific to the parent Indo-European language.

9) The Indo-European *ā, *a correspond to a; *ē, *e, in some cases to e, i, in others to a; *ō, o, to u (*ō sometimes to a).

10) The peculiarities of the Urartean inscriptions make it impossible to define the state of the diphthongs. However, the overwhelming majority of instances point to their monophthongization.

The following Indo-European coincidences may be observed in the grammatical structure and vocabulary of the Urartean language.

1) Grammatical structure: the -š(e) ending in the Ergative or Active case, sing. (cf. Indo-Eur. Nom. case, sing. *-s), „nominative“ or passive case, sing. -ni (cf. Indo-Eur. Acc. case, sing. *-n or *-m), Gen. case, sing. -i (cf. Lat. Gen. case, sing. -ī, Celt. -i), Ergative or active case, pl. -(a)š(e) [cf. Indo-Eur. *(e)s], the 3rd pers. pl. of transitive verbs -i-tu (cf. Indo-Eur. middle voice of verbs, 3rd pers. pl. -en-to), the 3rd pers. pl. of the prohibitive form of the Imperative -e/i-tu (cf. Hitt. kuan-tu „let them strike“ = Old Ind. hānantu), 3rd pers. sing. of the middle or passive voice -ri (-uri, -auri) (cf. Hitt. -ri) etc.

2) Vocabulary: a) Nouns—*a(n)da(ni)* „region (?), province (?), field (?“ (cf. Arm. and, dial. hand, „field“, Toch. A ant, B ante „plain“), *armuzi* „family(?)“ (cf. Arm. arm „root, stem, tribe“, z-arm „tribe“), *arniuse* „deed, exploit, work“ (cf. Arm. arnem „do, fulfil“, arark „deed, exploit“), *arše* „babe, child, youth“ (cf. Avestan, Old Pers. arsan „man, male“), *baūše* „word, speech, order; ining, object“ (cf. Arm. ban „speech; thing“, bai „word“, OHG. ban „order“), *burgana* „fortress (?), auxiliary army (?), army (?“ (cf. OHG. burg „fortress“, Gk. < Pelasg. πύργος „tower, fortress“)¹, *gunuše* „battle, fight“ (cf. Gk. φόνος „murder“, Old Scand. guār, gunnr „battle, fight“), *hubi* „valley (?), territory (?), region (?“ (cf. Cimb. cwmm, OE. cumb < prae-Brit. *kumbos „valley“), *ispuiše* „happiness (?“ (cf. Old Ind. sphiti- „success“, Russ. y-cnex „success“, Lat. pro-sperus „prosperous, fortunate, successful, happy“, Hitt. išpar- „eat, puench“), *kapi*—a measure [cf. Old Ind. kapatī „two handfuls“ (measure), Ck. καπετις—a measure]¹, *lutu(ni)* „woman“ (cf. Low G. lūd, lūt „woman, girl“), *paḥjan¹/e* „ox, cattle“ (cf. Old Ind. pāsu-, Lat. pecu, OHG. fihu „cattle“), *pi¹/e* „canal“ (Arm. peḥem „to dig“), *qarb¹/e* „rock (?“ (cf. Alb. karpē „cliff, rock“), *qarmehi* „holiday, festive occasion“ (cf. Alb. Geg. kreme „holiday), *tar(a)man^o/i, e-li*—a kind of building (cf. Gk. τέραρον, τέρρον „apartment, abode“, commonly used in the plural), *taše* „gift“ (cf. Old Ind. dati- „gift“, Lat. dōs, dotis „gift“, Arm. tur-kc „gift, tax“), *uduli* „vineyard“ (cf. OHG. tola „grapevine, grapes“), *uedia(ni)* „woman“ (cf. Old Ind. vadhū- „bride, young woman“), *ueli* „meeting (?), gathering (?), squad (?“ (cf. Gk. εὐλη „crowd, group, squad“), *zar¹/e* „garden, park“ (cf. Hitt. taru, Russ. дерево „tree“), *zase* „strength (?“ (cf. Hitt. daššus „strong, firm“), *zill(i)bi¹/e* „seed, offspring“ (cf. OE. telga „branch“, Alb. djal „boy, child, son“), etc.

b) Adjectives—*badus¹/e* „wonderful (?“ (cf. Old Ind. bhadrā-ḥ „happy, good“, sú-bhadra-ḥ „wonderful“), *gazuli* „beautiful, good“ (cf. Gk. γάσιος „good, useful“), *hurišhi* „irrigating(?)“ (cf. Toch. A wār, B war „water“, Old Scand. ur „light

¹ The Urartean word is in all probability a borrowing.

rain“), *kurunⁱ/e*, „mighty, high (of mountain)“ (cf. Old Ind. *súra-* „strong, hard(y), hero“), *šukuri* „called“ (?) (cf. Gk. *ἔπω* „to tell, call, name, address, order“, OHG. *sagen* „say“), *tara(g)ⁱ/e* „mighty, strong, many“ (cf. Old Ind. *tarā-* „strong“, Hitt. *tar-juili-* „strong mighty“), etc.

c) Numerals—*susine* „one“ (cf. Toch. A *sas*, B *se* „one“, Goth. *sums* „one, some“), *atibi* „ten thousand, myriad“ (cf. Toch. B *tumane* „ten thousand“, Russ. *тысяча* „thousand“, Arm. *tⁱiv* „number“).

d) Pronouns—*ie-se* „I“ (cf. Indo-Eur. **e-g'(h)-* „I“, whence Arm. *yes* „I“, and Urart. *-še*), *-me* „me“ (cf. Old Ind. *ma*, Gk. *με*, Lat. *me* „me“), *-ni* „him, his“ (cf. Hitt. *anniš*, Russ. *он* „he“, Arm. *na*, *-n* „he“), *u-ki* „my“ (cf. Hitt. *kī* „this“, Arm. *sa*, *-s* „this“), *ali(e)* „what, which“, *aluse* „who, which“, *aliⁱ/e-kⁱ/e...alⁱ/e-kⁱ/e*, *ali...alipi* „some... others“, *uli(e)se* „the other“ (cf. Lat. *alius*, *alis* „other“, *aliquis* „whoever, whatever“), *a(i)ni(ei)* „one, someone“ (cf. Old Ind. *anya*, Avest. *anya*, *ainya*, Old Pers. *aniya* „other“ or Lat. *ūnus*, old form *oinos* „one, someone“, Goth. *ains* „a, one“), etc.

e) Verbs—*aba-* „to wish(?)“ (cf. Old Ind. *āvati* „wishes, demands, aids“), *abilidu-* „to add“ (cf. Gk. *οφέλλω* „to grow, increase“, Arm. *aveli* „more“, *yavelum* „to add“), *agū-* „to lay (a canal), drive (prisoners)“ (cf. Gk. *ἄγω* „to take away, to drive away“), *aru-* „to give, serve“ (cf. Avest. *ar-* „to give, bestow, serve, vouch“), *asgu-* „to occupy“ (cf. Gk. *ἔχω*, aor. *ἔσχω* „to keep, hold, occupy, own“), *ašta-* „to start(?)“, *as/du-* „turn, limit“ (cf. Old Ind. *ā-sta-* „to start, set foot, be“, Gk. *ἵστημι*, aor. *ἔστην* „to put, erect, turn, limit“), *atu-* „to eat, consume, destroy“ (cf. Old Ind. *ādmi*, *āti* „am eating, is eating“, Arm. *utem* „to eat“), *du-* „to do, make do“, *zaāu-* „to do, execute, create“ (cf. OHG. *tuon* „to do, execute“, *teta* „did“), *erida* „to appear(?), come(?)“ (cf. Alb. aor. *erōa* „came“, Arm. Imp. *ari* „rise! come!“), *hašia-* „to hear, obey“, *hašu-* „to hear“ (cf. Goth. *hausjan* „hear“), *manu-* „to be, exist“ (cf. Lat. *maneo* „to stay“, Toch. AB *māsk* „to be, exist“), *paru-* „to drive, take away“ (cf. Hitt. *parḫ-* „to drive“, Gk. *παραίω* „to take, let pass, send“), *silua-* „be kind“ (cf. Gk. Homer. *ἰλα(F)ος* „benevolent“), *sulušti-* „to fall on one's face“ (cf. Arm. *sołim*,

sołoskim „to creep, crawl“, Old. Ir. **selid* „he is dragging, he is crawling“), *siāu-*, *sidis(i)tu-* „to build“ (cf. Gk. **τίω* „to put, arrange, fix, build“, Avest. Old Pers. *hādis-* „abode, palace“), *tiau-* „to say, speak“, *fini* „name“ (cf. Hitt. *te-* „say“, *tubardu-* „to give(?)“ (cf. Lith. *daviaū* „I gave“, Arm. *tam* „give“, aor. *etu*), *ula-* „to go“, *ulu* „to take(?)“, *uluštia-* „lead(?)“ (cf. Gk. *ἐλάω*, *ἐλαίνω* „to drive, take, lead, go, set out, leave“), *zieldu-* „to oppress“ (cf. Gk. *ἔηλεομαι* „to wound, hurl, kill, destroy, loot“, Lett. *dēlit* „to torture, torment“), etc.

f) Adverbs, prepositions and post-positions, conjunctions, particles—*ali* „when(?)“ (cf. Lett. *olim* „once“), *auie* „where(?)“ (cf. Indo-Eur. **au-*, **u-*, **uē-* from the latter form Toch. B *wa-t* „where“), *iu-* „when“ = Hurr. *ie-/ia-* „which“ (cf. Old Ind. *yās*, *yá*, *ya* Avest. *yō* „which“), *išti-ni* „there“ (cf. Lat. *istī* „there“), *pari(e)* „until, toward“ (cf. Old Ind. *pāri* „though, before“, Arm. *ar* „to; by“), *eai*, *eia*, *e'a* „and, also, too, as“ (cf. Hitt. *-ia* „and, also, too“, Toch. A *yo*, B *wai* „and“), *suki* „as(?)“, *when(?)*“ (cf. Old Lat. *so-c* „as“, Lat. *sī* „when, if“, Goth. *swē* „as“), *ge*, *gi*, *gie*, *giei* — a particle which is commonly used to emphasize the previous word and especially used with the negative (cf. Gk. *χι*, *ὀ-χι* „no“ = Urart. *ui gie*), *kuⁱ/e* „but, even, and, also“ (cf. Lat. *que* „and, but“), *me(i)* „don't let... don't“ (cf. Gk. *μή*, Arm. *mí* „don't“), *-pi* (*ali...ali-pi* „some... others“) (cf. Lat. *-pe*), *iu* „no“ (cf. Gk. *ὀ* „no“), etc.

The above mentioned facts, as well as the observations made of the coincidences in the Urartean and Hurrian, Hayasa and Armenian languages lead us to the following conclusions:

1) Since the Urartean-Indo-European isoglossics include the fundamental stratum of the grammatical structure and vocabulary, the Urartean language might be said to have been in definite cognate relations with the Indo-European languages. On the other hand, whereas, a) the Urartean language hadn't any especially close ties with any of the other Indo-European language groups, b) it has retained more archaic traits than perhaps any one of the other Indo-European languages, and c) some of the distinguishing features (its Ergative construction) are not immediately derived from the Indo-European language, thus Urartean should not be considered as directly

succeeding the latter. It is rather a so-called collateral relative, which having lost its connections with the Indo-European languages at a time when it itself still retained its Ergative construction. It is evident that the Indo-European language was not isolated -- it had more or less closely related kin of which Urartean must have been one.

2) Later, the Urartean language did not completely sever its connections with the Indo-European languages influencing and being influenced by them. Some words, to which the general rules do not apply, must have been borrowed from the neighbouring Indo-European languages, such as Pelasgian or any of the related languages (cf. Urartean *burgana* and Pelasg. *πύργος*), Old Pers. or any of the other Iranian languages (cf. Urart. *kapi* and old Pers. *>Gk. καπίη*; the Armenian *kapič*—a measure—being derived from the Iranian source), from Armenian (cf. Urart. *Aršibini*—name of a horse and Arm. *arcu*) etc. Thus, if some of the Urartean-Greek, Urartean-Old Anatolian and other parallels can be explained by Urartean-Indo-European coincidences, the remainder (particularly personal and place names) have resulted from the influence of the Greek, Old Anatolian and other Indo-European languages.

3) At the present time, the Hurrian-Indo-European relationship is less probable (we do not have in view the early Indian borrowings in the Hurrian language). It may be said, perhaps, that during the period of „unity“ the Urartean language held an intermediate position in relation to the dialects of the Indo-European and the Hurrian languages, it being plausible to also assume the existence of other languages and dialects presenting various stages of transition and disappearing during the historical period. Taking into consideration the fact that the study conducted on the Hurro-Urartean parallels is incomplete it may be said that the words brought as proof of the relationship of these languages are borrowings.

4) If our assumption that Hayasa is an Indo-European language and closely related to the Old Anatolian tongues¹, is true then some of the Urartean-Hayasa common words

¹ Cf. „Archiv orientální“, 1961, № 3, pp. 353—405.

must be classified under the Urartu-Indo-European parallels. Another part has to be considered the result of mutual influence. Since the Hayasa tribes, as far as territory is concerned, occupied an intermediate position between the Old Anatolian and Urartean languages, the Hayasa language, in some cases, must have been a transmitting link.

5) The Armenian-Urartean parallels, explained by the Urartean-Indo-European coincidences, must be differentiated from those resulting under mutual influence. The Urartean language has been particularly influential. In Armenian, under the circumstances of existing Urartean substratum, that influence is expressed not only in the vocabulary (Urart. *baba* „mountain“ *>Arm. babay* „hill“, Urart. *burgana* „fort“ *>Arm. burgn* Gen. *burgan*, Urart. *ebani* „country“ *>Arm. -evan* in place names, Urart. *harharšu* „destroy“ *>Arm. xarxarel* „the ruin, destroy, dilapidate“ etc.), but also in the grammatical structure and in some phonetic peculiarities (predominance of -i-stems in the singular and -a- in the plural, abundance of -n-stems, the disappearance of distinctions between long and short vowels, stressing of the penultimate in early Armenian, the closing of diphthongs and vowels in unstressed syllables, perhaps the addition of -y after the vowels a, o, e at the end of a word—later written -ay, -oy, -ē *>*ey*). It is probable that there are great number of Urartean elements in Armenian place names, a problem which requires further study.

6) Doubtlessly the Urartean language has had a decided effect on the Caucasian languages, particularly upon the Georgian. Many elements in the vocabulary and place names of the Georgian which appear to be Indo-European must be explained by the Urartean influence.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	
Фонетика	
Морфология	
Синтаксис	
Лексика	
Урартский, хурритский, хайасский, армянский	
Заключение	
<i>Արարտեաները և հնդեվրոպական լեզուները (ամփոփում)</i>	
The Urartean and Indo-European Languages (Summary)	

ГЕВОРК БЕГЛАРОВИЧ ДЖАУКЯН

УРАРТСКИЙ И ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Отв. редактор Н. В. А р у т ю н я н
Редактор издательства Р. А. Ш т и б е н
Худ. оформление К. А. Ю т у н д ж я н а
Технический редактор М. А. Ка п л а н я н
Корректор З. К. С т е п а н я н

Сдано в производство 29/III 1962 г. Подписано
к печати 1/VII 1963 г. ВФ 07142. Формат бум. 60×92¹/₁₆.
Печ. л. 9,75. Уч.-изд. л. 7,83. Тираж 1000.
Заказ 323. РИСО 729. Изд. № 2073.
Цена 67 коп.

Типография Издательства Академии наук Армянской ССР,
Ереван, ул. Барекамутян, 24

5
11
47
87
94
125
136
140
148

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
5	3-я сверху	доп. э.	до н. э.
54	13-я снизу	объяснить	объяснить
55	18-я снизу	но, возможно,	но возможно
71	13—14-я сверху	соответствует	соответствуют